ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА»

На правах рукописи

Макитова Танзиля Тахировна

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Специальность 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно- сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор **Геляева А.И.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕН	НИЕ	4
Глава 1.	СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ	
	КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИС-	
	СЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ СОГЛАСИЯ/	
	НЕСОГЛАСИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ	12
1.1.	Согласие/несогласие как трансдисциплинарная категория	12
1.2.	Аспекты изучения согласия и несогласия в отечественном	
	языкознании	21
1.3.	Различные трактовки дискурса и аспекты его исследования	34
1.4.	Статус научного дискурса в системе дискурсов и его жанровая	
	специфика	39
Выводы		56
Глава 2.	СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ СОГЛАСИЯ/	
	НЕСОГЛАСИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ	58
2.1.	Статус согласия и несогласия в научном дискурсе.	
	Соотношение согласия/несогласия с другими дискурсивными	
	категориями	58
2.1.1.	Скрытая экспликация согласия/несогласия в рамках	
	дискурсивной категории оценочности	59
2.1.2.	Специфика репрезентации согласия/несогласия дискурсивной	
	категорией интертекстуальности	66
2.1.3.	Имплицитное выражение согласия/несогласия дискурсивной	
	категорией диалогичности	74
2.2.	Особенности репрезентации согласия/несогласия в ядерных	
	жанрах научного дискурса	77
2.2.1.	Основные способы выражения согласия в научной	
	монографии и статье	80
2.2.2.	Основные способы выражения несогласия в научных	
	монографиях и статьях	92

2.3. Репрезентация согласия/несогласия в оценочных жанра	X	
научного дискурса		98
2.3.1. Особенности жанра научной рецензии в общей системе		
научных жанров		98
2.3.2. Основные способы выражения согласия и несогласия		
в оценочных жанрах научного дискурса		103
2.3.3. Понятие и виды речевой агрессии, факторы агрессивнос	сти	
высказывания в оценочных жанрах научного дискурса.	• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	109
2.3.4. Субъективно-оценочные средства выражения несогласи	RI	
в жанрах научной рецензии (отзыва)	•••••	114
2.3.5. Соотнесённость согласия/несогласия в научном дискуро	ce	
с языковой личностью	•••••	119
Выводы		128
ВАКЛЮЧЕНИЕ		131
БИБЛИОГРАФИЯ		138
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ		

ВВЕДЕНИЕ

Категория согласия/несогласия относится к числу активно исследуемых проблем современной отечественной социально-гуманитарной науки. Возрастание интереса к изучению данной категории в рамках социологии, социальной философии, политологии, культурологии, лингвистики [см., напр., Серебрянников, 1996; Тишков, 1997; Бакеркина, 2001; Акулич, 2002; Шипунова, 2002; Алиев, 2003; Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте, 2004; Свиридова, 2006; Некрасов, 2014 и др.] во второй половине XX века связано, прежде всего, с политической и социально-экономической нестабильностью и необходимостью решения проблемы толерантного социального взаимодействия в современном глобальном мультикультурном мире. В связи с этим неизбежным и значимым становится исследование особенностей языка вражды и языка согласия.

Интенсивное изучение категории согласия/несогласия в разных областях знания и в разных аспектах свидетельствует о том, что данная категория приобрела статус трансдисциплинарной проблемы, одинаково актуальной для целого ряда наук.

В языкознании вопрос о категории согласия/несогласия в целом и теоретическое осмысление семантического, прагматического и функционального статуса этого сложного явления в лингвистическом аспекте в частности также относятся к числу актуальных проблем.

Анализ работ, посвящённых исследованию согласия/несогласия в разных языках [Архипова, 2008; Викторова, 2002; Власова, 2005; Любимова, 2004; Латощенко, 2003; Любимова, 2004; Оразалинова, 2012 и др.], показывает, что в лингвистике данная категория разрабатывается в разных аспектах. Изучению способов и средств выражения данной категории посвящены работы [Озаровский, 1980; Галактионова, 1995; Нейленко, 2002 и др.]. Речевые акты согласия/несогласия активно исследуются при изучении диалога [Сотникова, 1986; Морозова, 2000; Реброва, 2012 и др.], разговорной речи [Вик-

торова, 2002 и др.], русского речевого этикета [Формановская, 1982]. Анализу инвариантно-вариативных аспектов значения категории согласия/несогласия посвящены работы [Хорошавина, 1995; Булыгина, 1997 и др.], системные и функциональные свойства данной категории описываются в работе [Свиридова, 2008]. Вопреки неослабевающему вниманию языковедов к данной категории, существует ряд проблем, пока ещё не нашедших достаточно полного описания в лингвистической литературе. К числу подобных проблем относятся, во-первых, установление специфики соотношения согласия/несогласия с категорией оценочности; во-вторых, определение особенностей репрезентации согласия/несогласия в различных типах и жанрах дискурса, в том числе и в научном, в-третьих, выявление способов и средств имплицитной и эксплицитной манифестации семантических и прагматических признаков, прямо или косвенно связанных с инвариантом данной категории.

При достаточной изученности научного дискурса [см., напр.: Аликаев, 1998, 1999; Арутюнова, 1990; Ахтаева, 2010; Баженова, 2001; Буцык, 2015; Варгина, 2004; Гальперин, 1981; Геляева А.И., Хучинаева Дж.Дж., 2022, Карасик, 2000; 2004; Кашкин, Болдырева 2005; Кожина, 2004; Котюрова, 1989; Макаров, 2003; Разинкина, 1985; Троянская, 1990; Чернявская, 2006 и др.] особенности функционирования в нём разнообразных оценочных категорий, а также специфика их объективации в текстах, относящихся к различным областям научного знания, не получили должного освещения. При сравнении в этом аспекте научные тексты естественных и технических наук обнаруживают существенные отличия от текстов гуманитарных наук.

Вопрос, связанный с особенностями функционирования согласия/несогласия в различных типах и жанрах научного дискурса, остаётся наименее изученным.

На наш взгляд, без учёта указанных актуальных проблем не может быть адекватно проведён комплексный анализ категории согласия/несогласия в языкознании.

Объект исследования – различные жанры гуманитарного научного дискурса с характерными для каждого содержательными, стилистическими и прагматическими особенностями.

Предмет исследования — дистрибуция, функциональные и прагматические особенности используемых в них имплицитных и эксплицитных способов выражения согласия/несогласия.

Многогранность и разноаспектность научного дискурса как объекта анализа, отсутствие в лингвистике монографического исследования специфики объёма, содержания категории согласия/несогласия и своеобразия её объективации в научном дискурсе разной жанровой отнесенности обусловили цель настоящей диссертации, которая состоит в выявлении особенностей репрезентации категории согласия/несогласия в различных жанрах научного дискурса.

Указанное целеполагание обусловило решение следующих задач:

- 1) обобщить имеющееся в гуманитарной сфере научного знания понимание категории согласия/несогласия как междисциплинарной категории;
- 2) выявить основные подходы к изучению особенностей категории согласия/несогласия в отечественной лингвистике;
- 3) определить комплекс значений, представляющих функциональносемантическое поле категории согласия/несогласия в социальногуманитарной сфере знания, и определить, какие из данных значений находят объективацию в научном дискурсе;
- 4) провести критический анализ различных трактовок дискурса и определить аспекты его исследования;
- 5) определить место научного дискурса в системе дискурсов и его жанровую специфику;
- 6) выявить и описать распределённые в текстовом пространстве научного гуманитарного дискурса способы и средства эксплицитно-имплицитной объективации категории согласия/несогласия;

- 7) установить степень объективации категории согласия/несогласия в различных жанрах, а также в различных композиционных блоках научного дискурса;
- 8) определить сходства и различия в содержании и выражении категории согласия/несогласия в ядерных и оценочных жанрах научного дискурса.

Гипотеза исследования состоит в следующем. В отличие от других типов дискурса в научном дискурсе в целом и в разных его жанрах в частности согласие/несогласие репрезентируется в рамках таких дискурсивных категорий, как оценочность, интертекстуальность, диалогичность, детерминированных целью и задачами научной коммуникации. Непрямое выражение согласия/несогласия посредством категории оценочности характерно как для академических, так и для оценочных жанров научного дискурса, хотя цели использования оценки и способы её репрезентации в данных жанрах разные. В оценочных жанрах согласие и несогласие находят в целом эксплицитное выражение, в ядерных – имплицитное. Спецификой отличается и дистрибуция категории согласия/несогласия в текстовом пространстве разных жанров научного дискурса.

Теоретико-методологической основой исследования послужили фундаментальные положения теории текста, теории дискурса и дискурс-анализа [Аликаев Р.С., Арутюнова Н.Д., Богданов В.В., Борботько В.Г., Гальперин И.Р., Дейк Т.А., Карасик В.И., Красных В.В., Кубрякова Е.С., Макаров М.Л., Манаенко Г.Н., Николаева Т.М., Почепцов Г.Г., Серио П., Степанов Ю.С., Фуко М., Чернявская В.Е.], функциональной стилистики [Баженова Е.А., Данилевская Н.В., Кожина М.Н., Аликаев Р.С., Разинкина Н.М. и др.], лингвистики текста [Т. ван Дейк, Э. Косериу], а также концепций субъективности, идущей от трудов В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста и продолженной работами отечественных лингвистов Ю.С. Степанова, Г.В. Колшанского, В.А. Звегинцева, Б.А. Серебренникова, А.И. Геляевой и др., и оценочности в языке, представленной работами Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, А.А. Ивина, Т.Ю. Колясевой, А.И. Лызлова, Р.М. Хэар и др.

Фактологическим материалом исследования послужили как отдельные языковые единицы, так и фрагменты из текстов статей, монографий, научных отзывов и рецензий, представленные в различных сборниках по гуманитарным наукам, в том числе, в сборнике «SUPER OMNIA VERITAS: Из опыта оппонирования: Об актуальных вопросах русского и общего языкознания / З.К. Тарланов. – Махачкала, 2012. – 252 с. (см. Источники эмпирического материала).

Тексты гуманитарных отраслей науки были выбраны потому, что они отличаются от технических и естественнонаучных текстов меньшей формализованностью и стандартизированностью.

Используемые в данной диссертации общенаучные методы анализа, синтеза, а также метод наблюдения направлены на выявление различных способов и средств выражения согласия/несогласия в текстах, относящихся к разным жанрам научного дискурса. Из частных научных методов применён дистрибутивный анализ, посредством которого определено распределение в текстовом пространстве дискурса различных средств выражения согласия/несогласия, а также установлена степень насыщенности данными средствами определённых композиционных блоков дискурса. Использование метода компонентного анализа было направлено на выявление как эксплицитных, так и имплицитных компонентов выражения согласия/несогласия в языковых единицах. Основным методом исследования текстового материала в данной работе явился дискурс-анализ, предполагающий исследование текста как лингвистического и экстралингвистического явления, то есть анализ с точки зрения выявления особенностей порождения текста и его участия в коммуникации.

Методом контекстуального анализа определены семантические, прагматические и функциональные особенности как отдельных языковых единиц, так и фрагментов текстов, имплицитно связанных с категорией согласия/несогласия. Контекстуальный анализ позволил также установить асимметрию плана содержания и плана выражения категорий согласия и несогласия.

Научная новизна настоящего исследования заключается в:

- 1) выявлении и описании специфических для ядерных и оценочных жанров научного дискурса различных способов и средств эксплицитной и имплицитной объективации категории согласия/несогласия;
- 2) установлении того, что в ядерных и оценочных жанрах научного дискурса фактическая и оценочная информации имеют разное соотношение, что для жанров монографии и статьи характерно в основном смягчённое, некатегоричное выражение несогласия, оценочные элементы более выпукло представлены в рецензиях или отзывах;
- 3) выявлении функциональной особенности оценочной квалификации в дискурсе монографии и статьи как способа выражения согласия/несогласия;
- 4) квалификации интертекстуальности и оценочности как имплицитного способа выражения согласия и несогласия в ядерных жанрах научного дискурса;
- 5) установлении того, что в ядерных жанрах научного дискурса преобладают имплицитные, а в оценочных жанрах эксплицитные средства выражения согласия/несогласия;
- 6) определении характерного для ядерных и оценочных жанров научной коммуникации набора средств, позволяющих строить критические высказывания, отвечающие принципам толерантного общения;
- 7) выявлении разной степени насыщенности средствами выражения согласия/несогласия различных композиционных блоков такого жанра научного дискурса, как монография, и структурных частей статьи.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в расширении и углублении представлений о функционировании согласия/несогласия в научном дискурсе, в описании значений и средств выражения согласия и несогласия в разных по целевой направленности жанрах научного дискурса. Наблюдения над функционированием этих значений помогают более развёрнуто представить тенденции использования оценочных значений в научной коммуникации, что позволяет расширить и углубить понимание зависимости особенностей семантической парадигмы данных категорий от их использования в различных типах и жанрах дискурса.

Практическая ценность работы заключается в том, что положения и основные выводы диссертации могут использоваться при чтении курсов по теории текста, стилистике, аксиологической лингвистике. Эмпирический и теоретический материал может быть использован при подготовке выпускных квалификационных работ, посвящённых проблемам прагматики текста, а также аксиологической лингвистики, в частности, средствам и способам выражения аксиологических значений в научном стиле.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1. Категория согласия/несогласия в разных жанрах научного дискурса связана с оценкой, которая экстралингвистически задана в данном типе дискурса, направленном на выработку и актуализацию нового знания посредством сравнения его с предшествующим знанием и оценкой. Решающую роль в выборе средств и способов выражения согласия/несогласия играют нормы и традиции жанров, коммуникативная ситуация, особенности личности автора. Смягчённое некатегоричное выражение отрицательной оценки является преобладающим в разных жанрах научного дискурса.
- 2. В ядерных жанрах научного дискурса согласие и несогласие в соответствии с канонами стиля и жанра представлены имплицитно. Интертекстуальность, оценка и диалогичность выступают в качестве основных способов манифестации согласия/несогласия в статьях и монографиях.
- 3. В оценочных жанрах научного дискурса согласие и несогласие в основном получают эксплицитную объективацию, а оценка выступает как дискурсообразующая категория. Используемый круг языковых средств для выражения согласия/несогласия не нарушает стандартов данного стиля и жанра.
- 4. Репрезентанты категории согласия/несогласия по-разному распределены в текстовом пространстве. Дистрибуция и степень насыщенности ими различных композиционных блоков монографии, частей статьи, отзыва или рецензии зависит от разных факторов: полемичности дискурса, индивидуально-психологических характеристик автора, принадлежности фрагмента текста к различным композиционным блокам.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования получили апробацию на научных конференциях, в том числе международных, а также нашли отражение в 7 работах, 5 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

По структуре диссертация состоит из обязательных для научно-квалификационной работы подобного типа композиционных частей, включает две главы, список литературы, перечень источников анализируемого материала и список сокращений.

Во введении обосновывается выбор темы диссертации, определяются теоретическая и эмпирическая база исследования и методы анализа материала, раскрываются актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость проведённой работы, ставятся цель и задачи исследования, формулируются положения, вынесенные на защиту, приводятся сведения о структуре работы и способах её апробации.

Первая глава посвящена теоретическим и методологическим аспектам согласия/несогласия как трансдисциплинарной категории в разных гуманитарных науках. Здесь же дан обзор различных аспектов изучения категории согласия/несогласия в отечественном языкознании. На основе анализа различных трактовок дискурса и существующих его типологий в лингвистике определены статус научного дискурса в системе дискурсов и его жанровая специфика.

Во второй главе «Специфика объективации согласия/несогласия в научном дискурсе» рассматриваются особенности значений и средств выражения согласия/несогласия в разных жанрах научного дискурса. Исследуется обусловленность языковой репрезентации этих категорий как жанрами научного дискурса, так и использованием средств выражения согласия/несогласия в различных композиционных блоках научного дискурса.

В заключении обобщаются результаты исследования, делаются выводы, намечаются перспективы дальнейшего изучения некоторых аспектов исследуемой проблемы.

Глава 1. СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

1.1 Согласие/несогласие как трансдисциплинарная категория

Категория согласия/несогласия представляет интерес для целого комплекса наук. Проблема её изучения одинаково актуальна для таких областей знаний, как философия, психология, филология, социология, аксиология, политология и др., поскольку эта категория во многом определяет успех межличностных и общественных взаимодействий и влияет на гармоничное социально-политическое и культурное развитие общества. В каждой из названных наук актуализируются свои аспекты данной проблемы.

Описание междисциплинарного характера согласия следует начать со специфики социологического осмысления согласия, так как:

- социологическое представление о согласии послужило методологической базой для её разработки в других общественных науках;
- в социологическом понятии согласия нашли отражение универсальные черты, присущие данной категории;
- и, наконец, социологическое понимание согласия предполагает её рассмотрение и осмысление в плане соотношения с таким понятием, как конфликт.

Согласие и несогласие — два полюса социально-экономических взаимодействий, именно поэтому в социологии и политологии проявляется особый интерес к исследованию этих понятий. Возрастание интереса к изучению этих категорий во второй половине XX века связано с политической и социально-экономической нестабильностью в мире. Необходимость практического решения этой проблемы обусловила осмысление общественно-политического согласия/несогласия отечественными и зарубежными исследователями.

В социологии согласие рассматривается в рамках такой социологической дисциплины, как консенсусология. Социальное согласие, (консенсус)

определяется как единство, сходство целей, взглядов, позиций членов группы относительно значимых для группы моментов. Сущность согласия трактуется в существующих социологических теориях по-разному. В западной социологии, вслед за Т. Ньюкомом, под согласием понимают наличие общих интересов, представлений, устремлений и целей представителей определённого сообщества. Решающее значение в достижении согласия при этом отводится процессу непосредственного взаимодействия членов группы. В отечественной социологии согласие, единство зависит от совместной деятельности и связанных с нею ценностных ориентаций.

Проблема достижения согласия начинает активно изучаться с XIX века. Механизмы достижения согласия рассматривались уже в работах Г.В.Ф. Гегеля. Так, Г.В.Ф. Гегель обеспечение взаимного признания между людьми считал одним из условий возможности общества как такового.

Социолог М. Вебер, опираясь на гегелевский подход, предложил свою концепцию достижения консенсуса. М. Вебер определяет консенсус как способность участников той или иной формы человеческих отношений, несмотря на отсутствие предварительной договорённости, принять ожидания друг друга в качестве значимых для их поведения [см.: Аверьянов, 1993]. Учёт ожиданий других, признание их значимости является, по мнению ученого, необходимым условием достижения консенсуса между участниками взаимодействия. Исходя из этого, о наличии консенсуса, по мнению Аверьянова [1993], можно говорить лишь в том случае, если учёт ожиданий партнеров по коммуникации даёт действующему лицу определенный «шанс» для достижения своих целей.

М. Вебер, выделяя поведение, основанное на «согласии», и поведение, основанное на «договоре», считал, что консенсус должен иметь место до «договора», чтобы договор мог состояться. К поведению, ориентированному на достижение консенсуса, ученый относил даже внутрение направленное против смысла, но внешне отвечающее предписываемой форме поведение.

Некоторые американские социологи считали исследование консенсуса основной задачей социологии, так как в социологии особое внимание уделя-

ется вопросу о том, как групповая жизнь влияет на поведение людей. Такая оценка проблематики консенсуса стимулировала её дальнейшее исследование в США – главным образом в эмпирически ориентированной социальной психологии (Ф. Хайдер, Т. Ньюком).

В 1950–60 гг. понятие «консенсус» разрабатывается более детально, выделяются его новые аспекты. Указывая на значение консенсуса как необходимого компонента социального порядка, Э. Шилз в то же время не рассматривает консенсус как единственный фактор обеспечения порядка и предполагает, что нормальное функционирование общества не требует полного консенсуса.

Согласие и несогласие, таким образом, рассматриваются в социологии как факторы, способствующие или препятствующие социальному взаимодействию и определяющие тем самым успешность и возможность этого взаимодействия. Именно этим и определяется интерес к изучению данных понятий в социологии.

В политологии согласие рассматривается в том же русле, что и в социологии, только в более широких масштабах: не на межличностном уровне, а на межгосударственном.

В политологии согласие осмысливается как противоположность политическому противоборству и конфликтам. Политическое согласие — это согласие ведущих политиков, а также согласие, отраженное в общественном сознании как единство в отношении каких-либо политических принципов, действий, чувств. В целом смысл политического согласия заключается в том, чтобы согласовывать и поддерживать действия представителей различных направлений, партий, политических деятелей, направленные на снижение или исключение воздействия конфликтных факторов в обществе.

В научной литературе нет устоявшегося мнения о соотношении понятий политическое согласие – консенсус, социальное согласие – консенсус – политическое согласие. Некоторые ученые определяют консенсус как разновидность политического согласия.

Так, В.В. Серебрянников в рамках политического согласия выделяет общественное, национальное и гражданское согласие. Гражданское согласие определяется как «единство граждан относительно наиболее значимых вопросов, касающихся их существования и жизнедеятельности» [Серебрянников, 1997: 54]. Общественное же согласие, по М. Серебрянникову, есть то, что в социологической и политологической литературе понимается как консенсус, то есть согласие значимого большинства любого сообщества или общества в целом относительно наиболее значимых вопросов его существования. Под национальным согласием В.В. Серебрянников понимает единство нации по определённым жизненно важным вопросам как результат политики национального примирения [Серебрянников, 1997].

Другая трактовка этого понятия представлена в работах Ю. Аверьянова. Ученый определяет консенсус как наличие между несколькими людьми одинаковых или схожих мнений, позиций, которые помогают им понимать друг друга и взаимодействовать в каком-либо отношении. А согласие большинства представителей общества по наиболее значимым аспектам их жизнедеятельности, социального порядка, которое выражается в согласованных действиях людей, которые определяют существование и возможность функционирования данного общества, автор считает консенсусом в социологическом смысле [Аверьянов, 1993].

Консенсус также определяется как согласие по спорным вопросам, к которому приходят участники переговоров, предпосылка подписания договора. Данное понимание, на наш взгляд, является наиболее приемлемой и точной характеристикой политического консенсуса.

Таким образом, если социальное согласие является важнейшим фактором стабильности, эффективности функционирования общества, то политическое согласие – это фактор стабильности во всем мире.

Проблема согласия/несогласия, таким образом, в рамках политологии перерастает в более глобальную проблему – проблему войны и мира. Еще с древних времен эта проблема волновала умы многих выдающихся мыслите-

лей, философов (от Гегеля и Канта до Толстого и М. Ганди). Однако полноценное осознание войны как главной проблемы современности происходит лишь в XX в. Это дало толчок к исследованию теории и практики мира.

К теоретическим исследованиям мира в XX в. можно отнести социально-философские теории, в которых рассматривается проблема сотрудничества и взаимодействия. Кроме того, в это же время складывается новая наука о мире — иренология, которая исследует войны и конфликты и ищет способы создания позитивного мира. Понятия «война», «конфликт», «мир» в иренологии используются не только применительно к международным, межгосударственным отношениям, но и относительно других социальных отношений.

В XX веке война и мир начинают осознаваться уже не столько как социально-политические институты, сколько как социокультурные явления — войны и конфликты возникают уже как следствие утвердившихся социокультурных стереотипов мышления и поведения, а не только в результате борьбы за власть, материальные богатства и т.д. [Культура мира и ненасилия, 2001: 6]. По инициативе ООН в 1980 г. начинается эпоха постепенного вытеснения культуры войны культурой мира на общепланетарном уровне. Культура мира основана на уважении к жизни, прекращении насилия и поощрения ненасилия, приверженности принципам свободы, справедливости, терпимости, солидарности, сотрудничества, плюрализма, культурного разнообразия, диалога и взаимопонимания на всех уровнях общества и между народами.

Таким образом, согласие и несогласие являются многомерными понятиями, активно разрабатываемыми рядом социальных наук. В каждой отрасли знания, как мы убедились, есть свое понимание данных категорий, соответствующее видовой специфике этих наук. Философия же призвана дать их общее родовое понимание.

Категория согласия/несогласия до недавнего времени не являлась предметом самостоятельного философского исследования, в философии согласие и несогласие рассматривались в одном ряду с такими понятиями, как добро и зло, свобода и насилие, гармония и хаос, созидание и разрушение,

война и мир. Рассмотрим некоторые, на наш взгляд, наиболее интересные философские теории, посвященные проблеме согласия/несогласия.

И. Кант в трактате «К вечному миру», где изложены его миротворческие идеи, выдвигает положение о прогрессе морального сознания как необходимого условия достижения вечного мира. Именно мораль, по И. Канту, является тем фундаментальным понятием, посредством которого можно укрепить теорию мира. До И. Канта большинство миротворческих учений было основано на правовой и политической линиях. И. Кант доказал, что, следуя путем совершенствования политики и права, можно добиться перемирия, временного упразднения состояния войны, но не вечного мира, так как, вопервых, причины агрессивности человека залегают гораздо глубже и устранить их подобным путем вряд ли удастся, во-вторых, разум не является последней инстанцией в решении вопроса о мире. Другое дело — руководствоваться законом морального поведения. Единственный прогресс человечества, по И. Канту, есть прогресс морали.

Миротворческая философия И. Канта оказала огромное влияние на последующее развитие теории мира. Его учение о морали как особом духовном мире человека, руководствующегося долгом, было одним из источников философии ненасилия Л.Н. Толстого, в центре религиозно-философского учения которого было понятие об «истинной религии» — религии всеобщей любви, добра и ненасилия. Стержнем учения Л.Н. Толстого является также главенство морали во всем. В этом отношении идеи Л.Н. Толстого близки по духу учению И. Канта.

Особую страницу истории философии мира составляет попытка Г.В. Гегеля опровергнуть кантовские воззрения на проблему войны и мира. Г.В. Гегель называет идею вечного мира И. Канта «вечным обманом», а войну он считает условием прогресса человечества, тогда как мирное состояние, по его мнению, ведет к застою общества. Философ сравнивает войну с очищающим ветром, который избавляет общество от разложения и ведёт народы к прогрессу [Культура мира и ненасилия, 2001]. По Г.В. Гегелю, политика выше морали. Подход И. Канта Г.В. Гегель считает абстрактно-формальным.

Однако, основываясь на этих высказываниях, утверждать, что «учение Гегеля оправдывает всякую внешнюю агрессию», нельзя [Культура мира и ненасилия, 2001]. Основное различие между учениями И. Канта и Г.В. Гегеля в том, что И. Кант выстраивает свою философию мира с позиции должного, а Г.В. Гегель с позиции сущего и действительного.

В XX в. появляется множество оригинальных социально-философских теорий, в которых проблема социального согласия, то есть мира, занимает заметное место. Это такие теории, как постмодернизм и феминизм. Их объединяют такие положения: отрицание жесткой иерархии ценностей, утверждение полицентричности, ориентация на взаимодействие и сотрудничество.

Нравственная философия и философская этика рассматривают проблему согласия/несогласия применительно к духовной сфере жизнедеятельности человеческого общества — в аспекте взаимодействия и противодействия всеобщего и частного, мира и человека, власти и личности. Этот подход получил отражение в работе немецкого философа А. Швейцера. В своей программной работе «Упадок и возрождение культуры» он выделяет и анализирует враждебные культуре обстоятельства в экономической и духовной жизни общества, вызывающие те или иные проявления насилия в современную эпоху. Основными формами насилия философ считает следующие:

- 1. Насилие над человеческой природой в результате роста городов, объема промышленного производства, «отрыва от земли», утрате «естественного начала» в человеке.
- 2. Насилие над человеческой душой вследствие сверхзанятости современного человека, утраты нравственного значения труда, что привело к отчуждению людей, вызвало «умирание духовного начала» в человеке.
- 3. Насилие над свободой воли по причине «сверхорганизованности наших общественных условий» бюрократизации жизни, ее чрезмерной упорядоченности, утрате представления о человеке как уникальной личности, необходимости подчиняться организованному большинству (цит. по: Щербинина, 2006: 57]).

Все это, по А. Швейцеру, привело к тому, что современный человек ограничен и не свободен в своих действиях, поэтому находится под угрозой стать негуманным, проявлять жестокость, агрессию и эгоизм по отношению к себе подобным.

В последнее время согласие как универсальное свойство бытия включается в категориальную систему как общей, так и социальной философии. По мнению М.Г. Алиева, на данном этапе развития общества согласие должно рассматриваться в единстве природы, социума и человека, в единстве и противоположности с такой категорией, как «конфликт» [Там же].

Иными словами, категория согласия стала изучаться в соотношении с его «диалектическим партнером» — конфликтом. Эти категории, как полагает М.Г. Алиев [2000], сосуществуют и поддерживают в обществе равновесие объектов и систем.

Идея согласия, поскольку она направлена на разрешение конфликта, в целом ориентирована на цивилизованное разрешение противоречий. В этой связи в рамках целевой направленности нашей работы важно подчеркнуть, что согласие и несогласие обусловливают друг друга. Несогласие детерминирует полемику в научном дискурсе. Цивилизованно организованная полемика с аргументацией собственных положений ведёт к согласию.

Философия, таким образом, интерпретирует свою точку зрения на категорию согласия/несогласия, интегрируя как онтологические, гносеологические, логические воззрения, так и политологические, социологические и психологические знания о ней.

Как показал проведенный обзор, согласие и несогласие являются многомерными понятиями, активно разрабатываемыми рядом социальных наук. В каждой отрасли знания имеется свое понимание этих категорий, соответствующее специфике отрасли знания:

а) согласие и несогласие рассматриваются в социологии как факторы, способствующие или препятствующие социальному взаимодействию и определяющие успешность и возможность этого взаимодействия;

- б) в рамках политологии проблема согласия/несогласия как фактор, обусловливающий или затрудняющий социальное взаимодействие, перерастает в глобальную проблему войны и мира;
- в) в социально-философских теориях XX века, а также в рамках иренологии категория согласия/несогласия рассматривается в ряду понятий «война», «конфликт», «мир» и используется в применении к различным социальным отношениям;
- г) в философии категория согласия/несогласия рассматривается как универсальное свойство бытия.

Обобщая функциональную семантику категории согласия/несогласия в парадигме современных социально-гуманитарных наук, можно предложить функционально-семантическое поле составляющих данной категории — согласия и несогласия в виде следующих диаграмм (рис. 1, 2).

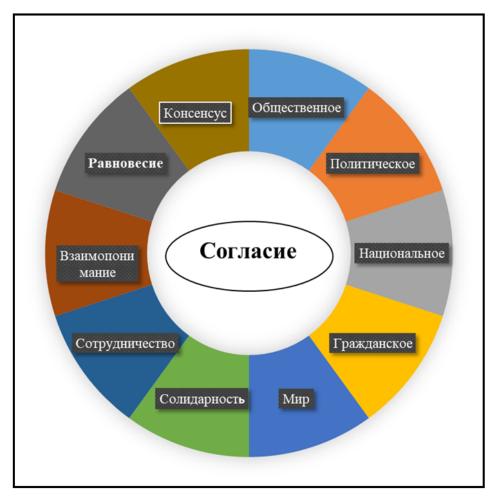

Рис. 1

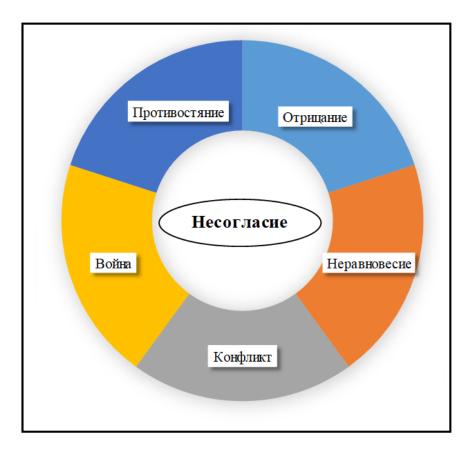

Рис. 2

1.2. Аспекты изучения согласия и несогласия в отечественном языкознании

Согласие и несогласие активно изучаются разными научными направлениями в языкознании. Лингвистами предпринимаются различные попытки описания специфики данных категорий. Как показывает анализ работ, посвященных этой проблеме, существует множество подходов к определению особенностей согласия и несогласия.

В отечественной лингвистике до недавнего времени согласие и несогласие рассматривались преимущественно в формальном аспекте. Исследуя разнородный в типологическом и языковом отношении материал, лингвисты основное внимание уделяли выявлению и классификации средств выражения согласия/несогласия.

Так, на материале русского языка исследованию средств выражения согласия/несогласия посвящены работы И.В. Галактионовой, О.В. Озаровского,

Н.И. Поройковой. Интерес лингвистов к изучению средств выражения согласия/несогласия объясняется особой значимостью этих категорий в коммуникации. Кроме того, как отмечает Е.В. Галактионова, средства выражения этих смыслов привлекают внимание лингвистов, потому что, во-первых, они широко используются в диалоге (а интерес к диалогу, как известно, достаточно устойчив в лингвистике). Во-вторых, согласие и несогласие связаны с самовыражением говорящего, то есть способами выражения субъективности в языке. Этот аспект исследования языковых единиц, как известно, относится к числу актуальных и интенсивно изучаемых в современной лингвистике.

Вкратце остановимся на существующих классификациях средств выражения согласия/несогласия, предложенных О.В. Озаровским, Н.И. Поройковой и Е.В. Галактионовой.

Так, О.В. Озаровский, рассматривая данные категории в рамках коммуникативного синтаксиса, характеризует согласие и несогласие как категории, выражающие совпадение и несовпадение позиций участников коммуникации по обсуждаемой проблеме [Озаровский, 1974]. Кроме того, по его мнению, согласие и несогласие выступают как категории, определяющие коммуникативно-семантическое отношения в структуре сложного высказывания [Там же: 71]. Автор считает целесообразным отделять предложения со значением согласия/несогласия, выделяемые по модальному значению, от утвердительных и отрицательных предложений, выделяемых по формальноморфологическому признаку,

О.В. Озаровский достаточно широко понимает согласие и несогласие и рассматривает в рамках утвердительных и отрицательных реплик также и верификативные высказывания. Учёный выделяет три способа выражения категории согласие/несогласие в русском языке.

Специфика первого способа выражения согласия/несогласия заключается в повторе высказывания собеседника (с использованием частицы не или префиксов без-, анти-). При этом, как отмечает исследователь, полный повтор подтверждаемого или отрицаемого встречается достаточно редко и свя-

зан с дополнительными коммуникативно-стилистическими функциями (выполняет функцию усиленного акцентирования мысли или является признаком официального общения). Гораздо чаще употребляется сокращенный повтор с соответствующими структурно-грамматическими преобразованиями (изменения форм лица, наклонения, времени), что, по мнению учёного, связано с тенденцией к экономии речи.

Второй способ, выделяемый О.В. Озаровским, — это слова-предложения типа да, нет, конечно, правда, верно, которые, как отмечает исследователь, являются доказательством существования категории согласия/несогласия на уровне сочетания предложений [Озаровский, 1974]. Это нерасчлененные синтаксические единицы. Данные слова-предложения могут употребляться с частицами, передающими различные дополнительные модальносемантические оттенки (напр., разную степень категоричности — убеждённость, неоспоримость); со словами — интенсификаторами, передающими степень полноты-неполноты согласия/несогласия и т.п. Слова-предложения, предназначенные для выражения согласия/несогласия, дифференцированы по стилистическим, эмоционально-экспрессивным, модально-семантическим оттенкам — так, например, по этикетному назначению выделяются служебно-этикетные формы согласия/несогласия (так точно, никак нет и др.), формы бытового этикета (дай-то Бог, как хотите) [см.: Озаровский, 1974].

Третий способ выражения согласия/несогласия, по мнению автора, заключается в использовании расчлененных предложений, содержащих лексически достаточно свободные единицы (так и сделаем, я с вами согласен, вы правы, вы ошибаетесь и под.). Эти свободные единицы в высказывании расчленённо выражают согласие и несогласие [Озаровский, 1980].

Н.И. Поройкова предлагает другую классификацию средств репрезентации этих категорий. По мнению Н.И. Поройковой, в категории согласия и несогласия выражается модальная оценка высказывания участника коммуникации с точки зрения его соответствия/несоответствия действительности [Поройкова, 1976]. Автор выделяет два типа конструкций, выражающих согла-

сие и несогласие с мнением собеседника: 1) конструкции с эксплицитным и имплицитным повтором и 2) конструкции со словами подтвердительно-опровергающей семантики [Там же].

Первый тип конструкций связан с синтаксическим выражением согласия и реализуется посредством использования в них лексических актуализаторов типа да, разумеется, вот именно, наверняка, которые, как считает Н.И. Поройкова, в качестве самостоятельных реплик несут всю смысловую нагрузку категории согласия [Поройкова, 1976].

Второй тип конструкций, выделяемый автором, связан с лексическим выражением согласия и включает слова, относящиеся к лексико-семантической группе со значением подтверждения-опровержения. В данном типе высказываний лексика, используемая участниками коммуникации, относится как к глаголам мысли (считать, полагать, думать) и выражения мнения (разделять точку зрения, придерживаться мнения и под.), так и к словам модально-оценочного характера, выражающим соотнесённость содержания высказывания с действительностью (верно, точно, справедливо, правильно) [Поройкова, 1976].

Е.В. Галактионова, исходя из словарных дефиниций лексем «согласие», «соглашаться», «несогласие», «отрицать», понимает под согласием/несогласием, во-первых, утверждение правильности/неправильности мнения собеседника и оценку данного мнения как соответствующего/несоответствующего действительности и, во-вторых, положительный/ отрицательный ответ как реакция на побуждение (предложение, просьбу, приказ, совет).

Таким образом, Е.В. Галактионова, выделяет две разновидности данных категорий: 1) согласие или несогласие с мнением; 2) согласие или несогласие в ответ на побуждение собеседника [Галактионова, 1988].

При этом отмечается структурно-семантическая зависимость средств выражения согласия/несогласия от характеристики реплик-стимулов, то есть различие между согласием/несогласием в первом случае и согласием/несогласием во втором обусловлено различием между репликами-стимулами — мнением и побуждением. Если мнение может быть оценено как правильное

или неправильное, и согласие с мнением есть в первую очередь его оценка как соответствующего/несоответствующего действительности, то побуждение подобной оценки не предполагает, оно предполагает выполнение того действия, к совершению которого и призывает собеседник.

Интегрируя формальный (применённый в классификации О.В. Озаровского) и семантический принципы анализа (представленный в работе Н.И. Поройковой), Е.В. Галактионова предлагает следующую классификацию средств выражения согласия. Согласие с мнением выражается:

- 1) через акцентирование позиции соглашающегося (осуществляется лексическими средствами высказывания типа [я] согласен, думаю/считаю/ предполагаю так же; разделяю мнение, придерживаюсь такого же мнения; по-моему, тоже и т.п.);
- 2) через оценку речевого поведения, говорящего (также осуществляется лексическими средствами высказывания типа [вы] правы, вы правильно/верно/справедливо заметили/думаете/считаете и т.п.);
- 3) через констатацию соответствия мнения действительности (осуществляется синтаксическими средствами: использованием актуализаторов безусловно, в самом деле, конечно, действительно и др. и с помощью повтора) [Галактионова, 1988].

При выделении средств выражения согласия в ответ на побуждение, по мнению Е.В. Галактионовой, необходимо учитывать, кто является исполнителем действия, названного в реплике-стимуле, так, может предполагаться, что требуемое действие будет выполнять 1) сам автор побуждения, 2) соглашающийся или 3) автор побуждения вместе с соглашающимся. От предполагаемого исполнителя действия зависит, требуется ли вообще выражение согласия, поскольку в ситуациях второго и третьего типов «соглашающийся сразу может начать выполнять данное действие, таким образом, выражение согласия в этих ситуациях является факультативным элементом диалога» [Галактионова, 1988: 162]. С учётом указанного различия она выделяет следующие средства выражения согласия в ответ на побуждение:

- 1. Реплики типа согласен, хорошо, ладно, [я] не возражаю, не против и под., которые употребляются в ответ на побуждения всех типов.
- 2. Реплики, выражающие согласие в ответ на побуждение собеседника к действию, могу [Inf], я не прочь [Inf], в позиции инфинитива выступает глагол, называющий действие соглашающегося.
- 3. Реплики, которые употребляются в ответ на побуждение к совместному с автором побуждения действию. В данную группу входят все реплики, которые выражают согласие на побуждение собеседника к действию.
- 4. Реплики, выражающие согласие в ответ на предложение автора самому выполнить действия [Галактионова, 1988].

В связи со сменой приоритетов в языкознании второй половины XX века проблема согласия/несогласия стала активно разрабатываться с позиций антропоцентрической парадигмы науки. В лингвистике осуществляется важнейший методологический сдвиг, а именно: перенос в исследовательской практике акцента с изучения свойств языка и языковых единиц на человека — носителя языка, на его когнитивную и коммуникативную деятельность в разных ситуациях общения, на типы, виды, формы и модели коммуникации, а также принципы эффективной коммуникации.

В связи с этим лингвистика активно обращается к междисциплинарным проблемам. В частности, одной из центральных в лингвистических исследованиях становится проблема оптимизации речевого общения. Изучение данной проблемы подразумевает анализ позитивной коммуникации (стратегий вежливости, толерантности и т.п.) и речевых явлений, которые не соответствуют представлениям о корректном общении. К таким явлениям, безусловно, относятся согласие/несогласие.

Известно, что любая межличностная и межкультурная коммуникация прежде всего связаны с такими понятиями, как «принятие/неприятие», «понимание/непонимание», «согласие/ несогласие».

В рамках антропоцентрического направления согласие и несогласие рассматриваются не только как выражение правильности/неправильности

мнения партнёра по коммуникации, или оценка суждений, доводов собеседника как соответствующих/не соответствующих действительности, как считают формалисты, согласие в широком масштабе — это и отсутствие вражды, ссоры, войны [Ожегов, 2004].

В современной лингвистике о «языке согласия» говорят в контексте анализа проблем толерантности. Согласие выделяют в качестве одного из ведущих компонентов значения толерантности, то есть, готовности взаимодействовать с другими людьми на основе понимания и согласия, готовности принять других такими, какие они есть [см., напр.: Башиева, Геляева 2008; Вепрева, 2004; Дробижева, 2003; Самохвалова 2008 и др.], что позволяет рассматривать тактику согласия как тактику толерантного общения. Именно в этом ракурсе исследования согласия/несогласия в лингвистике проводятся достаточно интенсивно.

Толерантность (от латинского tolerantia — терпение, уважение) — это стремление достичь взаимного понимания и согласования самых разных мотивов, установок, ориентаций, не прибегая к насилию. С научной точки зрения толерантность можно рассматривать как многоаспектное понятие, в частности, как политическое, культурологическое, психологическое, лингвистическое. Проблема толерантности приобретает все большую актуальность для российского общества, которое сталкивается в настоящее время с различными проявлениями политической, этнической, религиозной нетерпимости. Л.М. Дробижева характеризует толерантность как добродетель, которая способствует достижению мира, понимания и согласия [Дробижева, 2003]. Толерантность — это антипод агрессивности, способность не раздражаясь, не гневаясь оценить и переносить неприятные, недружелюбные, порой оскорбительные воздействия [Башиева, Геляева, 2008].

Как отмечает И.Т. Вепрева, в воспитании толерантности коммуникативное воздействие является наиболее эффективным способом формирования отношений согласия [Вепрева, 2004]. Существует разное понимание толерантности: толерантность как безразличие, как снисхождение к слабостям других и т.д.

Связь толерантности и согласия, как верно отмечает М. Акулич, двояка: с одной стороны, терпение и терпимость ведут к формированию согласованных способов поведения, с другой — наличие согласия влияет на формирование толерантных отношений. Между согласием и толерантностью прослеживается прямая связь: чем выше уровень толерантности, тем выше уровень согласия, и напротив, чем выше уровень согласия, тем выше уровень толерантности [Акулич, 2002].

Однако, по мнению некоторых учёных, изучение согласия в аспекте толерантности неправильно. Так, Э. В. Чепкина на основе исследования текстов корпоративной прессы приходит к выводу о том, что согласие и несогласие не находятся в такой же оппозиции, как толерантность /интолерантность, что между согласием и толерантностью есть принципиальная разница. Суть вывода, к которому приходит Э.В. Чепкина, заключается в следующем: если согласие в аспекте коммуникации — это единство подхода, позиции по определённой проблеме, то есть единогласие, то в аспекте толерантности согласие — это скорее принятие и понимание «разноголосия» [Чепкина, 2006].

Единство (единомыслие) действительно является одним из понятий, определяющих смысл согласия, но, по нашему мнению, «язык согласия» в первую очередь отражает позитивное отношение адресата к речевому/неречевому поведению адресанта, ведущее к определенной гармонии и единению. Важнейшими критериями «языка согласия» являются доброжелательность, уважение, взаимопонимание.

Толерантность, часто трактуемая как культура согласия, как правило, имеет в виду согласие формальное, вежливо-равнодушное, не предполагающее углубления в суть проблемы, согласие же отличается от толерантности тем, что является не внешней позицией, а «представляет собой внутреннюю установку на готовность понять другого, признать наличие у него собственных интересов» (цит. по [Самохвалова, 2008: 23].

Осознание толерантности как фундаментального принципа культуры активизировало, таким образом, изучение согласия/несогласия в контексте «язык согласия» и «язык вражды» (речевая агрессия).

Сложность и многогранность коммуникативной природы категорий согласия и несогласия обусловливает различные аспекты их изучения в рамках многообразных направлений.

Особый интерес представляет изучение категории согласия/несогласия в русле проблем межкультурной коммуникации. В каждом языке своё видение и восприятие мира, поэтому средства, формы выражения таких ключевых понятий, как согласие и несогласие в одной национальной культуре будут иметь свою специфику по сравнению с формами выражения в другой. Культурно-национальную детерминированность выражения сия/несогласия отмечают многие исследователи. В частности, З.М. Габуниа и Э.Ю. Улимбашева (2005) отмечают, что существенные различия западной и восточной вербальной речи обусловлены спецификой национальных культур. По мнению авторов, для западной культурной традиции важной является открытость выражения согласия/несогласия в вербальной коммуникации и однозначное их восприятие независимо от социокультурного контекста, тогда как в восточных культурах исключительную важность имеет социокультурный контекст. Особенности этикета, вежливость речи, манера произношения, тактичность ведения разговора для восточной культурной традиции гораздо важнее, чем смысл, однозначность и доходчивость высказывания. Например, в японском языке nai имеет значение «да», однако использование японцем этого слова в речи не всегда означает согласие.

То же относится и к выражению отрицания. Японцы стремятся избежать прямых отказов на просьбы или предложения и выбирают иносказательные выражения типа «это очень трудно» или «это необходимо тщательно изучить». Согласно японской психологии, категоричный отказ может унизить авторитет одной из сторон. Соблюдение терпимых, корректных и доброжелательных отношений между собеседниками, каких бы противополож-

ных взглядов они ни придерживались, является основой коммуникации для данной лингвокультуры.

Выражение прямого отрицания считается неуместным и в Китае. Сравнивая китайскую вербальную культуру с русской, З.М. Габуниа и Э.Ю. Улимбашева пишут, что, по мнению китайцев, выражение открытого несогласия или отказа может обидеть собеседника, поэтому они говорят «да», хотя подразумевается отрицательный ответ. В русском языке в этом вопросе все прямо противоположно — у русского народа совершенно другие традиции, другой менталитет [Габуниа, Улимбашева, 2001].

В России учтивое «согласие», подразумевающее отрицательный ответ, вряд ли будет восприниматься как выражение вежливости или тактичности, более того, это может быть воспринято носителями русской культуры как издевка. И в этом отношении русский этикет взаимоотношений ближе к западной традиции с её открытостью вербальных сообщений.

Как отмечает И.А. Шаронов, уровень допустимости применения эмоционально-волевых характеристик речи также имеет определенную культурно-национальную обусловленность. Известно, что южные народы более эмоциональны и темпераментны в общении, чем северные. Особенности их темперамента и эмоциональности проявляются, как указывает автор, в использовании экспрессивной лексики и конструкций [Шаронов, 2004]. И в русском языке, по мнению учёного, проявляется «восточность» России. Другие исследователи, наоборот, считают носителей восточных языков более сдержанными в проявлении своих чувств по сравнению с носителями европейских языков, а русский язык, как известно, относится к группе индоевропейских языков. По восточному этикету принято «маркировать» отрицательные эмоции. Склонность к повышенной эмоциональности как особенность русского национального характера признается большинством специалистов в этой области. Особенность русского менталитета и этикета не предполагает завуалированное проявление отрицательных эмоций. Более того, речь здесь идёт о более открытом проявлении чувств, демонстрации эмоций.

В отечественной лингвистике коммуникативно-прагматический аспект выражения согласия/несогласия в устной научной коммуникации рассматривается также в рамках социоконструктивистского подхода к языку, предполагающего изучение научной коммуникации как феномена, являющегося результатом социального конструирования. Представители данного подхода [см., напр.: Маслова, 2007] способы выражения согласия/несогласия связывают с различными установками языковой личности, обусловленными её индивидуальными психическими, поведенческими и коммуникативными особенностями.

Изучению интенциональных смыслов согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров посвящена работа М.К. Любимовой [2004]. Сопоставительное исследование «интенциональных концептов» «согласие – несогласие» в татарском, русском и английском языках проводит К.А. Оразалинова [2012].

Таким образом, в лингвистике категория согласия/несогласия находит различные векторы описания.

Анализ работ, посвященных проблеме согласия/несогласия в отечественном языкознании, позволяет выделить следующие аспекты её исследования:

- 1) изучение категории согласия/несогласия с точки зрения формального подхода, в рамках которого основное внимание уделяется описанию и классификации средств выражения согласия/несогласия;
- 2) анализ согласия/несогласия с позиций антропоцентрической парадигмы, предполагающей анализ речевой деятельности с учётом носителя языка (в рамках этого направления изучение согласия/несогласия связано с осознанием толерантности как фундаментального принципа культуры);
- 3) исследование согласия/несогласия в русле межкультурной коммуникации;
- 4) изучение согласия/несогласия в рамках социоконструктивистского подхода к языку;
- 5) исследование согласия/несогласия в контексте анализа проблем этнолингвистики и лингвокультурологии как принципов толерантного общения и др.

Для нас особый интерес представляет комплексный подход к анализу сущности данной категории, осуществлённый в работе Т.М. Свиридовой, в которой различные конституенты как согласия, так и несогласия объединены в функционально-семантические поля. Подобный подход важен тем, что предполагает описание как системных, так и функциональных свойств категорий согласия и несогласия [Свиридова 2008].

Итак, вслед за Т.М. Свиридовой категории согласия и несогласия мы рассматриваем как функционально-семантические поля. Архилексемами данных полей выступают лексемы согласие и несогласие, занимающие в лексикографических источниках [см., напр.: Словарь русского языка 1984; Ожегов 1978]. позицию заголовочных слов. Одиннадцать различных значений слова согласие (напр.: утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение; единомыслие, единодушие; взаимная договоренность, соглашение; согласные, дружественные отношения; согласованность, соразмерность, гармония; единомыслие, общность точек зрения; мир – согласие, отсутствие разногласий, вражды или ссоры; покой, спокойствие; согласное сосуществование государств, народов; мирный договор; отсутствие войны, вооруженных действий между государствами) и шесть значений слова несогласие (напр.: отсутствие согласия, согласованности в чем-либо; разлад, ссора; отрицательный ответ на что-либо, отказ; разногласие; отсутствие единомыслия, в чёмн.; отсутствие согласия на что-н., отказ), представленные в этих источниках, подтверждают многообразие языковых репрезентаций данных категорий, обусловливающих вариативность их семантической парадигмы.

Обобщение данных лексикографических источников позволяет определить совокупность лексем и дескрипций, объективирующих и вариативно представляющих инвариант данной категории и составляющих семантическое поле категорий согласия и несогласия, и представить их в виде диаграмм (рис. 3, 4).

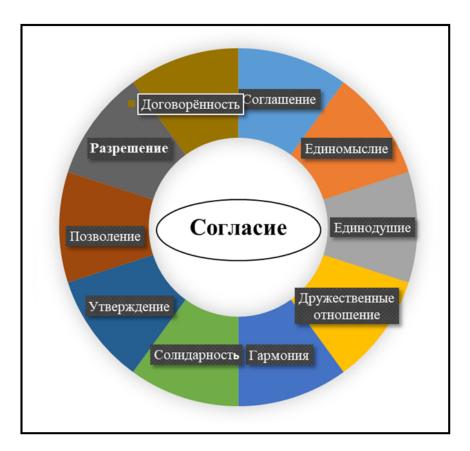

Рис. 3

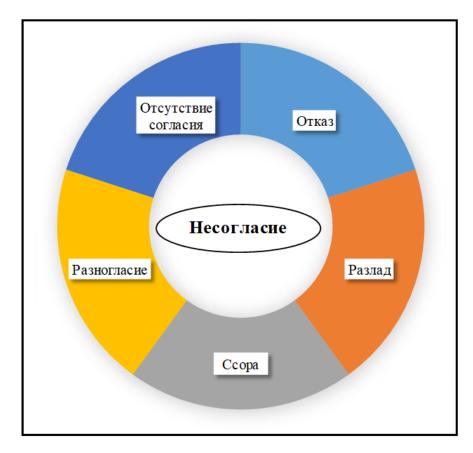

Рис. 4

СОГЛАСИЕ — Утверждение — Позволение — Разрешение — Договорённость — Соглашение — Единомыслие — Единодушие — Дружественные отношения — Соразмерность — Гармония — Общность точек зрения — Мир — Отсутствие разногласий, вражды — Покой — Спокойствие — Согласное сосуществование (людей, государств, народов) — Мирный договор — Отсутствие войны.

НЕСОГЛАСИЕ – Отсутствие согласия – Отсутствие согласованности –
 Отрицательный ответ – Отказ – Разлад – Ссора – Разногласие – Отсутствие единомыслия.

Априори можно предположить, что лишь отдельные вариативные манифестации приведённой семантической парадигмы данных категорий могут найти реализацию в научном дискурсе, например, такие компоненты, как *единомыслие* и *общность точек зрения*, связаны в научном дискурсе с категорией согласия, а *отсутствие единомыслия* и разногласие – с категорией несогласия.

1.3. Различные трактовки дискурса и аспекты его исследования

На современном этапе развития научной мысли проблема дискурса находится в центре внимания не только лингвистики, но и всей гуманитарной науки. Благодаря многовекторным исследованиям дискурса усилиями специалистов разных областей знания в конце XX века на базе теории дискурса формируется междисциплинарная область, называемая дискурсологией. Она имеет свой объект, метаязык и методы исследования. К объекту этой междисциплинарной области — дискурсу — специалисты разных областей научного знания обращаются довольно часто.

В лингвистике существует большое количество определений данного многогранного понятия. Исходя из приведённой характеристики, сложно установить типы дискурса на основе единых критериев. Поэтому мы останавливаемся лишь на тех определениях и типах дискурса, которые представляются для настоящего исследования наиболее адекватными.

Дискурс представляет собой многоаспектный объект исследования. Термин «дискурс» впервые в лингвистику ввёл американский ученый З. Хэррис в статье «Дискурс-анализ», где он определил дискурс как последовательность высказываний, написанных или произнесенных одним (или более) человеком в определенной ситуации. Дальнейшее развитие теория дискурса получила в трудах Э. Бенвениста, М. Фуко, французской школы анализа дискурса, Т.А. ван Дейка, Н.Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, В.И. Карасика, В.З. Демьянкова и многих других.

Как показывает анализ обширной литературы по дискурсу, в предлагаемом учёными многообразии определений данного понятия акцент делается на различных его аспектах: коммуникативном, функциональном, событийном, социальном, содержательном, структурном.

В теоретических исследованиях дискурса особое место занимает концепция французского языковеда Мишеля Фуко. В его трактовке дискурс предстаёт как феномен, обеспечивающий единство содержания и выражения и сближающий язык и реальность [Фуко, 1977].

Т.А. ван Дейк [2006] при определении отличительных особенностей дискурса обращает особое внимание на его характеристику как коммуникативного процесса между говорящим, слушающим, происходящего в определенном пространственном и временном континууме, с одной стороны, и результата этого процесса — письменного или речевого продукта, с другой. В соответствии с таким пониманием дискурса, Т.А. ван Дейк даёт более конкретные характеристики дискурса в зависимости от его вида. В частности, он выделяет такие виды: дискурс как тип разговора, дискурс как социальная формация, дискурс как жанр [Там же].

Р. Барт [2001] определяет дискурс как единый в содержательном отношении отрезок речи, связанный с внеязыковыми факторами, имеющий коммуникативную цель, обусловливающую его структурную организацию.

Н.Д. Арутюнова актуализирует как коммуникативные, так и когнитивные аспекты анализа дискурса, и трактует данное понятие как связный текст,

как коммуникативное действие и когнитивный процесс, подчёркивает связь дискурса с социальными, психологическими и культурными факторами [Арутюнова, 1990].

В связи с целью нашей работы в трактовке дискурса Н.Д. Арутюновой нам представляется важным выделить то, что она связывает изучение дискурса с «соответствующими «формами жизни» [там же: 137]. Н.Д. Арутюнова разграничивает понятия «текст» и «дискурс» и характеризует текст как формальную конструкцию, а дискурс – как всевозможные варианты его реализации, связанные с различными прагматическими факторами [Там же].

- В.З. Демьянков [Демьянков, 1982] считает дискурс фрагментом текста, то есть текста в совокупности с участниками коммуникации, с ситуацией, всем тем, что относится к внеязыковым факторам.
- Г. Н. Манаенко [2003] связывает дискурс с субъектом коммуникации и определяет его как общепринятый тип речевого поведения, обусловленный как сферой общения, так и принятыми стандартами организации текстов.
- По В.И. Карасику [Карасик, 2000], дискурс фиксируется в текстах и вбирает в свои рамки свойства, присущие речи, общению, языковому поведению.
- О.Н. Рыбакова понимает под дискурсом любое высказывание, большее, чем предложение или целый текст, представляющий процесс вербальной коммуникации в конкретной коммуникативной ситуации [Рыбакова, 1999].

Дискурс как коммуникативное событие, реализуемое в виде письменных текстов и устной речи, характеризуется В.Е. Чернявской [Чернявская, 2002].

Понимание дискурса, соответствующее толкованию последнего Н.Д. Арутюновой, мы встречаем у В.П. Конецкой, которая определяет дискурс как «фактически творимый в речи связный текст, который рассматривается в событийном плане, это текст, в котором актуализируются как языковые факторы ..., так и неязыковые, то есть экстралингвистические факторы [Конецкая, 1997: 103].

Некоторые авторы при характеристике дискурса на первый план выдвигают структурные свойства данного феномена. Так, важнейшими свойст-

вами дискурса Т.М. Николаева считает диалогичность, связность текста и его устно-разговорный характер [Николаева 1978]. Для других учёных дискурс — это высказывание, реализуемое в рамках определённой коммуникативной ситуации с характерными для неё социальными, культурными, прагматическими факторами [Арутюнова, 1990; ван Дейк, 2001; Серио, 1999 и др.].

Таким образом, в приведённых выше определениях дискурс характеризуется и как процесс в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными и коммуникативно-ситуативными факторами, и как результат, то есть со всеми характерными языковыми параметрами текст.

Следует отметить, что понятие текста в языкознании очень часто используется как для обозначения любого лингвистического материала в его письменной форме, так и в качестве синонима дискурса.

Однако критический анализ существующих дефиниций понятий «дискурс» и «текст» позволяет выявить принципиальные различия между ними. И это различие прежде всего обусловливается тем, что текст является категорией лингвистики, а дискурс — прагматики, что определяет динамичный характер дискурса. Анализ дефиниций также даёт основание утверждать, что определение термина «дискурс» постепенно расширялось и кроме главных параметров текста стало включать в себя и указание на экстралингвистические условия реализации процесса коммуникации.

В трактовке дискурса нам близок подход учёных, которые соотносят дискурс с текстом, обусловленным экстралингвистическим контекстом. Так, например, в концепции М. Фуко дискурс трактуется и как процесс, и как результат одновременно. Сходную точку зрения высказывают Т.А. ван Дейк [1998] и В.В. Красных [2003], которые определяют дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом и внеязыковые факторы.

Как неоднозначен сам термин «дискурс» и не существует его признаваемого всеми определения, так вариативны и все существующие в лингвистике классификации дискурса. Типологии дискурса, предложенные учёными, основаны на различных критериях [см., например, работы Карасика В.И.,

Почепцова Г.Г., Прохорова Ю.Е., Кашкина В.Б., Рождественского Ю.В., Русаковой О.Ф., Яворской Г.М., ван Дейка и др.].

Необходимо отметить, что исследователи, работающие в рамках дискурсологии, предлагают свои варианты классификаций дискурса, построенные на различных основаниях.

Так, например, в классификации Г.Г. Почепцова [1999] учитываются такие критерии, как особенность коммуникативной ситуации, особенность речи в дискурсе, в типологии дискурса Г.М. Яворской [2000] — коммуникативная ситуация, сфера функционирования дискурса и его прагматические цели, в классификации В.И. Карасика [2000] — создание дискурса в рамках социального института или его принадлежность отдельной языковой личности.

Классификации Г.М. Яворской и В.И. Карасика в наибольшей степени соответствуют цели нашего исследования, в частности, по критерию сфера функционирования, наряду с другими, выделяется и научный дискурс, по критерию принадлежности дискурса социальному институту или отдельной личности — институциональный и персональный дискурсы, в которых говорящий выступает как отдельная личность или как представитель определенного социального института.

Поскольку научная коммуникация — это общение в рамках закрепившихся стандартов такого социального института, как наука, научный дискурс принадлежит к типам институционального дискурса. От других типов институционального общения научный дискурс отличается наличием таких основополагающих признаков, как цель и участники общения.

Как любой тип институционального дискурса, научный дискурс располагает своим метаязыком, регламентированными данным социальным институтом целями, задачами, формами и способами общения, связанными с научной картиной мира. Однако научный дискурс создаётся учёным как отдельной языковой личностью (например, такие жанры научного дискурса, как монография, статья, рецензия, принадлежащие одному учёному), во-первых, с соблюдением стереотипов институционального дискурса данной области

знания, во-вторых, с манифестацией личностных особенностей, речевого поведения, картины мира.

Можно предположить, что объективация согласия и несогласия в разных жанрах научного дискурса будет детерминирована этими особенностями языковой личности.

1.4. Статус научного дискурса в системе дискурсов и его жанровая специфика

Научный дискурс относится к числу интенсивно изучаемых объектов лингвистики. В языкознании на протяжении последнего полувека чётко выделены различные аспекты исследования языка науки. В 70–90 годы XX века научный текст главным образом изучался в рамках теории функциональных стилей с точки зрения системно-функционального подхода [Арнольд, 1981; Гальперин, 1981; Кожина, 1972; 1989; 1993; Николаева, 1990; Разинкина, 1972; Славгородская, 1982; 1986 и др.

Выявлению и описанию стилеобразующих особенностей научной речи посвящены работы [Ванников, 1979; Васильева, 1986; Кириченко, 1986; Кожина, 1980; 1982; 1992; Котюрова, 1994; Лаптева, 1985; Матвеева, 1984; Троянская, 1976 и др.]; формы существования научного общения, в частности, анализ монологической и диалогической речи, письменной и устной форм общения представлен в работах [Богданова, 1989; Кожина, 1986; 1996; Лаптева, 1985; Лосева, 1969; Мальчевская, 1978; Метс, Митрофанова, 1981; Одинцов, 1982; Славогородская, 1985 и др.].

Связь текста с его автором рассматривается в исследованиях, выполненных в русле проблем теории речевой деятельности [Геляева, Хучинаева, 2012; Гергокаева, 2008; Лапп, 1993; Сахарный, 1994 и др.].

В соответствии с антропоцентрической ориентированностью современной лингвистической парадигмы в последние десятилетия особое внимание уделяется теории текста и дискурса [Аликаев, 1998,1999, 2010; Данилевская, 2010; Манаенко, 2003; Хайруллина, 2018; Чернявская, 2000; Яворская, 2000 и

др.], жанрам и типам дискурса [Карасик, 2000; Сабанчиева, 2017; Шейгал, 2000 и др.], когнитивно-дискурсивным и коммуникативно-прагматическим аспектам научной коммуникации [Геляева, Макитова, 2020; Демьянков, 2005; Золотова, 1982; Кубрякова, 2000; Ракитина, 2006; Русакова, 2006 и др.].

Однако в лингвистической литературе по научному дискурсу существует ряд проблем, пока ещё не нашедших достаточного освещения. Особенности функционирования различных оценочных категорий в научном дискурсе относится к числу подобных проблем. Актуальным продолжает оставаться также вопрос о специфике экспликации эмоционально-оценочных средств в научном дискурсе, о зависимости их объективации от влияния различных экстралингвистических факторов.

Как свидетельствует анализ существующей литературы, обусловленность объективации оценки в научном дискурсе такими факторами, как отнесенность исследования к гуманитарной или естественнонаучной отрасли, личность автора, коммуникативное намерение, отмечается многими исследователями.

Важным при исследовании специфики функционирования оценочных значений в дискурсе представляется и прагматический аспект их изучения, а именно, обусловленность функционирования категорий и элементов языка экстралингвистическими условиями ситуации общения, определяющей степень стилистической маркированности высказывания. Внеязыковые факторы научной коммуникации определяются целью, задачами, а также темой общения и включают в себя сферу коммуникации, особенности ситуации и обстоятельств общения, статус участников. Они являются частью процесса коммуникации, поскольку выступают как факторы реализации общения. Особенности как лингвистических, так и внеязыковых параметров коммуникации обусловливают специфику функционального стиля, «глубинные», специфические признаки отдельных функциональных речевых стилей» [Кожина, 1972: 61–62].

Данный параграф первой главы посвящён анализу исследований по определению места научного дискурса в общей системе дискурсов, выявлению его стабильных характеристик и жанровой специфики, установлению особенностей научного дискурса как с точки зрения типовой принадлежности, так и его жанрового своеобразия.

Научная деятельность связана с выявлением объективной природы предмета. Общей целью научных исследований является выведение нового знания о предмете изучения и доказательство его истинности. Основными стилевыми чертами научных работ признаются подчёркнутая логичность, точность, ясность, объективность, терминированность, некатегоричность изложения, ориентация не на эмоционально-чувственное, а на логическое восприятие, стремление к максимальной объективности.

Приведём различные мнения современных лингвистов об основных характеристиках научных текстов.

Согласно Е.С. Троянской, целью научного текста является выражение определенных мыслей и доводов по решению различных научных проблем объективно, точно, логично в максимально сжатой, краткой, эмоционально нейтральной и некатегоричной форме [Троянская, 1969].

Такие же особенности научного стиля речи выделяет М.Н. Кожина [Кожина, 1993]. Кроме того, специфическими чертами научного стиля она считает обобщенность и подчеркнутую логичность изложения, которые обусловлены абстрактностью и строгой логичностью мышления. По мнению автора, эти особенности обусловливают и более частные отличительные черты научного стиля.

В отличие от Е.С. Троянской, М.Н. Кожина, считая типичными признаками научного стиля смысловую точность, логичность, объективность, строгость, а также некатегоричность изложения, в то же время полагает, что эти признаки не отрицают того, что в данном стиле в определённых условиях (например, в зависимости от отнесенности текста к определённому подтипу научного стиля) проявляются экспрессивно-оценочные значения: «степень проявления всех этих черт может колебаться в зависимости от жанра, темы, формы и ситуации общения, авторской индивидуальности и других факторов» [Там же: 162].

Как считают другие учёные, основными параметрами научной сферы деятельности является постоянный обмен мнениями и информирование общественности о результатах научной деятельности, что предполагает оценку знания с точки зрения истинности/ложности [Аликаев, 1999, 2005]. Некоторые исследователи наряду с такими признаками научного стиля, как логичность, точность, абстрактность, ясность, объективность, выделяют такие признаки, как, например, унифицированность, клишированность, стандартность средств выражения [см., напр.: Гвишиани, 1986], организация и упорядоченность научного изложения, воспроизводимость результатов [см., напр.: Рябцева, 1996]: «главное в научном изложении — его: последовательный переход от целей, материала, методов к экспериментам и их результатам» [там же: 43].

Обзор и анализ посвящённых научному стилю работ за последние десятилетия позволяет выделить несколько подходов к изучению стиля научного изложения. Сущность одного из подходов заключается в том, что научный текст признаётся продуктом целенаправленной коммуникативной деятельности и сложной структурой, в рамках которой элементы иерархически связаны и выполняют определённые функции для передачи научного знания. Отдельные компоненты этой сложной структуры только в целостной системе выполняют основную задачу научного текста [Мешман, 1982]. Данный подход можно назвать системным.

Сторонники логического подхода к пониманию научного стиля изложения исходят из того, что любой научный текст характеризуется следующей единой логической моделью: тезис – аргументация – доказательство – вывод. При этом, они исходят из того, что научное мировоззрение формируется посредством понимания мира через его логическое осмысление [см., например: Разинкина, 1972; Кондаков, 1967]. Для сторонников данного подхода ключевой характеристикой научного текста является «доказательство определенных положений, т.е. множество логических действий, в процессе которых истинность какой-либо мысли обосновывалась с помощью других мыслей, причем истинность последних доказана практикой» [Кондаков, 1967: 379].

Особенности стиля научного изложения рассматриваются также в рамках функциональной стилистики. Основная идея сторонников так называемого функционального подхода состоит в том, что при выявлении стилей и форм речи в рамках научного стиля особое внимание следует уделять их функциональной направленности [Введенская, 2011; Гришина, 1982; Нечаева, 1974; Солганик, 1973; Шмелев, 1977 и др. Исследование многообразия текстов как результата общественно-языковой практики привело как к разграничению функциональных стилей в целом, так и выделению функционально-смысловых типов речи [см., напр.: Нечаева, 1974].

В исследовании научного стиля речи известны и другие подходы, в частности, разграничение в научной коммуникации отдельного общенаучного стиля как самостоятельной разновидности речи, выделение которого в рамках конкретного языка, как считает М.М. Глушко, детерминировано прежде всего особенностями развития литературного языка и в целом данной области научного знания [Глушко, 1974: 8].

Кроме того, учёные отмечают, что различные вариации общенаучного языка находятся в зависимости от того, метаязыком гуманитарной или естественной области научного знания они являются [Гвишиани, 1986].

Следует также отметить, что метаязык общенаучной коммуникации не идентичен терминологическому языку отдельной области науки.

Следующим аспектом исследования текстов научной коммуникации является анализ её письменной и устной разновидностей.

В глобализирующемся мире XX и XXI столетий существенную роль в области науки играет письменное, а точнее печатное слово, поскольку современную науку невозможно представить без печати, без современных средств информации. Один из известных учёных, физик В. Вайскопф, говоря об отличии науки как отрасли знания от художественной литературы, отмечает коллективный характер науки. Не исключая индивидуальный вклад учёного в общее научное знание, он подчёркивает зависимость научных результатов отдельного исследователя от общих достижений в этой области и рас-

сматривает эти результаты как часть цельной научной мысли, единого научного мировоззрения [Вайскопф, 1977].

С другой стороны, многие исследователи указывают на то парадоксальное обстоятельство, которое сложилось в современной науке. Учёные различных областей знания, специалисты по информатике, науковеды и социологи утверждают, что печатное слово как бы теряет былую значимость. Так, профессор Марсельского университета Ю. Гурвич подчёркивает, при существующем в настоящее время большом объёме научной информации у учёного нет уверенности, что его публикации будут замечены представителями научного сообщества и станут объектом их внимания. «Научные исследования находятся под угрозой быть задавленными своим собственным порождением – научной литературой», – пишет Ю. Гурвич [1981: 22].

В таких условиях несомненно устный научный дискурс вновь занимает доминирующее положение и как способ непосредственной коммуникации (например, доклады и выступления на конференциях, симпозиумах), и как возможность передачи информации на расстоянии.

Устный научный дискурс является основной формой передачи и получения информации на разного рода научных конференциях и конгрессах, организация и проведение которых связано с определённой областью научного знания. Особенностью таких научных форумов является интеграция в устной форме «здесь и сейчас» большого объёма информации, которая в печатном виде в течение более продолжительного времени доходит до адресата. Как отмечает Е.З. Мирская [1974], научные конференции характеризуются очень быстрой обработкой информации: так, важная идея, озвученная в первые дни конференции, сразу оказывается замеченной, обсуждается, подвергается критике, разбирается, и на основе этой идеи формулируются новые и создаются другие концепции.

Представители данного направления изучения научной коммуникации, кроме интенсивного обмена и освоения научной информации, отмечают такие отличительные особенности устной формы научного общения, как специфика способа передачи и восприятия информации.

Большинство современных исследователей признают влияние экстралингвистических факторов на закономерности отбора и употребления тех или иных средств в научном произведении. К числу экстралингвистических факторов В.Е. Чернявская, например, относит ситуацию общения, автора и адресата текста [Чернявская, 2006: 12].

Следует отметить, что объём значений, вкладываемых в понятие «экстралингвистические факторы», принципы их выделения, значительно отличаются у разных исследователей. Так, Г.А. Вейхман выделяет первичные факторы (цель и задача общения, общественная сфера общения, содержание общения), создающие языково-речевую специфику стиля, и второстепенные функциональные факторы (условие восприятия, наличие аудитории, форма и технические условия общения). По мнению учёного, такие факторы, как характер социальных и личных отношений между участниками общения, характер аудитории, социальные и индивидуальные качества участников общения, формируют экспрессивную окраску, накладывающуюся на значение языкового средства и вступающую в сложные взаимоотношения с его функционально – стилистической окраской [Вейхман, 1958].

Несколько иную классификацию экстралингвистических факторов даёт С.М. Гайдучик. Он относит к элементам речевой ситуации следующие экстралингвистические факторы: цель и предмет высказывания, степень подготовленности говорящего, отношение между говорящим и слушающим, социальный статус говорящего, отношение говорящего к содержанию высказывания, взаимодействие говорящего и слушающего, социальные условия общения, внешние условия общения [Гайдучик, 1972].

Е.С. Троянская, основываясь на приведённых выше классификациях, считает целесообразным выделить для характеристики типов речевой ситуации, определяющей функционирование и существование функциональных стилей, основные внеязыковые факторы, к которым в первую очередь относит сферу общения, обусловливающую содержание и специфику передачи научной информации. К второстепенным экстралингвистическим факторам

Е.С. Троянская относит отношение говорящего (автора) к содержанию речи, степень его подготовленности, отношения между автором речи и адресатом (наличие/отсутствие обратной связи, а также личные отношения), их социальный статус [Троянская, 1976].

Большинство современных исследователей выделяют следующие экстралингвистические факторы: сфера общения, в которой создаётся и функционирует дискурс; индивидуальные особенности создателя дискурса: социальный статус, возрастная, профессиональная, и др. характеристики; отношения между автором и адресатом и, наконец, отношение автора к содержанию [см., например, Гончарова, 2003, Чернявская, 2006 и др.].

При анализе дискурса мы будем учитывать не только языковые его характеристики, но и те, которые относят к экстралингвистическим факторам.

Определяя место научного дискурса в системе дискурсов, мы опираемся на разработанную В.И. Карасиком типологию дискурса [Карасик, 2009]. Для нас важен выделенный В.И. Карасиком статусно-ориентированный, или институциональный, тип дискурса, который, по мнению автора, объединяет устоявшиеся в различных сферах общения типы коммуникации, например, сформировавшийся в сфере политики – политический дискурс, в сфере рекламы – рекламный дискурс и др.

Научный дискурс мы рассматриваем как статусно-ориентированный тип институционального общения, в котором воплощается специфика такого социального института, как наука.

Следует отметить, что зачастую представляется затруднительным проводить чёткое разграничение между личностно-ориентированным и статусно-ориентированным типами научного дискурса, в частности, когда речь идёт о научно-популярных и оценочных жанрах. Эти жанры содержат свойства других типов научного дискурса, кроме того, оценочные жанры изобилуют иностилевыми элементами, отличающимися особой экспрессивно-оценочной маркированностью.

Другие учёные также отмечают, что научный дискурс относится к институциональным типам дискурса [см., например, Михайлова 1999], и как следствие этого, по мнению Е.В. Михайловой, научный дискурс отличается от других типов дискурса тем, что личностный характер в нём выражается не явно. Однако в работах последних лет, выполненных в русле антропологической парадигмы лингвистики, безличность не относится к числу основных характеристик научного. Исследователи подчёркивают, что автор научного текста различными языковыми средствами так или иначе манифестирует себя в создаваемой им работе [см., например: Амвросова, 1991; Архипова, 2002; Балли, 1961; Барляева, 1993; Гергокаева, 2008; Котюрова, 1986; Лаптева, 1975 и др.].

К основным признакам научного стиля, как известно, относят абстрактность, логичность, точность, терминологичность, некатегоричность, стандартность и строгость изложения. Кроме названных, научный дискурс, как считает Е.В. Михайлова [1999], имеет характерную для него проблематику, особые механизмы реализации, свойственные адресанту и адресату определенные характеристики, благодаря которым он противопоставляется другим типам в общей системе дискурсов.

Целью научного дискурса, как известно, является выведение нового знания. Эта особенность научного дискурса находит отражение в содержании и форме представления знания. Поэтому в научном дискурсе актуализируется содержательная, фактическая информация об объективной природе изучаемого объекта.

Цель обусловливает проблематику научного дискурса. В научном дискурсе ставятся и решаются научные проблемы теоретического и прикладного характера.

Несмотря на то, что методы, языковые средства для выражения конкретных задач, которые ставятся в научных текстах для достижения цели, могут быть разными в разных научных текстах, суть научного дискурса, его цель — решение научной проблемы по выработке нового знания — остаётся неизменной.

Именно проблематикой отличается собственно научный дискурс от текстов научно-учебных, научно-популярных и др., характеризующихся некоторыми сходными чертами. Например, для научно-учебных текстов основной целью является научить, для научно-информационных — обеспечить адресата нужной информацией, для научно-популярных, научно-публицистических — заинтересовать адресата или зарегистрировать изобретение. Названные дискурсы имеют иную проблематику и цель, поэтому они могут быть отнесены к педагогическому, рекламному, публицистическому, официально-деловому дискурсу. Для таких текстов с нечёткими границами, которые характеризуются признаками разных типов дискурса, в лингвистике существует название — «пограничные тексты».

Итак, научный дискурс — это особый тип институционального дискурса, основной целью которого в целом является критический анализ существующих по данной проблематике исследований и на этой основе разработка новой концепции, отличной от предыдущих.

Научный дискурс в широком смысле характеризуется диалогичностью. Несмотря на то, что объекты анализа в данной работе — жанры монографии, статьи, рецензии (отзыва) — выступают как монологические тексты, они отличаются таким свойством, как диалогичность, то есть направленность на адресата (читателя, слушателя), который выступает как соучастник коммуникации. Под диалогичностью в данном случае понимается не только непосредственное коммуникативное взаимодействие автора и адресата, под диалогичностью подразумевается адресованность дискурса к читателю, которая в текстовом пространстве получает различные формы языковой экспликации.

Средствами выражения диалогичности в научном дискурсе выступают пометы типа «смотрите» (см.,), «сравните» (ср.,), «например» (напр.), направленные к адресату, а также различные интертекстуальные элементы: цитаты из научных работ других учёных, а также ссылки на них. Конкретные цели и задачи использования автором дискурса средств диалогичности мы описываем во второй главе диссертации.

В отличие от диалога в разговорном стиле речи, диалогичность как категория научного дискурса может проявляться в специфичных для данной сферы общения формах, например, в виде дискуссии или обсуждения научной теории, концепции и т.д. после их представления научному сообществу.

Как считает ряд учёных, научный дискурс, с одной стороны, выступает наиболее оптимальной средой для полного воплощения свойственных диалогичности признаков, с другой, научный дискурс реализуется только в форме диалога. [см., напр.: Михайлова, 1999; Славгородская, 1986].

Л.В. Славгородская [1986] отмечает, что особенностями коммуникативной ситуации, в которой реализуется научный диалог, детерминируется его специфика, такая, например, как диалог в неофициальном бытовом общении или в институциональном общении.

В лингвистике обращают внимание на существование различных типов диалога: познавательный неофициальный и официальный диалог, научный спор [см., напр.: Михайлова, 1999]. Поскольку неофициальный познавательный (творческий) диалог чаще всего реализуется в личном общении, его результаты практически не являются объектом специального лингвистического исследования и не представляют интереса в рамках целевой направленности данной работы. Официальная разновидность познавательного (творческого) диалога — это публичное обсуждение сторонами готовых результатов исследования для решения проблемы, связанной с совпадением/несовпадением позиций или новой концепции со старой.

Следующей разновидностью научного диалога, выделяемой Е.В. Михайловой, является научный спор. В лингвистических исследованиях термин «научный спор» используется для обозначения полемически направленного диалога. Это полемика, целью проведения которой является обсуждение проблемы, вызывающей разногласия и требующей обоснования позиций противоборствующих сторон для определения чёткой позиции по отношению к ней.

Необходимость полемики в научном дискурсе вызвана самой сутью данного типа дискурса, его направленностью на аргументацию и обоснова-

ние собственной позиции, доказательство достоверности и точности предлагаемых фактов, бесспорности концепции.

Поскольку полемика возникает как реакция на мнение, доводы, высказанные другими, как попытка каждой из сторон отстоять свое мнение или прийти к компромиссному решению рассматриваемой научной проблемы, она непосредственно связана с категорией согласия/несогласия, потому что в процессе ведения научной полемики участники либо приходят к согласию, либо каждый остаётся при своём мнении, не соглашаясь с позицией другого.

Полемика — это вербальная борьба, способствующая выявлению истины посредством убедительной аргументации и эволюции научного познания.

Следует отметить, что научный диалог как дискуссия и полемически направленный научный диалог по-разному распределены в разных композиционных блоках научного текста и направлены на получение определённого результата.

Но познавательный характер научного диалога утрачивается, если он переходит в «спор ради победы». Такой диалог, как полагает Е.В. Михайлова [1999], не выполняет свою главную коммуникативную функцию и уже не является научным диалогом. Однако это, по мнению учёного, не значит, что научный текст должен быть лишён полемического характера, так как, утрачивая полностью полемические свойства, переходя в простое объяснение или изложение определённых фактов, он начинает тяготеть к педагогическому дискурсу или дискурсу массмедиа [там же].

Итак, диалог в научном дискурсе понимается в широком смысле как особая форма взаимодействия не только автора и читателя, но и различных направлений, школ, подходов, концепций, учёных для решения определённой научной проблемы.

К числу факторов, конституирующих научный дискурс, учёные относят триаду автор — текст — адресат, то есть адресанта как создателя текста, информацию как концептуальное содержание текста, цель текста и адресата как получателя и участника текста. Адресант и адресат как участники научного дискурса обладают индивидуально-личностными и статусно-ролевыми характеристиками. Однако статусно-ролевые различия участников не являются конститутивным признаком научного дискурса. Поскольку адресат и автор дискурса являются носителями совпадающей научной картины мира, адресат выступает как соучастник коммуникации. Для коммуникативного взаимодействия в научном дискурсе обязательным условием является соблюдение принципа статусного равноправия и толерантного общения. Р.С. Аликаев подчёркивает, что текст является результатом целенаправленной коммуникативной деятельности и выступает «как связующее звено между участниками коммуникативного акта — адресантом и адресатом. Значимость последнего при этом не менее важна» [Аликаев, 1999: 43].

Дискурс создаётся определённой языковой личностью — говорящим, адресован другой языковой личности — слушающему. Кроме указанных конституирующих признаков дискурса, Дж. Дж. Гергокаева акцентирует внимание и на соотнесённости дискурса с определенной пространственновременной рамкой, то есть, с коммуникативной ситуацией, обусловливающей жанр дискурса, а также на типичных для научного дискурса дискурсивных процедурах, связанных с коммуникативными и когнитивными аспектами данного феномена [Гергокаева, 2008].

В научном дискурсе представлены как процесс, так и результаты научно-познавательной деятельности. Поэтому каждый композиционный блок структурированного дискурса отражает логику научного познания. Кроме того, в научном дискурсе на основе оценочного отношения к предыдущему «старому» знанию формулируется и выдвигается новая научная концепция.

Итак, научный дискурс характеризуется следующими основными конститутивными признаками: целью научного дискурса является внесение изменений в научную картину мира адресата (читателя, слушателя) посредством выработки нового знания на базе широкого диалога с предыдущим и на основе равноправного коммуникативного взаимодействия адресанта и адре-

сата. Несоблюдение данных основных признаков ведёт к появлению в нём свойств, характерных для дискурса промежуточного типа.

На основе критического анализа различных трактовок, а также существующих дефиниций научного дискурса мы предлагаем своё определение данного термина. Научный дискурс — это один из видов институционального дискурса, призванный решать научную проблему — выработку нового знания на основе его диалога с предыдущим, созданный в соответствии с жанровыми и стилевыми канонами данного социального института.

Научный дискурс отличается стандартной структурной организацией, однако степень его клишированности разнится в зависимости от типа и жанра.

Научный дискурс, как и любой тип дискурса, характеризуется жанровой вариативностью.

Следует отметить, что термин «жанр», широко используемый в литературоведении, и, благодаря трудам М.М. Бахтина [1979], ставший ключевым понятием для данной области знания, в лингвистике только в последние годы становится объектом внимания.

По справедливому замечанию Н.М. Разинкиной [1976], научные тексты недостаточно изучены с точки зрения их жанровой специфики. Несмотря на достигнутые в последние годы значительные успехи в исследовании жанров научного дискурса [см., напр.: Аликаев, 1998, 1999; Арутюнова, 1992; Карасик, 1997; 2004; Красильникова, 1999; Ракитина, 2006; Сабанчиева, 2017; Самойлова, 2009; Силкина, 2018 и др.], в лингвистике до сих пор нет классификации жанров научного дискурса, основанной на единых критериях. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что в само понятие «жанр» учёные вкладывают разное содержание. Для одних учёных жанр – апробированная, закрепленная традицией форма использования языка в конкретных условиях общения [Брандес, 2004; Кочетова, 1987], для других – модель протекания речевого акта и рассмотрение жанра в рамках ситуации, в которой он реализуется.

А. Вежбицкая понимает жанр как модель, обусловленную коммуникативным намерением [Wierzbicka, 1972].

Речевой жанр, по М.М. Бахтину, — это относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов). Жанрообразующими факторами текста учёный признаёт предметносмысловую отнесенность, речевой замысел, композиционно-жанровые формы [Бахтин, 1979].

Р.С. Аликаев, рассматривая жанр в качестве системообразующего понятия прагматики, участвующего в формировании высказывания, отмечает его историческую обусловленность, неразрывную связь с функциональным стилем, а также зависимость институционализации жанра от длительности употребления [Аликаев, 1999, 2008, 2010].

По мнению С. Гайды, понятие жанра формируется на основе повторяемости совокупных семантических, синтаксических и прагматических свойств текстов [Гайда, 1986].

В своей работе мы опираемся на следующее определение жанра: «Жанр — особая форма организации текста, создающаяся на основе устойчивых, повторяющихся моделей речевых ситуаций, обладающая ярко выраженными тематическими, композиционными и стилистическими особенностями» [СЭСРЯ], а также понимание жанрового канона как «стереотипа порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах» [Карасик, 1997: 70].

Кроме того, для нас особый интерес представляет соотнесение понятий «стиль» и «жанр» в работах М.М. Бахтина. По мнению М.М. Бахтина, функциональные стили есть жанровые стили, характерные для определённых сфер общения [Бахтин, 1979], по мнению Р.С. Аликаева, любой функциональный стиль выступает как парадигма жанров [Аликаев, 1999].

Если учитывать, что термин «дискурс» постепенно вытесняет в смежных значениях термин «стиль» (хотя данные термины не синонимы), то для нас важно определить соотношение понятий «дискурс» и «жанр». Нам представляется, что данные понятия связаны родовидовыми отношениями, как инвариант с вариантом.

В таком понимании дискурс выступает как инвариант в отношении различных типов дискурса: политического, научного, медийного, рекламного и др. (рис. 5).

Рис. 5

Инвариант – Дискурс

Варианты – Типы дискурса

В свою очередь, научный дискурс может служить инвариантом, а жанры монографии, статьи, рецензии – вариантами (рис. 6).

РИС.

Инвариант – Научный дискурс

Варианты – Жанры научного дискурса

В функции инварианта может выступать и жанр в отношении отдельных конкретных текстов, имеющих определённую цель.

Инвариант – Жанр научной статьи

Варианты – Проблемная статья, Обзорная статья

Разные трактовки понятия «жанр» обусловили различие в подходах к классификации жанров научного дискурса. Существующие в лингвистике классификации жанров научного дискурса учитывают функциональные, формальные и коммуникативные признаки дискурса.

Одни учёные считают главным критерием классификации жанров функциональность, исходя из того, что специфические коммуникативные задачи, которые выполняют дискурсы, играют главную роль в формировании жанрового разнообразия [Троянская Е.С., Ванников Ю.В., Егоров В.Л., Мальчевская Т.Н. и др.]. Другие при классификации жанров основываются на нескольких критериях, например, таких, как содержательный признак, клишированность, форма реализации, канал связи и др. [Золотова Г.А., Котюрова М.П., Наер В.Л., Разинкина Н.М. и др.]. По мнению третьих исследователей, жанры как историческая категория социально апробированы, закреплены традицией, уже устоялись, исходя из этого, основой классификации жанров следует признать их соответствие прототипу текстов [Кочетова, Л.А.].

Весьма интересной представляется инвариантно-вариантная классификация Е.С. Троянской [1985], в которой выделяются типы научных текстов, относящиеся к определённым инвариантам. К собственно научным академическим текстам автор, например, относит монографию, статью, доклад, тезисы; к научно-оценочным — рецензию, отзыв; к научно-учебным — лекцию, учебник; к научно-деловым текстам — патент, авторское свидетельство; к информационно-реферативным — аннотацию, реферат; к справочно-энциклопедическим — энциклопедию, словарь; к инструктивным — руководство, инструкцию.

Исходя из различных классификаций жанров, в качестве объекта исследования мы выбрали такие жанры научного дискурса, как научная статья, монография, представляющие собой собственно научные академические тексты и в наибольшей степени отвечающие жанровому канону, и рецензия, отзыв, относящиеся к наиболее эмоционально маркированным научно-оценочным типам текстов.

Выводы

- 1. Согласие и несогласие являются многомерными понятиями, активно разрабатываемыми рядом социально-гуманитарных наук. В каждой отрасли знания имеется свое понимание этих категорий, соответствующее специфике отрасли знания: а) согласие и несогласие рассматриваются в социологии как факторы, способствующие или препятствующие социальному взаимодействию и определяющие успешность и возможность этого взаимодействия; б) в философии согласие/несогласие рассматриваются как универсальное свойство бытия.
- 2. Анализ работ, посвященных проблеме согласия/несогласия в отечественном языкознании, позволяет выделить следующие аспекты изучения этих категорий: 1) рассмотрение согласия/несогласия преимущественно в формальном аспекте; 2) изучение согласия/несогласия с точки зрения системно-функционального подхода, в рамках которого основное внимание уделяется описанию и классификации средств выражения согласия/несогласия; 3) изучение согласия/ несогласия с позиций антропоцентрической парадигмы, предполагающей анализ речевой деятельности с учётом носителя языка (в рамках этого направления изучение согласия/несогласия связано с осознанием толерантности как фундаментального принципа культуры); 4) исследование согласия/несогласия в русле межкультурной коммуникации.
- 3. В существующих в лингвистике различных определениях дискурса акцент делается на различных его аспектах: коммуникативном, функциональном, событийном, социальном, содержательном, структурном. Анализ как собственно научных, академических, так и оценочных жанров научного дискурса с точки зрения специфики объективации в них согласия и несогласия обусловливает использование в рамках настоящей работы различных аспектов их исследования.
- 4. Для целевой направленности работы наиболее приемлемой представляется типология дискурса, основанная на таком критерии, как сфера функционирования. Исходя из этого критерия, научный дискурс относится к типам институционального дискурса, поскольку научная коммуникация это общение в рамках закрепившихся стандартов такого социального института, как наука.

- 5. От других типов институционального общения научный дискурс отличается тем, что ориентирован на решение научной проблемы, а именно: на выявление объективной природы предмета изучения, на основе оценочного отношения к предыдущему выведение нового знания об объекте исследования и доказательство истинности этого знания, внесение изменений в научную картину мира адресата.
- 6. Научный дискурс отличается коллективным характером в том смысле, что он, являясь результатом работы отдельной личности или коллектива, в то же время выступает как часть единого научного знания, полученного усилиями многих ученых, работающих в данной области. Поэтому одной из основных характеристик научного дискурса является его диалогичность в широком смысле, которая проявляется и в научной дискуссии, и в научной полемике, и в прямом цитировании, и в косвенных ссылках на научный контекст, посредством которых обосновывается новое знание.
- 7. В диссертационной работе предложено следующее определение научного дискурса: научный дискурс — это один из видов институционального дискурса, призванный решать научную проблему — выработку нового знания на основе его диалога с предыдущим, созданный в соответствии с жанровыми и стилевыми канонами данного социального института.
- 8. Научный дискурс характеризуется жанровой вариативностью, которая обусловлена коммуникативным намерением. Жанры научного дискурса это социально апробированные, закрепленные традицией формы использования языка в конкретных условиях общения.
- 9. В работе определяется соотношение понятий «стиль» и «жанр», «дискурс» и «жанр», «инвариант» и «вариант». Так, научный дискурс выступает как инвариант, в отношении к которому жанры статьи, монографии, рецензии и отзыва являются вариантами. Если признать инвариантом научную статью, то вариантами могут выступать, например, обзорная статья, проблемная статья, информационная статья, критическая статья и др.

Глава 2. СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Статус согласия и несогласия в научном дискурсе. Соотношение согласия/несогласия с другими дискурсивными категориями

Несмотря на достаточную изученность средств выражения согласия/несогласия, семантический объём, в целом категориальный статус данных понятий не определён до настоящего времени, что, на наш взгляд, объясняется как их функциональной полисемантичностью, так и разными подходами к трактовке, толкованию и определению самих понятий.

Большинство авторов, занимающихся исследованием данных категорий, при определении согласия/несогласия обращаются к материалам толковых словарей. Семантическая парадигма лексемы «согласие», объективированная в современных толковых словарях русского языка (см. в предыдущей главе), включает в себя как отдельные лексемы, так и дескрипции, представляющие собой контекстуально и семантически различающиеся репрезентанты инварианта данной категории. Это такие, например, как: утвердительный ответ на просьбу, на что-либо, соглашение, позволение, договорённость, соразмерность, гармония, общность взглядов, мнений, точек зрения, разрешение, единомыслие, единодушие, дружественные отношения, мир, отсутствие разногласий, вражды, покой, спокойствие, согласованность, слаженность, согласное сосуществование (людей, государств, народов), мирный договор, отсутствие войны. Парадигму же несогласия представляют следующие единицы: отсутствие согласия, отрицательный ответ, отказ, разлад, ссора, разногласие, отсутствие единомыслия и др.

Приведённые выше лексемы согласие и несогласие, а также дескрипции, представленные единицами разных уровней языка, связаны с категорией согласия/несогласия смысловым единством, что позволяет объединить их в функционально-семантические поля, ядром которых выступают лексемы согласие и несогласие.

Исследователи данных категорий обычно выделяют два типа согласия:

- 1) согласие как положительный ответ на просьбу, разрешение;
- 2) согласие с мнением.

Для научного дискурса, рассматриваемого в рамках данной работы, актуален второй тип согласия. В приведённой выше совокупности языковых единиц этот тип концептуально представлен такими лексемами, как единомыслие, общность точек зрения, мнения. Априори можно предположить, что именно они, концептуально связанные с ядерной лексемой данного функционально-семантического поля — согласие, определяют специфику объективации категории согласия в научном дискурсе.

Несогласие же рассматривается обычно в оппозиции с согласием и определяется как отсутствие единогласия, разногласие в чём-либо [Ожегов, 1978].

Исследованию несогласия как речевого акта посвящены специальные работы [Бахарев, 2000; Боргер, 2004; Акимова, 1993; Бычихина, 2002; Казимянец, 1987 и др.]. Так, Я.В. Боргер характеризует несогласие как выражение позиции говорящего, противоположной позиции собеседника. При этом несогласие, по мнению автора, выступает в виде информативного или оценочного высказывания, которое в большинстве случаев сопровождается различными эмоциональнооценочными компонентами и часто включает в себя все виды отрицательной реакции: возражение, опровержение, осуждение, неодобрение и др. [Боргер, 2004]. Таким образом, категория несогласия, охватывает достаточно широкий круг эмоционально-оценочных значений, выражающих отношение адресата дискурса (слушателя, читателя) к содержанию высказывания.

2.1.1. Скрытая экспликация согласия/несогласия в рамках дискур-сивной категории оценочности

Анализ научного гуманитарного дискурса свидетельствует о том, что, выражая в сущности совпадение или несовпадение точек зрения участников коммуникации по обсуждаемой проблеме, согласие и несогласие выступают

как положительная/отрицательная оценка того или иного взгляда. То есть в научном дискурсе категории согласия и несогласия чаще репрезентируются оценочными высказываниями, в частности, оценкой подхода, мнения, взгляда, концепции, теории как правильного/неправильного, истинного/ложного, соответствующего/несоответствующего действительности и т.п.

Например: 1) Слишком прямолинейно понятый тезис Г.О. Винокура — что язык — это культурная традиция в соединении с дедуктивно-культурологическим подходом к анализу языковых фактов, ... приводит к одностороннемеханистическим представлениям о природе языковых явлений (Тарланов); 2) На наш взгляд, учёному удивительно тонко удалось разрешить имеющееся противоречие (Аликаев); 3) Ещё одним фактором, оказывающим огромное негативное влияние на современное общество, является язык средств массовой информации (Ремнева). Приведённые примеры представляют собой оценочные высказывания, в которых согласие и несогласие имплицитно репрезентируются посредством самой разнообразной гаммы оценочных значений, которые в данных высказываниях усиливаются интенсификаторами (слишком прямолинейно; удивительно тонко; огромное негативное влияние).

Следует отметить, что согласие и несогласие в целом обусловлены оценочным отношением к содержанию высказывания. Поэтому, как отмечают многие исследователи, данные категории в научном дискурсе в большинстве случаев объективируются посредством оценочных суждений.

Так, по мнению Н.И. Поройковой [1976], в категориях согласие и несогласие в содержательном отношении выражается модальная оценка высказывания (взгляда, мнения, подхода, позиции) участника коммуникации с точки зрения соответствия/несоответствия действительности.

Для Е.В. Галактионовой отличительным признаком согласия с мнением от согласия в ответ на побуждение является способность быть оценённым [Галактионова, 1988].

Выше мы отметили, что из широкого круга совокупности языковых единиц, составляющих семантическое поле категорий «согласие» и «несогла-

сие», лишь отдельные лексемы и дескрипции, такие, например, как «единомыслие», «общность точек зрения», «отсутствие единомыслия, единства мнений», «разногласие» концептуально представляют семантическую парадигму данной категории в научном дискурсе. Приведённые лексемы и дескрипции так или иначе связаны с оценкой.

Как показал анализ семантического объёма согласия и несогласия на материале лексикографических источников, данные категории тесно связаны с оценочностью. Оценивая чужую научную работу, учёный либо присоединяется к выраженному в ней мнению, либо опровергает его. Поэтому представляется необходимым определить статус оценочности применительно к научному дискурсу.

Трактовка оценочных значений, определение специфики их проявления в различных типах языковых единиц относится к числу дискуссионных проблем науки о языке. Решение данной проблемы особенно осложняется в применении к научной коммуникации, основными признаками которой считаются логичность, точность, обобщённость изложения, детерминированные спецификой науки, ориентированной на объективное представление знаний, а также отсутствие эмоционально-экспрессивной маркированности.

Однако ещё в первой половине XX века один из известных представителей Женевской лингвистической школы Ш. Балли [2001] отмечал, что нельзя без оговорок считать характерным свойством языка науки безличность изложения. Хотя научная коммуникация является видом интеллектуальной деятельности, основанной на логике, использование в ней чувств и эмоций вносит в научную речь остроту и яркость.

Если исходить из значения лексемы «оценка», то на первый взгляд кажется, что оценка и оценочные высказывания и суждения, в отличие от дескриптивных, используются в жанрах дискурса, для которых оценка детерминирована их конститутивной особенностью. Такими жанрами научного стиля речи являются рецензия или отзыв, критическая статья, дискуссия. Однако, учитывая то, что новое знание приобретает социальную значимость только

тогда, когда оно получает/не получает признания на основе критической оценки, мы, вслед за многими учеными, признаём значимость категории «оценка» для науки в целом.

Не подлежит сомнению, что оценка функционально обусловлена спецификой науки как области знания, поскольку результаты научной деятельности, чтобы быть принятыми сообществом, должны пройти оценочную квалификацию. В этой связи интересным представляется мнение В.И. Шаховского [1988] о том, что оценка как выражение ценностного отношения субъекта к объекту речи представляет фундаментальное свойство языка.

В отечественном языкознании исследованию категории «оценка» и различных типов оценочных значений посвящены работы Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, Е.М. Вольф, М.Б. Воробьёвой, Н.В. Данилевской, Л.В. Сретенской, А.Д. Шмелёва и др.

По мнению Е.М. Вольф [2002], оценка — это положительное или отрицательное отношение субъекта к объектам действительности. Это отношение эксплицитно или имплицитно может быть представлено как семантический компонент в языковой единице. В данной трактовке в связи с целевой направленностью нашей работы важно актуализировать то, что оценка — это отношение, которое может быть положительным или отрицательным, имплицитным или эксплицитным. Оно репрезентирует признание или непринятие, согласие или несогласие субъекта с содержанием высказывания (с утверждением участника коммуникации).

В работах Н.Д. Арутюновой [1988; 1999] особое внимание уделяется специфике оценки как реляционного значения и классификации оценок.

Исследованию категории «оценка» в научном тексте посвящена работа М.Б. Воробьёвой [2002]. Автор отмечает, что в научном тексте репрезентируются не только результаты познания, но и их оценка, поскольку процесс познания, результатом которого и является создание научного произведения, тесно связан с отношением к познаваемому. Кроме того, значимость оценки для познавательного процесса определяется также тем, что формирование

нового знания в науке происходит в процессе оценки предыдущего. Как подчёркивает Н.В. Данилевская [2010], новое научное знание возникает в результате оценки старого, благодаря соотнесению предлагаемой новой теории с существующими научными концепциями, выявления связи между ними.

По мнению П. Ноуэлла-Смита [1985], посредством оценочных высказываний осуществляется апробация знаний, оценочные суждения основаны на выборе, то есть предпочтении одного из двух противоположных положений (выводов, результатов).

Приведённые выше общие характеристики оценки, а также оценочные значения в применении к конкретным типам дискурса в различных сферах общения получают специфическую реализацию. Так, особенности репрезентации оценки в научном дискурсе обусловлены в первую очередь целеустановкой научной коммуникации, а именно, её нацеленностью на изменение научной картины мира, увеличение знаний путём выведения нового знания, его апробации и доведения до научной общественности. То есть оценка обусловлена стремлением участников научной коммуникации представить своё видение проблемы, которое может совпадать/не совпадать с видением других участников. В конечном счёте, оценка в научном дискурсе направлена на определение степени ценности научных идей (гипотез, теорий) с точки зрения их достоверности, актуальности, важности, значимости для познания.

Поэтому особый интерес для целеустановки настоящей квалификационной работы представляет проблема специфики объективации оценки в научном дискурсе. Является ли оценочное значение коннотативным значением, как считают многие лингвисты, или в применении к научному дискурсу оценка приобретает иной статус?

В существующих лексикографических источниках [ЛЭС 1990; БРЭС 2012; БТСРЯ 2001 и др.] термин «коннотация» определяется то как компонент значения, который дополняет основное содержание языковой единицы, то как добавочное сопутствующее смысловое приращение, то как дополнительное значение.

Однако, по нашему мнению, оценка может рассматриваться как добавочное к денотативному и сигнификативному значению в структуре такой языковой единицы, как слово, основной функцией которого является номинация. Научная деятельность как процесс и его результат — научный дискурс — имеют несколько иные цели, а именно: выведение нового знания на основе критического отношения к предшествующему; апробация нового знания; создание у адресата дискурса определённого взгляда об обсуждаемой проблеме и др. То есть в научном дискурсе осуществляется как номинация определённой научной ситуации (проблемы), так и её квалификация, что обусловливает выражение оценочного отношения к ней. Мы считаем, что в научном дискурсе оценка является не коннотативным компонентом, а таким же обязательным, функционально обусловленным элементом, как и фактическая информация.

Однако следует признать, что в разных жанрах научного дискурса (собственно научных и оценочных) соотношение фактической (имеющей отношение к миру науки) и оценочной (имеющей отношение к человеку) информации является разным.

Для научного дискурса характерен вполне определённый и ограниченный круг оценочных значений. Специфичен и способ выражения этих значений, определяющийся во многом жанровой принадлежностью произведения: наиболее ярко оценочные элементы представлены в рецензиях или отзывах и других жанрах научной литературы, основная задача которых — дать оценку. Для собственно научных произведений, стилеобразующими свойствами которых признаются логическая строгость, объективность изложения, характерно стремление к использованию оценочных средств, лишённых субъективно-эмоциональной окраски, поскольку, как отмечает Н.М. Разинкина [1978], целью научного дискурса является воздействие не на эмоциональночувственное, а на умственное, логическое восприятие.

В научных произведениях полемической направленности преобладают эксплицитные оценки, носящие в некоторых случаях субъективный, эмоционально-оценочный характер, а в «ядерных» жанрах (термин Е.С. Троянской) —

статьях и монографиях — используются средства, отвечающие нормам и стандартам научного изложения, в соответствии с которыми оценка в научном стиле характеризуется объективностью, рациональностью.

Например: На настоящий момент уже совершенно ясно, что языковая игра не является злокачественным нарушением языковых и речевых норм. Она — результат их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции в определённом эмотивном дискурсе (Шаховский).

Кроме того, на выбор средств выражения оценки в научном стиле значительное влияние оказывает фактор этический. Смягчённое, некатегоричное выражение отрицательной оценки считается нормой научной коммуникации. Возникновение данного стилистического приёма обычно связывают с признанием учёными относительности любой научной истины. «То, что на данном этапе науки может представляться абсолютной истиной, на самом деле оказывается лишь относительной или вовсе не истиной», – пишет Е.С. Троянская [Троянская, 1985: 8]. Учёный считает, что на дальнейшее развитие этого стилистического приёма повлияла традиция.

В силу принятых в учёных кругах норм коммуникативного поведения и традиции избегать категоричные формы выражения отрицательной оценки, в научном общении часто используются специфические способы и приёмы передачи негативной оценки, которые приобретают форму трафаретных высказываний с различными типами субъективно-модальных значений, сопровождающих оценку: сожаление, некатегорическое или смягченное, ослабленное неудовольствие, досада, неодобрение, недоумение, неуверенность в подлинности сообщаемого, его соответствия действительности, например: Диссертант заслуженно часто цитирует А.А. Потебню, но , к сожалению, недостаточно уяснил смысл его продуктивного эвристического метода (Тарланов). В данном примере вначале даётся положительная оценка, которая вместе с модальным словом к сожалению значительно смягчает негативное оценочное суждение.

Всё сказанное выше позволяет заключить, что особенность выражения оценки в научной коммуникации обусловлена специфическими характери-

стиками самой науки и принятыми в данной сфере общения стандартами, оказывающими влияние как на жанровую и стилистическую, так и на содержательно-структурную организацию научного общения, с другой стороны, использование оценочного высказывания зависит от оценивающего. Согласно Н.Д. Арутюновой, именно в этом заключается парадокс оценочного значения [Арутюнова 1988].

2.1.2. Специфика репрезентации согласия/несогласия дискурсивной категорией интертекстуальности

Научная деятельность — это не только выработка нового знания, но и его представление в определённым образом оформленных текстах, в которых большую роль играет опора на предыдущее знание. Выведению нового знания обычно предшествует диалог в широком смысле с дискурсом других учёных, в ходе которого проводится критический анализ концепций, теорий и положений по исследуемой проблеме и выражение к ним позитивного или негативного отношения. По мнению Н.В. Данилевской [2010], только в результате оценки «старого» знания и его соотнесения с предлагаемыми научными теориями возникает новое знание, которое может считаться подлинно научным. Основываясь на накопленном в данной области знании, на основе критического его осмысления, согласия или несогласия с ним, автор научного дискурса строит свою научную теорию.

Всё вышесказанное даёт основание полагать, что межтекстовые связи, то есть интертекстуальность выступает как важнейший текстообразующий принцип научной коммуникации, как один из основных способов экспликации согласия/несогласия в научном дискурсе.

Понятие «интертекстуальность» исследуется в разных областях знания: в семиотике, психологии, литературоведении, языкознании и др. Первоначально это понятие использовалось в литературоведении для интерпретации художественных текстов [см., напр.: М.М. Бахтин; Р. Барт; Ж. Деррида; Ж. Женнет; Ю. Кристева и др.]. Так, по мнению Р. Барта [1973] и Ю. Кристе-

вой [2004], любой текст является интертекстом, так как он состоит из различных цитат, относящихся к другим текстам, которые по-разному распределяются в текстовом пространстве. По мнению Н. Пьеге-Гро [2008], в любом тексте можно проследить «следы» других текстов.

Работы, посвящённые интертекстуальности в языкознании, появились позже. В лингвистических исследованиях понятие «интертекстуальность» трактуется как проблема межтекстовой связи, проблема, в рамках которой репрезентируется установка автора дискурса на диалог с другими лингвистами, то есть это связь в различных ракурсах (формальном, содержательном, стилистическом, жанровом и др.) одного текста с другими текстами [см., напр.: Арутюнова, 1999; Кожина, 1986; Михайлова, 1999; Москвин, 2011; Скрипак, 2008; Фатеева, 2012 и др.].

Интертекстуальность имеет свои особенности реализации в научном тексте.

Во-первых, в отличие, например, от художественного текста, интертекстуальность как отражение преемственности в развитии знания носит в научном дискурсе маркированный, эксплицитный характер (например, цитаты, ссылки и т.д.). Во-вторых, исследователи отмечают, что если на содержательном уровне межтекстовое взаимодействие в рамках данного стиля проявляется достаточно широко, то выбор формальных средств выражения этой связи в научном стиле ограничен. Перечисленные особенности проявления интертекстуальности детерминированы прежде всего коммуникативнопрагматической спецификой научного стиля.

К маркерам интертекстуальности в научном стиле относятся цитаты, ссылки, сноски, косвенная речь. Связывая данный текст с предшествующими исследованиями, эксплицитные маркеры интертекстуальности используются для соотнесения дискурса автора с уже существующими работами и указывают либо на теоретические предпочтения исследователя — в этом случае старое знание, принимаемое автором как верное, может служить аргументом в системе доказательств, либо в случае отрицательной оценки используется в

качестве контраргумента при проведении собственно авторского исследования. Ссылки и сноски дают оценочную характеристику старому знанию относительно формируемого автором нового. Как отмечает Н.М. Разинкина [1986], являясь всегда выражением оценки, эти маркеры создают своеобразную диалогичность научного дискурса, выступающую либо как диалогдискуссия, либо как диалог-согласие/несогласие.

Таким образом, категорией интертекстуальности эксплицитно или имплицитно выражается позитивное или негативное отношение автора к исследованиям своих предшественников. Поэтому, на наш взгляд, именно данная категория выступает в научном дискурсе как один из основных способов выражения согласия/несогласия.

Маркеры интертекстуальной связи используются в научном тексте для выполнения целого ряда важных для данного дискурса функций.

Так, М.П. Котюрова, отмечая необходимость интертекстуальных связей в научном дискурсе, выделяет следующие функции объективации предшествующего знания в познавательном процессе: 1) критический анализ содержания предшествующего знания для формирования нового; 2) актуализация нелогичности, противоречивости или недостаточности старого знания и на этой основе обоснование важности авторской постановки проблемы; 3) разбор применяемых предшественниками методов анализа эмпирического материала с целью выбора наиболее приемлемой методологии; 4) объективация своей концепции и своих результатов на основе сравнения с выводами и достижениями предшественников; 5) манифестация своей принадлежности к определённому научному направлению, ссылка на существующие в данной области знания авторитетные мнения для подтверждения нового подхода и обоснования своей концепции [Котюрова, 1988]. Кроме того, М.П. Котюрова подчёркивает, что использование маркеров интертекстуальности для выражения связи собственных выводов с результатами предшественников и тем самым актуализация преемственности в развитии научных идей говорит о соблюдении автором этических норм в науке.

Рассмотрим функции интертекстуальных связей в научном дискурсе.

Исследователями предлагаются разные классификации функций интертекстуальности в научном стиле [М.П. Котюрова, В.Е. Чернявская, Е.В. Михайлова и др.].

По мнению Е.В. Михайловой [1999], в научном дискурсе выделяются четыре основные функции интертекстуальных связей: референционная, оценочная, этикетная и декоративная.

І. Референционную функцию автор связывает с единицами интертекстуальной связи, содержащими отсылку к ранее созданным научным произведениям, так или иначе связанным с авторским текстом и необходимым для более полного его понимания. Подобного рода межтекстовые связи, отсылая к фундаментальным работам в данной области, помогают создать основу для построения авторской концепции и решения научной проблемы.

Референционная функция межтекстовых связей реализуется в следующих формах: а) информативная, б) экспланативная и в) апеллятивная. Информативные интертекстуальные маркеры связывают данный текст с другим и, отсылая к указанному в ссылке тексту-источнику, способствуют нахождению интересующих автора сведений в научных публикациях.

Референционная функция интертекстуальных маркеров связана с максимальным сжатием информации, поскольку для адекватного понимания научного текста важно и необходимо знание предыдущих источников, в которых содержится интересующий автора материал.

В научном дискурсе межтекстовые связи оформляются в виде сносок или ссылок. Сноски выступают в виде различных справок или примечаний к тексту. Обычно сноски помещаются в нижней части страницы текста (так называемые подстрочные сноски) или в конце текста под порядковым номером. Например, посредством нижеприведённой сноски автор вводит в научный дискурс сведения, которые дополняют данные, имеющиеся по изучаемому объекту:

Интересно в связи с автоинтертекстуальностью рассмотреть гипотезу Д.М. Бетеа и С. Давыдова [1981] о метапоэтической игре в «Гробовщике»

Пушкина, которую упоминает в своей книге В. Шмид [1998, 41]. Согласно версии американских учёных, переезжающий в новый дом гробовщик А. П[рохоров] отождествляется с поэтом А. П[ушкиным].

Функция таких средств интертекстуальной связи — информационная, поскольку, благодаря подобной сноске, адресат текста имеет возможность получить дополнительные сведения по исследуемому вопросу, на основе которых может изложить своё понимание проблемы или построить собственную концепцию.

Межтекстовые связи могут использоваться и для пояснения мысли автора. Применяя их в качестве аргумента для обоснования выдвигаемых положений, автор соглашается с ними. В данном случае реализуется экспланативная форма референционной функции, то есть интертекстуальные связи оформляются в виде внутритекстовых ссылок. Так, например, в своей работе «Интертекст в мире текстов» Н.А. Фатеева [2007, 14] для доказательства того, что интертекст способствует усилению игрового начала, приводит следующую внутритекстовую ссылку: «Текст в тексте, – пишет Ю.М. Лотман, – это специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности делается выявленным фактором авторского построения. Такое построение обостряет момент игры в тексте; с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчёркивается его игровой характер».

Референционная функция межтекстовых связей может реализоваться и в апеллятивной форме, когда автор научной работы использует теории или отдельные положения других учёных как основу для своего исследования. Как правило, в качестве таких источников заимствования выступают работы известных учёных или признанные в определённой научной сфере общения концепции. Так, например, в области лингвистики очень часты ссылки на работы В.В. Виноградова, что, безусловно, является доказательством того, что авторы, ссылающиеся на его работы, согласны с тем или иным положением учёного.

II. Оценочная функция межтекстовых связей имеет непосредственное отношение к выражению положительного или отрицательного отношения к заимствуемому фрагменту, то есть согласие с ним или несогласие. Данная функция — это одна из форм реализации такого важного свойства научного текста, как полемическая направленность. Благодаря этому свойству научного дискурса во многом реализуется эволюция научной мысли. В полемике оценочная функция интертекстуальных связей проявляется в том, что, ссылаясь на определённый фрагмент другого текста, автор выражает своё положительное или отрицательное отношение к нему.

В научном дискурсе выделяются следующие разновидности оценочной функции интертекстуальных связей:

1. Критическая разновидность оценочной функции получает реализацию посредством выражения своего несогласия с заимствуемым текстом путём использования эксплицитных языковых средств. В функции критической оценки чаще выступают внутритекстовые цитаты, реже в этой функции выступают ссылки.

Так, например, Р.А. Будагов следующим образом выражает своё несогласие с учёными, которые видят бессилие лингвистики в попытке объяснить языковые явления со ссылкой на социальные факторы: При такой, на мой взгляд, глубоко ошибочной постановке вопроса становится совершенно неясно, что же такое общественная природа языка (Будагов).

2. Эмпатическая разновидность оценочной функции межтекстовых связей также получает эксплицитную реализацию посредством выражения автором своего согласия с цитируемыми положениями другого текста, то есть своей положительной их оценки. При этом оценка может быть как прямой, так и косвенной. Эмпатическая оценка в научном дискурсе преимущественно выражается оценочными дескрипциями, общеоценочными и частнооценочными словами, чаще прилагательными (полными и краткими), существительными, причастиями, наречиями, включающими в себя оценочный компонент значения, правильно, неправильно, не вполне очевидно, (не) пра-

вомерно, мистическое отношение, ошибочный, соссюрианство, недостатки, недочёты, разумный подход и под.

Например: Прав В.О. Винокур: «Язык со своими прямыми значениями в поэтическом употреблении как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла» (Солганик).

III. Интертекстуальные связи в научном дискурсе достаточно регулярно выражаются посредством ссылки на авторитет. В этом проявляется этикетная разновидность оценочной функции. Е.В. Михайлова считает использование ссылки на авторитетные источники показателем преемственности и этики в науке, а также своеобразным интеллектуальным долгом учёных перед своими предшественниками. Автор обращает внимание на то, что значительное количество цитат в научных публикациях представляют собой ссылки на работы одних и тех же учёных, которые в рамках определённой области знания пользуются большим авторитетом.

По стандартам научной коммуникации ссылки на труды известных в данной области науки учёных необходимы, потому что автор любой научной публикации стремится подчеркнуть связь своего исследования с другими, находящимися в русле развития данной области знания. Кроме того, любому автору небезразлично отношение читателя к его работе. Приёмом использования этикетной разновидности оценочной функции интертекстуальных связей автор добивается усиления воздействующей силы своей публикации.

В рамках целевой направленности нашего исследования важно подчеркнуть, что использование ссылки на авторитет является имплицитным выражением согласия с теми положениями, которые даны в источнике ссылки.

IV. И наконец, декоративная функция интертекстуальных связей, сущность которой заключается в выборе и применении различных языковых единиц, наиболее ярко представляющих смысл передаваемой информации и оказывающих сильное эмоциональное воздействие на адресата. По мнению Е.В. Михайловой, декоративную функцию выполняют яркие цитаты, определения, примеры из работ известных в данной области знания учёных, кото-

рые часто используются в последующих публикациях [Михайлова, 1999]. Следует отметить, что в декоративной функции чаще выступают цитаты.

Согласно Е.В. Михайловой, выделяются две разновидности декоративной функции интертекстуальных связей:

1. В иллюстративной функции интертекстуальных связей в научном дискурсе обычно выступают интересные, броские, повторяющиеся цитаты. Эпиграфы, взятые из разных источников, относящихся к другим областям знания, также могут выполнять иллюстративную функцию в научном дискурсе.

Например: Юпитер, ты берешься за молнию вместо ответа, — значит, ты не прав. Прометей (эпиграф к одной из глав) [Мизиев, 1990: 97].2. Репрезентативная функция, отличие которой от иллюстративной разновидности декоративной функции состоит в том, что цитаты, определения заимствованы из работ, относящихся к той же или смежной области знания. Как отмечает Е.В. Михайлова, такие удачно найденные в работах предшественников и приведённые в тексте цитаты дают возможность автору научного дискурса представить передаваемую информацию в максимально сжатой форме. Кроме того, эти цитаты выступают как средства непрямого выражения согласия.

В качестве примера можно привести часто приводимую в научных публикациях цитату: *Дискурс* — это речь, «погруженная в жизнь» (См.: Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Н.Д. Арутюнова — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 378-392). Использование данного компактного определения дискурса в тексте, вопервых, освобождает автора от подробных, детальных объяснений данного понятия, во-вторых, позволяет выразить в имплицитной форме согласие с автором данного определения.

Представляется важным уточнить, что существенной особенностью межтекстовых связей в научном дискурсе является возможность выполнения ими одновременно нескольких функций из перечисленных выше. Так, оценочная характеристика, позволяющая рассматривать интертекстуальные связи в качестве основного способа экспликации согласия/несогласия в научных

монографиях, так или иначе содержится практически в любой отсылке к старому знанию, поскольку, как отмечает Н.М. Разинкина [2006], ссылкой выражается позитивное или негативное отношение к содержанию, передаваемому в цитате, или его оценка. Эксплицитность или имплицитность выражения этой оценки, на наш взгляд, зависит от выполняемых ею функций.

Таким образом, интертекстуальность, как связь отдельного текста с массивом текстов по различным жанровым, структурно-содержательным и др. признакам, реализует в научном дискурсе межтекстовое взаимодействие. Как отмечают составители «Стилистического энциклопедического словаря» (СЭС) [2006], любой научный текст представляет собой определённый этап в развитии научного знания, поскольку эмпирически и хронологически связан с другими текстами и выступает в качестве микротекста в мире научных текстов.

2.1.3. Имплицитное выражение согласия/несогласия дискурсивной категорией диалогичности

Приведённые в предыдущем параграфе характеристики интертекстуальности позволяют соотнести её с другой дискурсивной категорией — диалогичностью. Как категория интертекстуальности, так и категория диалогичности в научном дискурсе создают «полифонизм» текста, то есть возможность интеграции в авторском тексте конструкций, относящихся к дискурсам других. Ещё М.М. Бахтин [1979], говоря о диалоге текстов, отмечал, что текст получает жизнь только в мире других текстов, соприкасаясь с ними. По мнению Л.В. Щербы [1974], подлинная сущность языка находит выражение в диалоге.

Рассматриваемое в данной работе понятие «диалогичность» по семантическому объёму шире, чем понятие «диалог». Диалогичность мы понимаем как дискурсивную категорию, выражающую направленность текста на адресата и способ взаимодействия участников научного диалога. Диалогичность, на наш взгляд, является конститутивной характеристикой научной коммуникации как познавательной деятельности.

В лингвистических исследованиях, посвящённых диалогичности, не всегда чётко проводится граница между категориями диалогичности и интертекстуальности [см., напр.: Арутюнова, 2009; Дускаева, 2004; Кожина, 1986; Фатеева, 2012 и др.]. Для нас также не является существенным разграничение данных категорий, напротив, мы актуализируем их соотносительность и характеризуем их как дискурсивные, общетекстовые категории. Близость данных категорий детерминируется тем, что любой текст прямо или косвенно отражает взаимоотношения автора и адресата, поэтому данные категории объединяет наличие фактора адресата или наличие «Другого» [Отье-Ревю, 1999]. Фактор адресата, в свою очередь, актуализирует проблему диалогичности текста.

Направленность текста на адресата (Другого) может быть выражена разными способами, например, внутритекстовыми языковыми единицами, относящимися к различным уровням языка. Маркерами диалогичности в данном случае выступают местоимения второго лица, обращения, различные типы вводных, вопросно-ответных и побудительных конструкций, а также конструкций с косвенной речью, то есть языковые единицы, репрезентирующие адресата: конкретного учёного, представителя определённого научного направления или школы, либо коллективного адресата – носителя сходной или противоположной авторскому позиции. Это, например, конструкции типа: У автора мы находим иное понимание субъективности, которые уже предполагают оценочное отношение к высказываемому: Согласно Ф. де Соссюру, синхрония имеет преимущества перед диахронией; Представители **младограмматизма** в языкознании **считали** язык индивидуально-психологическим явлением; Вслед за ведущими отечественными и зарубежными учёными мы исходим из понимания текста...; Видно, какое содержание вкла**дывается** в данное понятие и под.

Однако для письменного научного дискурса более характерным является другой способ представления адресата. Адресат или Другой выступает в дискурсе как созданный в воображении автора участник мысленного диалога. В письменном монологическом научном дискурсе эксплицитные маркеры

адресата чаще всего не репрезентированы, однако текст реализуется как мысленная дискуссия с Другим: **Это означает**, например, что очевидные различия между научным и научно-популярным текстом определяются уже на поверхностном уровне текста... (Чернявская).

Представляется существенным акцентировать то, что категории интертекстуальности и диалогичности на смысловом уровне различными векторами связаны с другими текстами, тогда как формальный уровень выражения этой связи в научном дискурсе не отличается разнообразием языкового выражения. К числу таких маркеров диалогичности, принятых текстом-реципиентом от текста-донора, прежде всего, является цитация.

Важно подчеркнуть, что именно диалогичность и определяющий её фактор адресата делают возможным репрезентацию в дискурсе оценочного, позитивного или негативного, отношения к научной продукции Другого как носителя иной точки зрения, согласия или несогласия с ним. «Чужой» текст для выражения согласия/несогласия используется в дискурсе в виде различных по функции цитат.

- 1. Цитата используется в качестве аргумента для доказательства определённого положения дискурса или позиции автора. Такая цитата выступает как косвенный способ выражения согласия и чаще всего вводится в текст конструкциями типа: *Такого же мнения придерживается*...Далее в кавычках идёт цитата.
- 2. Цитата в научном дискурсе приводится в качестве дополняющего и уточняющего элемента в тексте-реципиенте либо для наиболее наглядной и точной характеристики исследуемой проблемы. Так, использование в новом тексте дефиниции концепта как *сгустка культуры в сознании человека* (Ю.С. Степанов) можно рассматривать как наиболее компактный способ выражения согласия с определением данного понятия.
- 3. Цитатой автор нового текста может передать свою точку зрения, совпадающую с позицией автора цитаты.

Во всех приведённых случаях цитата интегрируется в новое текстовое пространство, графически выделяется в нём и выполняет оценочную функцию и, выражая совместимость с позицией автора нового текста, выступает имплицитным способом репрезентации согласия.

2.2. Особенности репрезентации согласия/несогласия в ядерных жанрах научного дискурса

В соответствии с целевой направленностью диссертационной работы, данный параграф посвящён выявлению специфики объективации категории согласия/несогласия в ядерных жанрах научного дискурса — монографии и статье — и определению того, как проявляются охарактеризованные выше дискурсивные категории оценочности, интертекстуальности и диалогичности в данных жанрах. Выбирая в качестве материала исследования научную монографию и статью, мы опирались на мнение многих отечественных исследователей, относящих их к основным жанрам научного стиля [Р.С. Аликаев; Е.А. Баженова; Е.И. Варгина; С. Гайда; Н.В. Данилевская; М.П. Котюрова; О.Д. Митрофанова; В.Л. Наер; Н.М. Разинкина; Е.С. Троянская и др.].

По мнению Р.С. Аликаева [1999, 2010], монография и статья представляют жанрово-стилистический архетип научной речи, при этом монография в структурном и коммуникативном отношении является наиболее сложным, а статья — наиболее частотным жанром академического и технического подстилей.

Выступая в качестве ядерного жанра научного стиля [см., напр.: Троянская, 1982; 1985], монография как фундаментальное теоретическое исследование отражает прагматические и лингвистические характеристики научного стиля в полной мере. Как монография, так и статья отличаются строгостью соблюдения характерных особенностей научного академического стиля.

В предыдущей главе работы приведена семантическая парадигма категории согласия, представленная данными лексикографических источников.

Какие единицы из приведённой семантической парадигмы данной категории используются в жанрах монографии и статьи?

Анализ текстового материала свидетельствует о том, что такие компоненты семантической парадигмы категории согласия/несогласия, как единомыслие и общность точек зрения наиболее характерны для выражения согласия в смысловой структуре как научного дискурса в целом, так и в жанрах монографии и статьи. Эти компоненты обусловлены диалогичностью научного дискурса. А цитата в новом тексте используется автором для выражения близости или совпадения своей позиции с позицией Другого.

Тексты (в данном случае научная монография или статья) создаются, по словам М.М. Бахтина [1979], на основе взаимодействия двух сознаний. С одной стороны, это автор нового дискурса, целью которого является представление своей концепции и стремление достичь её признания, с другой — предполагаемый адресат как предшественник, либо научное сообщество, с которым автор монографии или статьи вступает в диалог. То есть в науке постоянно идёт борьба за утверждение своих взглядов и опровержение подхода других посредством обоснованной и убедительной аргументации.

Диалогичность в научном дискурсе может получать различные способы экспликации. Для данной работы важна актуализация того, что данная категория в разных формах и жанрах научного дискурса выступает как один из способов выражения отношения автора к рассматриваемой проблеме, которое может совпадать или не совпадать с приводимой в тексте позицией.

Таким образом, как единомыслие, так и разногласие детерминируются оценочным отношением автора дискурса к позиции Другого.

В одной из предыдущих работ мы писали о том, что в научном дискурсе разработка нового научного знания осуществляется на основе широкого диалога с предшествующим знанием путём критического переосмысления полученных результатов и их сравнения с выводами и заключениями других. Критическое переосмысление автором дискурса выводов и положений предшественников может послужить либо основой их признания и использования

в целях аргументации собственных выводов или источника для последующих работ, либо отрицания, опровержения.

Таким образом, в результате диалога, реализуемого в монографиях и статьях в виде полемики, дискуссии, выявляются единомыслие и отсутствие согласия как определённые позиции, представляющие авторское положительное и отрицательное отношение, лежащее в основе категории согласие/несогласие. Этим отношением определяется присутствие в любом жанре научного дискурса, в том числе монографии и статье, различных маркеров выражения согласия и несогласия. Эти маркеры в разной степени эксплицитно или имплицитно представлены в тексте монографий и статей, а также поразному локализованы в их композиции.

Структурно-смысловая и языковая организация жанров научной монографии и статьи подчинены основной цели науки — выработке нового знания, доказательству выдвигаемых автором положений. Естественно, отбор и использование в различных композиционных блоках монографии и статьи средств выражения согласия/несогласия также зависит от основной коммуникативной цели. Автор монографии или статьи для аргументации своего положения или мнения так или иначе должен выразить критическое отношение к предшествующему знанию как соответствующему или несоответствующему действительности, давать этому знанию оценку либо присоединиться к выводам предшественников, подтверждая собственными положениями. Такое отношение непосредственно связано с категорией согласия/несогласия, которое, на наш взгляд, выступает конститутивным компонентом научного дискурса, детерминированным его спецификой.

2.2.1. Основные способы выражения согласия в научной монографии и статье

Анализ текстового материала, представленного в монографиях и статьях по гуманитарным областям знания (см.: Источники эмпирического материала), показал, что в семантической структуре текста категория согласия репрезентирована не речевыми актами согласия/несогласия, наиболее репре-

зентативными средствами экспликации данной категории в языке, а распределёнными в тексте научной монографии и статьи различными способами эксплицитно-имплицитной объективации данной категории, представляющими собой языковые единицы выражения отношения: оценки, суждения, утверждения, трактовки, а также мнения, высказываемых авторами в качестве манифестации своей позиции.

Согласие в текстовом пространстве монографии и статьи чаще эксплицируется не прямо, а косвенно, имплицитно, то есть различными типами скрытых смыслов. Например, В.Е. Чернявская [2009], критически анализируя существующие в лингвистике мнения о статусе текста, выражает своё отношение к текстоцентрическому принципу в лингвистике не путём использования конструкций прямого утверждения, а отмечает, что сложилась определённая ситуация, и для подтверждения личного отношения к этой ситуации приводит слова Г.В. Степанова [1984] о том, что лингвистика стала служанкой текста.

Перед нами речевой акт утверждения, который логично должен был бы соотноситься с согласием. Однако в данном речевом акте имплицитно содержится скрытый смысл, который сводится к признанию того, что текстоцентрический принцип в языкознании выступает уже не таким незыблемым. В приведённом примере нет однозначного соответствия плана выражения и плана содержания. То есть скрытый смысл несогласия выводится из содержания всего высказывания. В этой связи следует отметить справедливость мнения учёных, которые считают, что семантическая структура высказывания содержит гораздо больший объём информации, чем это представлено в его формальной структуре [см. напр.: Звегинцев, 1976].

С одной стороны, ядерные жанры научного дискурса — монография и статья — нацелены как на продуцирование нового знания, с другой — на его распространение путём представления различных мнений и концепций, а также на основе их сравнения с предшествующими теориями. В таком контексте рассмотрения монографий и статей актуализируется проблема специфики экс-

пликации согласия в масштабе научного знания в целом и в плане объективации данной категории в рамках отдельного научного жанра в частности.

В ходе нашего исследования выявлено, что позитивное или негативное отношение к глобальным направлениям, концепциям и теориям в науке в целом выражается эксплицитно. Так, например, Г. Шухардт, критикуя младограмматизм как направление, говорит: основное положение младограмматизма о соотношении психического и физиологического уровней в бытовании языка не выдерживает никакой критики (Шухардт). Или, говоря о модели литературы Ю.М. Лотмана, Д.М. Соболев отмечает: представление о литературе «как языке» — сколь бы привлекательной она ни выглядела, является ложной (Соболев).

Что же касается текстов монографий и статей, то принятие или непринятие отдельного положения, тезиса чаще находит в них имплицитное выражение в соответствии с принятыми в рамках данного жанра нормами. Иными словами, более характерными для дискурса монографии и статьи являются скрытые способы выражения согласия.

Текст научной монографии в силу её большего объёма представляет широкий простор для различных способов выражения согласия.

Принимая за основу приведённую выше классификацию разновидностей оценочных функций интертекстуальных связей, представленную в работе Е.В. Михайловой [1999], рассмотрим на конкретных примерах, как осуществляется экспликация согласия в таких жанрах научного дискурса, как монография и статья.

Нет сомнения, что категория согласия концептуально и ассоциативно связана с человеком, в данном случае – с автором монографии или статьи. Согласно Дж.Дж. Гергокаевой [2008], говорящий в создаваемом им дискурсе не только предлагает научной общественности новое знание, но и выражает отношение к мнению других учёных, представляет своё видение решения проблемы. Поэтому в монографиях и статьях реализуется такая дискурсивная категория, как диалогичность. Это не обычный диалог, хотя в научных

монографиях и статьях встречаются диалогичные высказывания, особенно в тех коммуникативных блоках, где представлены полемические суждения и даётся оценка предшествующему знанию. Это диалогичность «на расстоянии», которая проявляется как в полемике с другими исследователями, так и в размышлениях автора по интерпретации различных мнений. То есть, диалогичность чаще выступает как мысленная полемика с предполагаемым адресатом, с его подходом, мнением, суждением.

В рассматриваемых нами жанрах, основной целью которых является изменение научной картины мира предполагаемого коллективного адресата, автор представляет свой подход к решению научной проблемы, свои способы аргументации.

Следует однако отметить, что научное знание не строится на «обломках». В науке чаще осуществляется не отрицание предшествующего знания, а его переосмысление, то есть для науки характерна преемственность. Поэтому категория согласия в дискурсе, в котором воспроизводится новое знание, получает специфические способы эксплицитной и имплицитной реализации.

1. Принятие предыдущего знания является одним из способов имплицитного выражения согласия. Отсылая нас к текстам, содержащим сведения по данной проблеме и актуальным для формирования авторской концепции, реализуя такую дискурсивную категорию, как интертекстуальность, автор выстраивает своего рода базу и, опираясь на нее, осуществляет решение проблемы.

Эксплицитными языковыми средствами выражения согласия выступают такие дескрипции, как: следует признать; невозможно не выразить солидарность; трудно возразить; сложно спорить; позиция автора верна и др. Использование в дискурсе подобных единиц способствует актуализации преемственности в развитии нового знания.

Например, такая дескрипция, как *нельзя не согласиться с автором*, уже предполагает согласие с положениями автора, допускает их правильность, делает возможным присоединение к данной трактовке проблемы, опору на неё при проведении дальнейшего исследования.

2. Следующим способом выражения согласия с предыдущим знанием является его положительная характеристика и признание научной ценности. С позиции автора научного дискурса оценка выражает его отношение к объектам научной деятельности, которое эксплицируется предикатами принимать/не принимать; соглашаться/не соглашаться. Продукты научной деятельности (гипотезы, концепции, теории, идеи и т.п.) оцениваются автором с точки зрения их достоверности, актуальности, аргументированности, известности, правильности, важности и значимости для познавательного процесса. При положительной оценке продуктов научной деятельности используются такие оценочные дескрипции, как доставляется уместным; весьма плодотворно, целесообразно, которые входят в идеографическое поле категории «согласие».

Проведённый анализ показал, что основными средствами выражения согласия в научной монографии и статье выступают оценочные дескрипции. Это не речевые акты согласия, а языковые единицы, использование которых даёт возможность автору выразить позитивное отношение к позиции предшественников, оппонентов. В такие дескрипции оценка входит как структурный и семантический компонент: Как справедливо отмечает автор монографии...; представляется целесообразным подход; очень ёмким представляется высказывание; вполне оправдана трактовка; данное положение обладает большим объяснительным потенциалом и под.

Итак, согласие в монографиях и статьях может выражаться через оценку:

- а) содержания сообщаемого: ...элементы микропарадигмы «печаль» активны, зримы, более деятельны, чем соответствующие элементы немецкой парадигмы Trauer» (Красавский);
- б) аргументированности выводов: *В наблюдениях И.Р. Гальперина* очень точно схвачена способность единиц ... порождать смыслы... (Борботько);
- в) точности излагаемого материала: *считаем релевантной проблему*; представляется **правомерным** и др.

Приведенные выше примеры хотя и не содержат языковых единиц прямого согласия, но выражают инвариантное значение данной категории косвенно, посредством оценочных предикатов, использование которых в данной функции является ярко выраженным признаком научной коммуникации.

Подводя итоги по вопросу о репрезентации согласия с предыдущим знанием, можно заключить, что данная категория в монографии и статье находит выражение в различных типах единиц с аксиологическим значением, таких, как оценочные слова и выражения, которые служат для определения роли продуктов научной деятельности предшествующего научного сообщества (напр., тезисы, положения, теории и концепции как отдельного учёного, так и школы или целого направления) с позиции их соотношения с принятыми автором дискурса теоретическими установками.

С нашей точки зрения, любые типы языковых единиц с аксиологическим значением, в данном случае, со значением положительной оценки, являются косвенными репрезентантами категории согласия в тексте монографии и статьи.

Анализ данных жанров научного дискурса показал, что из различных типов частнооценочных значений, выделяемых Е.М. Вольф [2006], в монографиях и статьях превалирует рациональная оценка, что обусловлено базовыми особенностями научной деятельности, основанной на разуме, на рациональном подходе к построению научных гипотез, концепций и теорий, то есть к любому виду научной деятельности, связанной с выработкой нового знания. Кроме того, доминирование здесь рациональной оценки, по мнению Е.М. Вольф [1989], связано с тем, что она рассчитана на согласие или несогласие с предшествующим знанием.

Что же касается эмоциональной оценки, то степень частотности языковых единиц с данным значением в дискурсе монографии и статьи невысока, что, на наш взгляд, обусловлено индивидуальным, чаще ситуативным характером эмоциональной оценки.

Однако отсутствие в дискурсе эксплицитно представленных средств выражения согласия восполняется широким использованием различных ти-

пов модальных единиц, объективирующих в текстовом пространстве отношение автора дискурса к содержанию старого знания, его аксиологическую цель. Именно эти средства текстовой модальности выступают, по мнению А.И. Геляевой и Дж.Дж. Хучинаевой [Геляева, Хучинаева, 2012], скрытым способом выражения согласия.

При этом согласие имплицитно выражается средствами ирреальной модальности со значениями уверенности, возможности, предположительности: Возможно, это утверждение и дискуссионно ... (Красавский); Думается, что в хорошо известном лингвистической общественности афоризме, приписываемом великому немецкому философу Л. Витгенштейну, «научитесь правильно определять значения слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений» нет ни следа гиперболы (Красавский).

Выражение согласия в тексте представлено также оценочными дескрипциями типа далеко не обязательно, не совсем правомерно, вполне оправданными, очень точно, ... синергетика становится магистральной линией; ... исследование говорит в пользу того; представители данного направления вполне справедливо настаивают и под.

«Язык согласия» в научных монографиях и статьях, как подтверждают приведённые примеры, отличается такими качествами, как тактичность, деликатность. Для достижения этого в дискурсе используются языковые единицы со значением допущения, полагания, то есть такие средства, например, некатегоричные формы утверждения, которые способствуют коммуникативному взаимодействию, сближению позиций, например: Поэтому позиция Дж. Серля, ... представляется гораздо более гибкой (Васильева); можно указать на положительную роль данных трактовок; представляются наиболее подходящими ...; для лингвистики важнее использовать эту возможность...; эмпирически корректными представляются и под.

Таким образом, в дискурсе монографии и статьи, оценка, выступая доминирующим способом выражения положительного отношения автора к содержанию позиции предполагаемого оппонента, определяет согласие. В данном слу-

чае категория согласия объективируется посредством смысла-импликатуры, в качестве которого выступает оценка как основной способ выражения согласия.

Положительная оценка предшествующего знания, то есть согласие с ним, объективируется различными типами устойчивых сочетаний. При этом выбор языковых единиц выражения авторской положительной оценки детерминирован стандартами научной коммуникации.

К числу часто используемых языковых средств выражения положительной оценки в научных монографиях и статьях относятся предикаты, выраженные глаголами, прилагательными, причастиями и существительными, например: определённый шаг вперёд в решении проблемы дискурса; может служить убедительным доказательством; несомненна важность прагматических признаков; отмечена ценность такого описания; допустимо представить и такое понимание; наиболее полными и влиятельными оказываются концепции и под.

Наречия же в большей степени используются для выражения неопровержимости концепции автора дискурса в целом или отдельных его положений, усиления авторской положительной оценки. В качестве таких интенсификаторов выступают, например, наречия достаточно, в полной мере, прешмущественно, всесторонне, совершенно, исключительно, крайне, в высшей степени, слишком, наиболее, главным образом, специфически, особо, оригинально, отнюдь и под.

Выявлено, что авторы монографий и статей избирательно относятся к использованию эмоционально-оценочной лексики для выражения положительной оценки. Так, если оценочные предикаты типа интересное исследование, хорошо изветная специалистам работа, фундаментальный труд, оригинальный подход, уникальная в этом плане работа, служит ярким доказательством, любопытный пример, не лишены интереса и подобные являются достаточно частотными в данных жанрах, то такие предикаты, как чудный, сказочный, блестящий, восхитительный не свойственны для монографий и статей, что обусловлено канонами жанра.

Приведённые выше эмоционально-оценочные языковые единицы имплицитно содержат в себе семантический компонент «согласие». По мнению Н.М. Разинкиной [1976], такие единицы постепенно превращаются в трафаретные формы выражения положительной оценки. Использование их в рамках научного дискурса приводит к трансформации их семантики. Они теряют выразительность, характерную для эмоциональной оценки, превращение их в штамп приводит к стиранию эмоционально-экспрессивного элемента значения.

3. Своеобразием отличается и объективация согласия в различных коммуникативных блоках монографии и статьи. Дистрибуция способов выражения согласия в каждом блоке научной монографии и статьи различна.

Так, в таком композиционном блоке монографии, как введение, категория согласия детерминирована необходимостью выражения положительного отношения к работам (концепциям, теориям) предшественников при проведении обзора имеющихся научных источников по разрабатываемой проблеме, поскольку для определения теоретико-методологических основ исследования, для аргументации собственных положений автору необходим критический анализ источников, ссылаясь на данные которых автор строит свою концепцию. При этом предшествующее знание служит определённым базовым уровнем. Соответственно оформляются и ссылки на источники. Например: «Разными авторами модальность определяется как грамматическая, синтаксическая или семантическая категория. Р.А. Будагов, например, говорит о модальности как грамматической категории [9: 294]; Л.С. Ермолаева считает модальность синтаксической категорией, отмечая, что за пределами синтаксической модальности остаются лексические средства [21: 1]. Модальность справедливо рассматривают как семантическую категорию В.В. Виноградов [10: 57], Г.В. Колшанский [47: 97], И.Б. Хлебникова [74: 9], В. Ратей [111: 406], поскольку модальное значение может быть выражено различными языковыми средствами [Зверева, 1983: 17].

Ссылка на предшествующее знание может быть представлена в различных композиционных блоках монографии и статьи. При этом согласие может быть репрезентировано:

- 1) лексемой *согласиться*, инвариантом функционально-семантического поля «согласие»: **Вероятно, нужно согласиться** с автором настоящей статьи;
- 2) лексемами *правильный, прав (а) в* значении «говорить истину»: **Прав был учёный, утверждая,** что...

Критический обзор в монографии может быть расположен в различных композиционных блоках, либо во введении, как было отмечено выше, либо в основной части, предваряя отдельные главы.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что категория согласия в текстах монографий и статей репрезентируется различными видами лингвистических единиц, относящихся к функционально-семантическим полям квалитативности, оценочности, модальности.

4.Положительное отношение автора дискурса к научным результатам своих предшественников далеко не всегда бывает выраженным в тексте, достаточно часто встречается имплицитная положительная оценка. Иногда ссылка автора в своём дискурсе на чужой текст без какой-либо оценки, как отмечает М.П. Котюрова [1988], является одним из способов выражения положительного отношения ссылающегося к содержанию вводимой ссылки.

Так, В.Г. Борботько [2009] вводит в свой дискурс следующую цитату из работы М.М. Бахтина: «...Этот контекст есть диалогический контакт между текстами (высказываниями), а не механический контакт оппозиций, возможный только в пределах одного текста... [1979, 364]. Ссылка на эти слова М.М. Бахтина в данном случае — это признание автором правильности приведённого здесь мнения. То есть согласие как текстовая категория выводится из контекста использования цитаты в дискурсе заимствующего автора.

Согласие в различных композиционных блоках научной монографии, в том числе и во введении, может быть выражено имплицитно. Таким импли-

цитным способом объективации согласия в научном дискурсе очень часто выступают выражения типа: *мы, как и автор статьи, считаем...; вслед за многими учёными* ... *мы считаем; опираясь на данное мнение, можно констатировать...* и под. В этих высказываниях получает языковое выражение не только позитивное отношение автора к упоминаемым в дискурсе работам своих предшественников, но и полное их принятие. Как мы отмечали в одной из предыдущих работ, предваряемая такими высказываниями информация об общности точек зрения служит умозрительно выводимым косвенным выражением согласия [Геляева, Макитова, 2020]. Это смысл-импликатура, которая характеризуется тем, что содержащаяся в глубинной и невыраженная в поверхностной структуре высказывания информация выводится из общего смысла текста путём когнитивных операций [см., напр., Кашичкин, 2003].

Если автор монографии или статьи принимает положения и выводы других учёных, значит, он соглашается с ними. Это так называемая текстовая импликация, которая выводится из содержания текста путём аналитического мышления.

Смыслы-импликатуры особенно характерны для дискурса монографии, который в силу большего, чем у статьи, объёма, обусловливает разнообразие способов их реализации.

5. Компонентный анализ позволяет выявить сему согласия в языковых единицах со значением правильный, истинный, верный, справедливый, которые в структуре речевого акта утверждения могут выступать и как согласие с тем, что было сказано. Это конструкции типа как правильно утверждает автор; правы те исследователи, которые утверждают; как справедливо указывается в исследовании; верно отмечено, что и подобные, хотя и представляют собой речевые акты утверждения, используются автором для аргументации собственных выводов: Калейдоскопический ряд дробных элементов действительности, — справедливо замечает Кв. Кожевникова, — способен поддерживать иллюзию быстрой смены действия, усиливать экспрессивность повествования, а одновременно придавать ему и субъективную тональность.... Приведенное высказывание лишь подтверждает мысль о том,

что, подвергая текст сознательной сегментации, художник слова все же не свободен от проявления бессознательного в оценке отдельных фактов и событий < ... > (Гальперин).

Приведённые мнения — это чужие слова в тексте дискурса, которые вводятся словами автора *подтверждает мысль; справедливо замечает*. Они служат, во-первых, для подтверждения, аргументации мнения или предположения самого автора, во-вторых, являются имплицитным способом выражения согласия, тем более в семантической структуре лексем, входящих в структуру подобных высказываний, присутствуют семы *правильный*, *верный*. Признание автором дискурса правильности данного мнения означает согласие с приводимым мнением.

Исходя из этого, можно констатировать, что любые внетекстовые элементы, вводимые в дискурс в разных целях, косвенно связаны либо с категорией согласия, либо с категорией несогласия.

По мнению Е.В. Михайловой [1999], такие внетекстовые элементы (цитаты, ссылки, комментарии), взятые из авторитетных источников, выполняют в принимающем тексте разные функции: выражают положения и выводы автора, используются для аргументации гипотез, теоретических выкладок, выступают в качестве исходного пункта при проведении собственного научного поиска.

6. Ссылка на авторитет, как правило, в научном дискурсе очень часто используется в целях обоснования авторской установки, его научных выводов, то есть ссылка связана с оценкой продуктов научной деятельности (идей, тезисов, концепций, теорий).

Однако в научных статьях и монографиях часты высказывания, в которых оценивается и субъект — автор монографии, основатель школы, направления и т.п. Как правило, оценочная квалификация субъекта научного знания: автора книги, теории, концепции, гипотезы, основателя научной школы, направления в науке — вводится в дискурс такими оценочными предикатами, как признанный, ведущий, выдающийся, авторитетный, известный, видный, прославленный, знаменитый, читаемый, популярный и под.: Один из веду-

щих теоретиков модальной логики Я. Хинтикка ... (Солганик); **Один из крупнейших отечественных** лингвистов начала XX века Н. Дурново...; **Известный учёный-языковед**... и др.

В приведённых оценочных высказываниях хотя и называются имена признанных учёных, актуализация имени учёного связана с объективацией его заслуг в определённой научной сфере. Поэтому подобные оценочные квалификации служат убедительным доказательством достоверности и истинности соотнесённого с данным учёным и выносимого на научное обсуждение знания.

Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что согласие является одной из категорий дискурса, которая в текстовом пространстве получает различные эксплицитно-имплицитные языковые манифестации. Принадлежность согласия к категориям дискурса обусловлена тем, что наука как область человеческой деятельности не может существовать без учёта достижений предшествующего этапа её развития, без критического анализа её результатов. Без преемственности, то есть без актуализации своего позитивного или негативного отношения к теоретическому наследию прошлого нет подлинного научного знания.

Итак, основными способами скрытого выражения категории согласия в научных статьях и монографиях являются такие дискурсивные категории, как оценочность, интертекстуальность, диалогичность.

2.2.2. Основные способы выражения несогласия в научных монографиях и статьях

В первой главе диссертации, рассматривая анализируемую категорию как функционально-семантическое поле, мы привели семантическую парадигму несогласия, репрезентированную словарными единицами, отдельными лексемами и дескрипциями.

Из приведённой парадигмы данной категории в монографиях и статьях получают реализацию такие вариативные смыслы, как «отсутствие единомыслия», «разногласие», «опровержение», «неприятие мнения», «отрица-

тельная оценка мнения предшественника» и др. Эти компоненты парадигмы, связанные с выражением негативного отношения автора дискурса к предшествующему знанию, в целом представляют определённую позицию. Необходимость реализации данных смыслов в научном дискурсе появляется тогда, когда мнения автора дискурса и его оппонентов расходятся. Различием взглядов, подходов обусловливается такой существенный для научного дискурса признак, как его полемическая направленность, служащая прогрессу науки за счёт убедительной аргументации и утверждения одних взглядов, положений и опровержения других.

Анализ монографий и статей показывает, что для названных жанров дискурса характерно некатегоричное, безапелляционное отрицание. Несогласие с оппонентом, непринятие иной позиции в различных ситуациях общения и в зависимости от факторов субъективного и прагматического характера чаще репрезентируется скрытыми смыслами, смягчающими отрицание: Признание её теоретической значимости не исключает возможности её ... критической интерпретации (Чернявская).

Научный дискурс накладывает ограничения на определённые вербальные способы и средства выражения отрицания, что, на наш взгляд, обусловлено, во-первых, спецификой научной деятельности, основанной на принципах толерантного взаимодействия и сотрудничества, во-вторых, нормами научной коммуникации. В то же время в качестве компенсации этих ограничений в научных текстах представлены различные способы скрытого или косвенного выражения несогласия.

Кроме названных особенностей научного дискурса на многогранность и полифункциональность репрезентации несогласия в рамках статей и монографий влияют характер, цель, направленность текста, его содержательные особенности, в частности, наличие или отсутствие полемичности, совпадение/несовпадение позиций автора дискурса и оппонентов, новизна выдвигаемых научных гипотез, теорий: «Характерная черта когнитивистов — это

явное пренебрежение особенностями отражения мира в языковом сознании человека» [Борботько, 2009: 20–21].

В научном дискурсе выражение как согласия, так и несогласия связано с характеристикой старого знания для актуализации нового.

В отличие от экспликации согласия, несогласие в научном дискурсе заметно выделено и эмоционально маркировано, потому что оно связано с отрицательной оценкой. Автор дискурса использует интертекстуальные связи исключительно для выражения своей негативной позиции в отношении подхода или мнения оппонентов. Достаточно часто поэтому в научном дискурсе несогласие выражается эксплицитно: ... более пристальное сравнение ... показывает, что это далеко не так (Борботько); ... аналогичные утверждения представляются неправомерными (Щербинина); Неверным было бы утверждение, что ... (Борботько); ... было бы заблуждением считать, что (Борботько); ... сопоставление ... позволяет со всей определённостью утверждать неправомерность рассмотрения... (Щербинина); ... термин... нельзя считать универсальным (Щербинина) и др.

В данных примерах несогласие можно рассматривать как один из способов возражения оппоненту, отклонения его мнения или его коррекция. Это оформленные в соответствии с традициями научной коммуникации способы так называемого мягкого отрицания. Мягкое отрицание достигается использованием лексических конкретизаторов типа не совсем, далеко не.

Несогласие в научном дискурсе связано с анализом концепций, положений предшествующего знания, то есть выражением отношения к нему, его оценки, чтобы обосновать новое знание. Критическое суждение о выдвигаемом новом знании — это отличительное свойство научной коммуникации, поскольку, по мнению Е.С. Троянской [1985], любое оценочное высказывание является выводным суждением.

Несогласие в научных статьях и монографиях может быть выражено не только посредством анализа выдвигаемой концепции, но и путём противопоставления двух подходов, позиций, мнений. В результате такого подхода

несогласие детерминировано, а также аргументировано сравнением: ... широкий семиотический подход к тексту прибавляет неоднозначности в проблему... отделения текста от нетекста, ... широкий семиотический смысл ... оборачивается крайностью (Чернявская);

К числу способов репрезентации несогласия в монографиях и статьях относятся интертекстуальные связи, реализующие диалогичность данных жанров.

Обычно интертекстуальные связи как способ экспликации положительного или отрицательного отношения к предыдущему знанию чаще встречаются в тех коммуникативных блоках монографии и частях статьи, где проводится критический обзор. Это вводные части монографии и статьи, а также такие обзоры могут предварять и главы монографии.

Интертекстуальные связи имеют непосредственное отношение к выражению отрицательной оценки положения, представленного в ссылаемой цитате или фрагменте чужого текста, то есть несогласие с ним. Например, Н.А. Красавский выражает своё несогласие с мнением о том, что фразеологизмы являются избыточными средствами языка, следующим образом: Никак нельзя согласиться с мнением о языковой избыточности фразеологической номинации как таковой. Помимо экспрессивной фразеологизмам в той или иной степени свойственны и другие общеязыковые функции (Красавский).

Не соглашаясь с предшественником, автор монографии строит собственную концепцию. Благодаря такому критическому отношению к результатам научной деятельности предшественников в научном дискурсе реализуется его полемическая направленность, во многом способствующая эволюции научной мысли.

В научном дискурсе широко используется такой приём репрезентации согласия, как возражение под видом согласия, как его определяет Т.В. Булыгина. Этот приём реализуется в различных типах уступительно-противительных конструкций, в которых автор дискурса, формально соглашаясь с отдельным положением своего оппонента, в целом выражает несогласие с основным содержанием. Такой способ манифестации несогласия, оформленный

уступительно-противительной конструкцией, позволяет представить негативное отношение в более вежливой форме.

Уступительно-противительные конструкции, по мнению многих исследователей (Л.В. Славгородская, М.Б. Воробьёва), весьма характерны для научного стиля. В частности, М.Б. Воробьёва и Н.Ю. Граббе отмечают, что сравнение, противопоставление и сопоставление, являясь характерным признаком научного исследования, отражающим различные этапы научного познания, способны также выполнять чисто стилистическую функцию — служить для подчёркивания, выделения, раскрытия тех свойств и положений повествования, которые представляются автору наиболее существенными. Именно способность к изложению путём противопоставления старого вводимому автором новому знанию позволяет рассматривать эти конструкции как один из самых распространённых способов выражения несогласия в научных монографиях.

Как отмечают М.Б. Воробьёва и Н.Ю. Граббе [2016], использование уступительно-противительных союзов в подобных контекстах имеет цель воздействовать на читателя, корректировать его предполагаемую точку зрения и приблизить к позиции автора.

Например: Сторонники подобной концепции, однако, не объясняют, как же один язык может заключать в себе множество языков, в каких значениях выступает здесь слово язык ... [Будагов, 1985]; Все это бесспорно. Но все это не дает никаких оснований для того, чтобы говорить о «разных языках в одном языке» или о «конгломерате языков в каждом отдельном языке [Там же].

Широкое использование в научном дискурсе приёма возражения под видом согласия обусловлено также правилами вежливости, поскольку подобная манера спора «представляется более учтивой, нежели простое возражение: говорящий дает понять, что хотя бы частично готов согласиться с оппонентом или, по крайней мере, принимает во внимание его аргументы. Возражение при этом подается как простое уточнение в общем-то верной мысли» [Булыгина, 1997: 305]. Кроме того, данный приём, позволяющий чётко опре-

делить «область согласия» собеседников, позволяет обсуждать лишь то, что относится к «сфере несогласия» [Там же].

Тактика возражения под видом согласия даёт возможность смягчить категоричность высказывания. Эта тактика в научных монографиях и статьях получает широкую реализацию использованием различных конструкций типа «да, но...», «согласен, но...», «кажется так, но...», верно, но...».

Таким образом, автор при высказывании своей точки зрения, используя тактику вежливости, добивается смягчения категоричности отрицательной оценки и проявляет толерантность по отношению к оппоненту: *Не считаться с такими различиями* — значит не знать данного языка. Это бесспорно. Но Е. Косериу и его сторонники не замечают при этом другого <...>. То, что данные языки передают это понятие неодинаково, — это несомненно важно, но из этого никак не следует ни положение о невозможности перевода текста с одного языка на другой, ни, тем более, положение, отлучающее язык от реальности (Будагов).

Отрицательная оценка старого знания, осуществляющаяся использованием слов как нейтральной стилистической окраски, характерных для научного стиля, так и слов эмоционально окрашенных, также свидетельствует о несогласии автора со старым знанием. При этом, как отмечает М.Ю. Федосюк [2005], отрицательная оценка научного исследования может быть выражена как оценка деятельности автора критикуемой работы: Французский финноугровед А. Соважо в одной из своих популярных книг утверждает, что ... К изумлению, однако, читателей в той же книге, через полтора десятка страниц ... тезис о неизменности мышления противоречит тезису об органическом единстве языка и мышления (Федосюк). В данном случае оценка деятельности автора работы проводится через оценку самой научной работы и оценку восприятия этого исследования адресатом.

Как отмечает В.Л. Наер [1985], в таком жанре, как монография одного автора, в силу её значительного объёма существуют широкие возможности для передачи субъективного отношения автора к чужому тексту, в том числе

и для выражения авторской оценки, связанной с позитивным или негативным отношением к оцениваемому объекту.

Специфика экспликации несогласия в научных монографиях и статьях зависит от разных факторов, прежде всего, от индивидуально-личностных характеристик автора. На способ презентации негативного или позитивного отношения к предмету обсуждения влияют и коммуникативные стратегии, например, ориентированность на эмоциональный или рациональный способ взаимодействия с участниками коммуникации. Так, одни авторы выбирают более гибкие стратегии отрицания в своих высказываниях и в целях смягчения категоричности отрицания используют такие языковые средства, как:

- 1) глаголы допущения, полагания: думать, предполагать, принять, считать возможным и др.: Думается, не будет преувеличением сказать, что в общем механизме порождения высказываний одна из ведущих ролей принадлежит транспозиции» (Харитончик);
- 2) вводные слова и конструкции: вероятно, к сожалению, по мнению, наверно, по-видимому, может, может быть, скорее всего, есть возможность, безусловно, разумеется, допустим, несомненно, конечно, как видится, очевидно, как видно, следует признать, кажется, представляется. Многие из данных слов с семантическим компонентом утверждения, уверенности при выражении несогласия используются в конструкциях со значением возражения под видом согласия;
- 3) частицы: ли, вряд ли, едва ли, разве, неужели, ведь: Оправдана ли такая семиотическая максима?... Ведь она не является однозначной ... (Чернявская).

Дискурс других учёных отличается более жесткими стратегиями выражения несогласия, которые реализуются использованием таких языковых единиц, выражающих категорическое несогласие, как:

1) оценочные предикаты, которые репрезентируют несогласие либо эксплицитно, либо имплицитно: «Что же касается презрительной характеристики некоторыми лингвистами описательной грамматики как ненаучной, то это, конечно, глубоко несправедливо... (Щерба); только тот

компаративист-языковед, который покинет **душную, полную туманных** гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы...сможет достичь правильного понимания... (Остгоф, Бругман);

- 2) существительные с суффиксами субъективной оценки: -изм; -щина; -ств(о), -анств(о): марризм, соссюрианство, лысенковщина: **Марризм** в данном случае рассматривался в контексте его претензий называться марксистским языкознанием (Сидорчук); Начиналась борьба с «поливановщиной» (Алпатов);
- 3) существительные и прилагательные с префиксами анти-; без-; псевдо-: антинаучный, безапелляционный, которые, безусловно, имеют отрицательные коннотации: Новое учение о языке исчезло с научного горизонта, сумев, несомненно, войти в историю, как образец псевдонауки (Бадулин).

Итак, несогласие в монографиях и статьях чаще эксплицируется оценочными конструкциями, в которых для соблюдения тактики вежливости автор добивается смягчения категоричности отрицания посредством использования различных языковых единиц.

2.3. Репрезентация согласия/несогласия в оценочных жанрах научного дискурса

2.3.1. Особенности жанра научной рецензии в общей системе научных жанров

Данный параграф диссертационной работы посвящён выявлению особенностей объективации согласия/несогласия в оценочных жанрах научного дискурса, которые, по мнению А.А. Тертычного [2000], относятся к аналитическим жанрам и характеризуются тем, что наиболее существенной чертой является их ориентация не на сообщение новой информации, а на анализ, на исследование, интерпретацию, трактовку. То есть, это те жанры, основу которых составляет анализ и оценка текста. Целью таких жанров, по мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва [1994], является выражение позитивного или

негативного отношения автора дискурса к оцениваемому тексту. Следовательно, оценка для подобных текстов является жанрообразующим свойством.

К числу оценочных жанров в научной сфере речи относится жанр рецензии (отзыва).

В лексикографических источниках по русскому языку даются различные определения данного жанра. Прежде всего рецензия рассматривается как жанр журналистики, а также научной и художественной критики. Так, в «Литературной энциклопедии» рецензия квалифицируется как жанр литературной критики [Муравьев, 1971: 268].

Некоторые учёные (М.М. Бахтин, М.Н. Кожина, Т.Н. Хомутова) считают рецензию вторичным жанром, поскольку в ней анализируется первичный текст. По мнению М.М. Бахтина [1996], рецензия относится к вторичным текстам письменного культурного общения (художественного, научного, общественно-политического), в рамках которого перерабатываются и оцениваются различные первичные жанры.

В словаре Ю.В. Алабугиной [2020] рецензия определяется как критический отзыв о каком-нибудь научном, художественном или другом произведении, фильме, концерте. Такое же определение рецензии даётся и в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова [1978].

В Малом академическом словаре [1984] в дефиниции рецензии актуализируется то, что она представляет собой критический текст (выделено нами – Т.М.), в котором проводится письменный разбор и оценка научного, художественного и другого произведения, спектакля, концерта, кинофильма.

Определение рецензии, которое представлено в «Энциклопедическом словаре-справочнике: Культура русской речи» [2003], в принципе не отличается от тех дефиниций, которые даны в вышеприведённых источниках. В данном источнике рецензия также характеризуется как оценочный жанр научного и публицистического стилей речи, как аналитический текст, в пространстве которого различными языковыми средствами подчёркивается его связь с текстом первоисточника. Но здесь представлены некоторые уточне-

ния данного жанра как вторичного текста, в частности, конкретизируется, что рецензия — это текстовый отклик на новое информационное явление, текст, созданный на основе знания структуры и содержания первичного текста и принятых в данной сфере канонов анализа и создания подобных текстов.

Следует особо отметить, что в приведённых выше дефинициях рецензии последний определяется через понятие отзыв. Более того, в «Словаре синонимов русского языка» термины рецензия и отзыв квалифицируются как синонимы.

Для целей нашего исследования не является принципиальным разграничение понятий рецензия и отзыв, хотя в лингвистике встречаются попытки определения их различий. В частности, считается, что в отличие от отзыва, для рецензии характерен более детальный анализ текста.

Нам представляется, что перевод слова рецензия даёт ответ на вопрос: чем отличаются друг от друга рецензия и отзыв и отличаются ли вообще? Слово рецензия в русский язык пришло из латинского языка через посредство немецкого, в котором данное слово обозначало как сообщение и оценку, так и отзыв. Исходя из этого, мы можем констатировать, что основу рецензии составляет отзыв. Поэтому мы не разграничиваем данные понятия и не определяем их отличия.

В лингвистике существуют различные критерии классификации рецензий, например, классификации по объёму, по автору рецензии, по тематике и другим признакам.

По мнению Л.В. Красильниковой [1999], типы рецензий отличаются также способами выражения оценки, в зависимости от этого выделяются нормативно-оценочный и диалогический тип рецензии. Кроме того, автор в рамках нормативно-оценочного типа рецензий на основе анализа оценки выделяет такие типы оценки продукта научной деятельности, как общая аксиологическая оценка, ментальная оценка, практическая оценка, эмоциональная оценка.

Типы оценок зависят и от принадлежности оцениваемого текста к той или иной области знания.

Особым типом является научная рецензия. От других типов рецензий, например, рецензий на кинофильм, компьютерную программу, научная рецензия отличается тем, что она не только информирует о содержании рецензируемой работы, но и представляет комплекс требований для оценки научного труда.

Согласно Т.В. Жеребило [2010], научная рецензия отличается от других типов рецензий и представляет собой жанр научной литературы, выполняющий информативную и оценочную функции и выступающий в общем пространстве научного знания как текст, в котором даётся осмысление и оценка научного произведения.

Кроме оценочного характера, научная рецензия отличается высокой степенью проявления таких дискурсивных категорий, как диалогичность и интертекстуальность. Диалогичность прежде всего обусловливается присутствием в текстовом пространстве двух языковых личностей: личности автора текста и личности рецензента. Рецензент, обращаясь к тексту первоисточника, выделяя отдельные, важные для оценки работы положения, комментирует их, обращает внимание автора и читателей на актуальность темы, новизну решения проблем, достоверность и достаточность эмпирического и теоретического материала, адекватность методов, аргументированность выводов и выявляет достоинства и недостатки работы, которые являются основой позитивной или негативной оценки, основой согласия или несогласия рецензента с определёнными положениями и выводами автора. Такой тип диалогичности можно охарактеризовать как внутритекстовая диалогичность.

Оценивая работу, комментируя отдельные положения, рецензент для иллюстрации или подтверждения своей оценки, сравнения выводов автора с существующими в лингвистике теориями может обращаться и к другим текстам, приводить цитаты. Хотя следует отметить, что такие типы интертекстуальных связей, как цитата, различные типы ссылок не столь характерны для жанра рецензии.

Ещё одной особенностью научной рецензии (отзыва) является сочетание стандарта и экспрессии с преобладанием последней, что обусловлено жанрообразующим свойством — наличием авторской оценки. Маркирован-

ность научного текста элементами субъективации проявляется в использовании различных языковых единиц, которые позволяют рецензенту выразить себя как индивидуальную языковую личность с присущими ей психологическими и эмоциональными характеристиками.

Кроме того, использование тех или иных эмоционально-оценочных средств зависит от того, какой аспект научного текста выступает объектом оценки: актуальность, новизна, привлекаемый для исследования эмпирический и теоретический материал, особенности композиции, поставленные задачи, используемые методы и т.д.

Таким образом, оценка выступает в качестве основной коммуникативной цели этого типа текстов и определяет во многом особенности его композиционно-речевой структуры. В рецензии, в отличие, например, от ядерных жанров научного дискурса, есть больше возможностей для выражения субъективного отношения автора к оцениваемому научному произведению. Насыщенность данного жанра различными типами субъективно маркированных единиц обусловливается как жанровыми особенностями рецензии, так и индивидуально-личностными характеристиками автора, оценивающего текст.

На основе вышеизложенного мы можем охарактеризовать научную рецензию как тип оценочного текста, в котором проводится критический анализ различных типов научных произведений (статей, монографий, сборников, диссертаций и др.) с точки зрения актуальности исследуемой темы и проблемы, достоверности изучаемого материала, аргументированности и объективности анализа, обоснованности выводов и результатов, новизны, теоретической и практической значимости проведённого исследования, оригинальности авторской концепции и других параметров.

Итак, рецензия (отзыв) — это оценочный жанр. От других научных жанров, таких, как монография и статья, отличается тем, что основным жанрообразующим её признаком является оценка, то есть обязательная экспликация в данном жанре отношения рецензента к научному произведению, экспликация того, что, по мнению рецензента, соответствует или не соответствует требованиям, то есть того, с чем рецензент согласен или не согласен с автором работы.

Жанрообразующий признак — оценка — обусловливает также доминирование личностного начала. Поэтому рецензия (отзыв) отличается от ядерных жанров научного дискурса большей степенью эмоционально-экспрессивной маркированности. Не случайно языковые средства в рецензии в целом направлены на реализацию оценивающей функции.

В отличие от ядерных жанров научной коммуникации, для которых характерны объективность, отвлечённость изложения и основной их функцией является вывод нового знания и информирование научной общественности об этом, в жанре рецензии (отзыва) доминирует оценочное начало.

2.3.2. Основные способы выражения согласия и несогласия в оценочных жанрах научного дискурса

Используемые в оценочных жанрах научного дискурса типы оценок обусловлены как особенностями жанров, так и целью и задачами исследования. Эксплицитный или имплицитный способ их выражения зависит от характерных для научной коммуникации стандартов. По словам Е.С. Троянской [1990], для научного стиля речи в целом важными характеристиками являются субъективно-оценочная нейтральность и некатегоричность изложения, по канонам научного общения требуется объективная констатация фактов. Что касается средств выражения субъективно-оценочных значений, то создатель научного текста ограничен в использовании единиц с подобным значением и может употреблять высказывания с семантикой сдержанного одобрения или неодобрения.

Дискурс рецензии (отзыва) представляет её автору большую свободу выбора эмоционально маркированных единиц для выражения своего субъективно-оценочного отношения, например: «...Семантические аттестации и квалификации рассматриваемых форм интересны и свидетельствуют о безусловном профессионализме и лингвистической наблюдательности автора диссертации. ... Вместе с тем очевидно, что диссертант нередко

излишне увлекается «чистой» семантикой, тем самым **упуская из виду** формально-грамматические признаки изучаемых явлений» [Тарланов, 2012].

В рецензии научные теории, идеи оцениваются в первую очередь с точки зрения их достоверности, актуальности, важности и значимости для познавательного процесса.

Следует отметить, что «язык согласия» проявляется в научной рецензии в тактиках и приемах, направленных на сотрудничество, взаимоуважение и взаимопонимание. Принцип «коммуникативного сотрудничества» является важным принципом научного стиля в целом. Согласно этому принципу, отрицательная оценка должна быть представлена в этически корректной форме, а высказываемая критика должна быть тактична.

Тактики снижения категоричности отрицательной оценки направлены на то, чтобы достичь эффективности коммуникации, соблюдая при этом оптимальный вариант некатегоричности отрицательной оценки и речевой этикет и, по словам Н.В. Соловьёвой [2008], выразить оценочное отношение не в виде осуждения, а как проявление заинтересованности в коммуникативном сотрудничестве.

Смягчение негативной критики и категоричности отрицательной оценки достигается с помощью специальных приемов. Использование этих приемов обусловлено этикой ведения научной коммуникации, в основе которой уважительное отношение к оппоненту и отказ от некорректных оценок. Именно поэтому толерантность речевой коммуникации считается важным принципом научного стиля в общем и научной рецензии в частности.

Для целей нашего исследования важны приемы смягчения негативной критики, выделяемые Е.С. Троянской [Троянская, 1985]. В проанализированном нами сборнике отзывов и рецензий З.К. Тарланова [2012] достаточно часто встречается отмечаемый Е.С. Троянской приём сопровождения отрицательной оценки определённого положения рецензируемой работы положительной оценкой других свойств работы, например: *Полезный в плане созда-*

ния историко-культурного фона и добротно выполненный раздел, посвящённый прошлому интересующих диссертанта языков, не всегда увязывается логически с общим содержанием диссертации (Тарланов).

Используя классификацию способов смягчения критики, рассмотрим особенности репрезентации согласия/несогласия на конкретных примерах.

- 1. Согласие в отзывах и рецензиях реализуется в высказываниях с преобладанием оценки позитивного типа, а также посредством языковых единиц со значением рациональной оценки позитивного характера и некатегоричности представления мнения. По мнению Н.В. Соловьевой [2009], актуализация положительной оценки позволяет автору использовать её как приём для завуалированного представления отрицательной оценки: Тем самым этот текст, совсем недавно изданный, дает нам уникальную возможность проанализировать особенности разговорной нормы конкретного места и времени в сопоставлении с литературной нормой этой же эпохи. И хотя трактовка отдельных мест этого текста у Клаксона и Хоррокса не во всем представляется мне убедительной, сам факт использования такого материала не может не вызвать глубокого одобрения [Белов, 2009]; Задачи, сформулированные диссертантом, в ходе исследования получают вполне удовлетворительные и убедительные ...ответы. .. Вместе с тем у меня возникает ряд замечаний и возражений по существу, хотя некоторые из них, может быть, должны адресоваться не столько диссертанту, сколько состоянию современной лингвистической типологии вообще [Тарланов, 2012].
- 2. Как способ смягчения отрицательной оценки и несогласия с представленной в рецензируемой работе информацией в рецензиях и отзывах часто используются такие вводные слова и словосочетания, как на наш взгляд, представляется, что, наверно, по-видимому, скорее всего, разумеется, допустим, как видится, очевидно, как видно, следует признать, кажется и подобные. Оформленные как выражение лишь частного мнения рецензента, они способствуют приглушению критических замечаний. Например: Представляется, однако, что преждевременно делать подобные выводы [Тарланов,

- 2012]; ... такое понимание понятия предприятие автором, как представляется, не соответствует духу его легального определения [Кораев, 2006]; Безусловно, интересным и вполне плодотворным, на мой взгляд, следует считать стремление автора прощупать, по возможности, определённые линии, следуя которым можно было бы ретроспективно воссоздать процесс содержательной организации единиц синтаксиса [Тарланов, 2012]; Неубедительны, по-моему, также попытки доказать, что тезис о неизменяемости к деепричастию неприменим [Там же].
- 3. В рецензиях и отзывах с оценочными предикатами используются слова типа не совсем, недостаточно, несколько, не очень, не вполне, ослабляющие их семантику, например: Не совсем ясен также морфолого-синтаксический статус отрицания в тех деепричастиях, которые считаются перешедшими в наречия [там же]; Поэтому упрек нашего критика в использовании терминов, не соответствующих их действительному значению, кажется нам не очень добросовестным [Бевзенко, 2008]; Не вполне понятно, почему основу глаголов автор отсчитывает от инфинитива вероятнее всего, причиной тому европейская лексикографическая традиция [Бурлак, Иткин, 2009].
- 4. Критические замечания в рецензиях и отзывах сопровождаются высказываниями, содержащими похвалу каким-либо другим компонентам или свойствам рассматриваемой работы.

Например: Я бы квалифицировал это, вопреки автору, как попытку применить приём так называемого компонентного анализа к синтаксическому материалу. Это, безусловно, ново. ...С точки зрения логики этого анализа диссертация выполнена безупречно. Другое дело — насколько этот анализ и заключённая в нём внутренняя логика содержательны в эвристическом отношении. К сожалению, здесь возникает достаточно много вопросов и возражений ... [Тарланов, 2012].

5. К числу частотных в отзывах и рецензиях относится выражение отрицательной оценки и несогласия с автором дискурса в форме речевых актов

рекомендаций и пожеланий типа следовало бы; было бы; стоило бы; нужно бы; желательно бы, нелишне было бы и т. д.

Например: Развивая эту мысль, следовало бы сказать, что lege ferenda эта проблема должна стать одной из ключевых с тем, чтобы обеспечить гармоничное сочетание на практике [Кабышев, 2008]; Ввиду того, что позиция Л.А. Лазутина иная, было бы интересно ознакомиться с его аргументами [Скуратов, 2009]; Поскольку язык — это функциональная система и диссертация посвящена изучению социальных функций языков, то было бы желательно узнать, как сказывается и сказывается ли вообще изменение социального статуса языка на его структуре [Тарланов, 2012].

6. Снижению категоричности оценки могут служить модальные словосочетания типа *надо сказать*, *нужно отметить*, *необходимо упомянуть*, *собственно говоря* и т.п.

Например: *Надо сказать*, что выбор способа передачи русских слов оказался весьма неудачным [Бурлак, Иткин, 2009]; Это, надо сказать, порой очень затрудняет адекватное понимание многих авторских мыслей [Белов, 2009].

7. Снижению категоричности оценки способствуют слова и выражения со значением сожаления: **Жаль**, что столь детально разработанные семантические классификации никак не используются при описании процесса адвербиализации деепричастий [Тарланов, 2012]; **К сожалению**, вопросам собственно биоэтики автор уделяет недостаточное внимание [Кабышев, 2008: 232]; **К большому сожалению**, ни один из этих текстов не приведен ни фотографически, ни даже через прорисовку... [Белов, 2009].

С помощью этого приема, как верно заметила Н. В. Соловьева [2009], выражается нехарактерная для научного стиля эмоциональная окраска слов и целых высказываний.

8. Негативная оценка может смягчаться указанием на объективные причины, которые привели автора к ошибкам: *Такой широкий охват аспектов и моментов эстетического сознания, который реализован в данном исследовании, не мог, разумеется, обойтись без определенных пробелов* [Донских, 2009]; *Таким образом, взгляды Дж. Клаксона и Дж. Хоррокса по*

ряду принципиальных вопросов истории латинского языка не всегда выглядят убедительными. Но это может быть свойственно всякой обобщающей книге... [Белов, 2009].

9. Использование «языка согласия», как видно из рассмотренных примеров, не предполагает принципиального согласия с оппонентом. Это согласие, замаскированное рекомендациями, пожеланиями, комментариями, минимизирующее критические замечания, позволяющее выразить их в максимально корректной форме и способствующее построению толерантных межличностных отношений.

Таким образом, согласие выступает в рецензиях (отзывах) как категория диалогического взаимодействия в условиях противоречия, ориентированная на принятие партнёра по коммуникации с иной позицией и сотрудничество с ним.

Проанализированный материал показал, что существует комплекс специфических для жанра научной рецензии (отзыва) языковых средств построения позитивно-оценочных и негативно-оценочных речевых актов, в максимальной степени отвечающих принципам толерантной коммуникации.

Однако всё вышесказанное не исключает проникновения эмоционального и субъективно-оценочного в жанр рецензии (отзыва). Жанр рецензии (отзыва) как оценочный текст не может быть эмоционально нейтральным. Наличие эмоциональной оценки в данном жанре обусловливается прежде всего индивидуально-психологическими особенностями личности автора рецензии (отзыва).

2.3.3. Понятие и виды речевой агрессии, факторы агрессивности высказывания в оценочных жанрах научного дискурса

Прежде чем перейти к рассмотрению основных видов и форм выражения несогласия в оценочных жанрах научного дискурса, представляется необходимым определить понятие речевой агрессии и факторы агрессивности высказывания.

В языкознании пока не существует общепринятого термина для номинации речевой агрессии. В лингвистических работах [см., напр.: В.Ю. Андреева, В.Ю. Апресян, Л.Р. Комалова, К.Ф. Седов, Ю.В. Щербинина и др.] как синонимы используются различные названия для обозначения данного феномена: языковая агрессия, речевая агрессия, словесная агрессия, вербальная агрессия. Нам представляется, что наиболее точно суть данного явления отражает термин «речевая агрессия».

Сложность определения агрессии заключается, прежде всего, в том, что речевую агрессию нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Кроме того, как утверждают Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская [2006], речевая агрессия представляет собой многоаспектное явление, включающее в свой состав социальный, прагматический, психологический, поведенческий и др. компоненты и в разных коммуникативных ситуациях проявляет себя по-разному, находит разнообразные способы языковой манифестации.

Один из известных отечественных учёных, который занимается проблемой комплексного исследования речевой агрессии, Ю.В. Щербинина [2008] отмечает, что термин «речевая агрессия» не имеет однозначного толкования, поскольку коммуникативные ситуации, к которым он относится, весьма разнообразны как по формам проявления, так и по способам языкового выражения. Не случайно она характеризуется также как конфликтная коммуникация, патогенная коммуникация, грубость речи, негативное речевое воздействие.

Поскольку в других стилях речи, например, в разговорно-бытовом, художественном, речевая агрессия может использоваться даже в формах инвективных высказываний, следует определить специфику репрезентации негативного отношения автора научной рецензии и особенности проявления отрицательных коннотаций языковых единиц в тексте рецензии.

Чаще всего в качестве агрессивного рассматривается речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление (в том числе, грубая брань), насмешка, угроза, враждебное замечание, злопожелание, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств. В исследованиях по речевой агрессии [см., напр.: Завьялова, 2003; Лоренц, 1994; Семенюк, 1991; Седов, 2003; Сковородников, 1997; Щербинина, 2008 и др.] отмечаются такие отличительные признаки вербальной агрессии, как форма речевого поведения, характеризующаяся нацеленностью на оскорбление или причинение вреда человеку, а также выражение негативного отношения, речевая манипуляция, речевое воздействие, действие, противоречащее нормам поведения, взаимопонимания и взаимодействия и др.

В последнее время заметна тенденция к определению речевой агрессии посредством таких понятий, как «речевая манипуляция» и «речевое воздействие». Так, с речевой агрессией связывают в первую очередь осуществляемое средствами языка воздействие на сознание адресата, на его эмоции, скрытое навязывание читателю (слушателю) нужной адресанту точки зрения, в результате которого адресат утрачивает свободу выбора и способность сделать самостоятельный вывод о ложности/ истинности, полезности/ вредности информации, переданной в речевом сообщении.

На наш взгляд, вербальную агрессию нельзя сводить к речевой манипуляции, данный аспект этой проблемы актуален, в первую очередь, применительно к анализу языка СМИ.

К речевой агрессии исследователи относят также немотивированное, затрудняющее понимание текста использование иноязычной лексики, искусно подобранные средства речевой выразительности, которые в глубинной семантической структуре содержат оценочные семы, получающие негативное оценочное значение в контексте.

В каждой из приведенных выше трактовок рассматривается один из аспектов речевой агрессии как сложного и многогранного понятия.

При установлении статуса того или иного высказывания (в нашем случае при его классификации с точки зрения агрессивности) выделяют ряд моментов, которые необходимо учитывать:

1. Конкретная ситуация деятельности.

- 2. Речевой контекст деятельности.
- 3. Социолингвистический или функционально-стилистический фактор, определяющий выбор определенных языковых средств из ряда потенциально возможных в соответствии с характером взаимоотношений собеседников.
  - 4. Эмоциональный фактор [см, напр.: Леонтьев, 1974].

В этой связи выделяют следующие факторы агрессивности высказывания:

- негативное коммуникативное намерение говорящего, установка на нанесение коммуникативного вреда адресату (унизить, выразить негативные чувства, дать отрицательную оценку);
- несоответствие формы и /или содержания высказывания характеру общения и «образу адресата»;
- отрицательные эмоциональные реакции адресата на данное высказывание [Щербинина, 2006: 43].

По мнению автора, фактор эмоциональной отрицательной реакции адресата является решающим при оценке высказывания как агрессивного.

Вкратце остановимся на существующих классификациях видов речевой агрессии.

Ю. В. Щербинина виды речевой агрессии классифицирует по нескольким основаниям и представляет их в форме дихотомий (бинарных оппозиций). По мнению автора, данный подход имеет свои преимущества, так как на основе противопоставления легче установить отличительные признаки, выявить различные проявления речевой агрессии и определить критерии классификации видов речевой агрессии.

Так, Ю.В. Щербинина [2006] подразделяет виды речевой агрессии, исходя из следующих признаков: слабая или сильная степень проявления агрессии; осознанность или неосознанность агрессии, то есть нецеленаправленность или целенаправленность (в данном случае агрессия не всегда связана с причинением вреда, то есть словесное нападение не является для говорящего самоцелью, она обусловлена внешним раздражителем); явная или скрытая

форма проявления, массовость или социальная замкнутость; переходность или непереходность и др.

Различные критерии классификации, которые предложены Ю.В. Щербининой [2006], свидетельствуют о том, что существует многообразие коммуникативных ситуаций, которые, в свою очередь, обусловливают использование агрессивных высказываний.

Автор другой классификации, О.Н. Завьялова, выделяет эксплицитную (открытую) и имплицитную (скрытую) виды речевой агрессии.

При открытой вербальной агрессии речевые акты направлены на оскорбление или унижение человека, высказывание угроз. Это призывы к агрессивным действиям.

Тексты, содержащие открытую речевую агрессию, имеют явную агрессивную направленность, содержат прямые выпады, угрозы или оскорбления.

При скрытой речевой агрессии истинные цели автора высказывания вуалируются посредством искусно подобранных языковых единиц.

На наш взгляд, не все перечисленные выше отличительные признаки речевой агрессии характерны для научной коммуникации, в частности, для такого жанра научного дискурса, как рецензия.

Наиболее соответствующей нашему пониманию речевой агрессии является трактовка данного понятия Ю.В. Щербининой, которая считает, что определение термина речевая агрессия должно опираться на понятие речевой (коммуникативной) ситуации, поскольку агрессивными могут выступать и нейтральные по своей природе слова и выражения, неприемлемые в данной речевой ситуации.

Представляется, что различные формы проявления феномена речевой агрессии находятся в прямой зависимости как от коммуникативной ситуации, так и от сферы общения, которая налагает определённые ограничения на отбор и использование языковых средств в процессе общения.

С нашей точки зрения, важными также представляются поведенческий и этический нормы, принятые в данной научной традиции.

Можно было бы предположить, что научный дискурс как текст, наиболее обезличенный по своему характеру, не допускает использования в его рамках средств языковой агрессии. Однако в оценочных жанрах речевая агрессия получает выражение специфическим комплексом языковых средств.

Как свидетельствуют результаты анализа рецензий, представленных в списке источников, для научного дискурса, особенно для жанра рецензии и отзыва, свойственны невежливые формы выражения несогласия, которые, на наш взгляд, прежде всего обусловлены индивидуально-личностными характеристиками автора научного текста. Поскольку несогласие тесно связано с выражением негативной оценки, особое внимание было уделено языковым единицам с отрицательной коннотацией, которые прежде всего используются для выражения негативного отношения говорящего к содержанию высказывания. Именно поэтому представляется важным исследование высказываний с оценочными предикатами при выражении несогласия.

Жанр научной рецензии, основной функцией которой является оценка рецензируемой научной работы, выступает как потенциальная среда для использования широкого круга разноструктурных единиц для выражения речевой агрессии.

Критический анализ исследований, посвящённых речевой агрессии [П.М. Дайнеко, О.С. Иссерс, А.Н. Кренделева, А.В. Ланских и др.] позволяет выделить в числе основных такие стратегии и тактики реализации речевой агрессии, как стратегия выражения несогласия, которая реализуется в следующих тактиках: актуализация некомпетентности автора текста, то есть дискредитация или понижение его научного статуса, тактика анализ-минус, тактика выражения собственной компетентности рецензентом, то есть стратегия самопрезентации и др.

Речевая агрессия может быть выражена словами, высказываниями, фрагментами текстов, содержащими агрессивную интенцию. Кроме того, языковые единицы, нейтральные по своему основному значению, в контексте могут приобретать негативный оттенок значения.

Учёные, занимающиеся исследованием речевой агрессии, относят к средствам её выражения ты-номинацию, указательные местоимения, частицы, иронию как средство синтактико-стилистического уровня, риторические вопросы и др.

2.3.4. Субъективно-оценочные средства выражения несогласия в жанрах научной рецензии (отзыва)

Способы выражения несогласия в научных рецензиях и отзывах зависят как от специфики жанра рецензии как оценочного текста, так и от семантики категории несогласия, и представлены следующими разновидностями:

1. Отрицательная оценка точки зрения автора дискурса использованием оценочных предикатов, в функции которых выступают лексические единицы разной частеречной принадлежности:

Эту бессмыслицу Байер позаимствовал у шведского писателя Олофа Рудбека (Грот 2010); По своей сути эта «модель образования-2020» представляет собой не более чем эпигонскую вариацию на давно заданную тему (Попков 2010). Называя иную точку зрения автора дискурса бессмыслицей, а модель образования эпигонской вариацией и используя данные единицы с отрицательной коннотацией, рецензент выражает не только открытое несогласие с автором, но и нелестное к нему отношение, что позволяет охарактеризовать данные высказывания как содержащие агрессию.

2. Характеристика подхода критикуемого автора как непоследовательного или недостаточно последовательного:

Надо отдать должное своеобразию подходов В.В. Скитовича: переосмысляя концепцию судебного права, он игнорирует монографию критикуемого автора, формально указывая лишь на небольшую по объему книгу «Судебное

право», вышедшую в 2003 году. **Вероятно, он сначала публикует критику**, а затем, может быть, и прочтет то, что критиковал (Мурадьян).

В данном дискурсе автор рецензии выражает несогласие посредством ироничной объективации алогичности подхода автора книги.

3. К числу способов объективации несогласия рецензента с отдельными положениями текста или подходами автора относится ирония. Субъективная оценка рецензента выступает, с одной стороны, как один из видов речевой осторожности, с другой, – как скрытое выражение несогласия, исполненного иронией.

Например: Искренне надеюсь, что Ю.К. Толстой, ранее «отлученный от кодификационных работ» неведомыми мне злыми силами, или, как он сам выразился, «катапультированный» ими из состава рабочей группы по созданию нового ГК, примет самое активное участие в разработке предусмотренной данным указом концепции совершенствования гражданского законодательства (Суханов). Использование таких слов и выражений в иносказательном значении, как катапультированный, неведомыми злыми силами, отлученный от кодификационных работ в контексте, приводит к тому, что они приобретают негативное оценочное значение, потому что ставят под сомнение основной смысл, эксплицированный данными выражениями.

4. В научном тексте также встречается (хотя и достаточно редко) язвительная насмешка (сарказм). Характерный для построения сатирических жанров приём используется в оценочных жанрах научного дискурса в большей степени для выражения не просто несогласия, а негодования автора по поводу содержания рецензируемого текста.

Например: Если бы существовали такие «научные специальности», как правовое шарлатанство, юридическая схоластика, цивилистическая эклектика или гражданско-правовой репетиториум, то в основательности притязаний авторов подобных «трудов» на искомые степени можно было бы не сомневаться (Белов); Однообразие периодически нарушается ... высказыва-

ниями из серии «пойми, кто может ..., результатами филологических упражнений (Белов). Агрессивный характер текста рецензии обеспечивается ситуацией и контекстом использования данных языковых единиц. Несогласие рецензента с автором дискурса поддерживается и саркастическим тоном рецензии, граничащим с оскорблением, что даёт основание для квалификации рецензии как текста с прямой, открытой речевой агрессией.

5. Одной из форм проявления открытой прямой речевой агрессии выступает пожелание неосуществления несправедливых дел: Несмотря на отмеченные недостатки, диссертация каким-то образом получила одобрение диссертационного совета. Тем не менее хочется верить, что И.Б. Живихиной не удастся получить незаслуженную ученую степень (Грачев). Семантика открытой неприязни представлена в данном дискурсе выражением «каким-то образом получила одобрение», в котором кроме того содержится саркастический, ничем не прикрытый намёк на то, что диссертант получила одобрение диссертационного совета незаслуженно.

Оценочные жанры научного дискурса дают широкий простор для выражения несогласия сочетанием различных стилистических приёмов: сравнения, иронии, сарказма и др. Например, автор рецензии заостряет внимание на неудачном определении: ... лишь одно остается неизменным — это система охраны и защиты прав собственности. В самом деле? (Грачев) или высменвает манеру речи: Последний творческий всплеск автора: Традиционно в узком смысле под охраной права собственности следует понимать ... (каков стиль! — В.Г.) (Грачев). Языковые единицы в данных контекстах подтверждают характеристику сарказма как «дезавуалированной иронии» и особого скрытого способа выражения несогласия.

Для текста научной рецензии характерно использование иностилевых элементов, в частности, слов, свойственных для разговорно-бытового стиля общения: ...в тексте диссертации ... даже стилистические ляпсусы (Яр-

ков); ... подобные словесные **выкрутасы** в последнее десятилетие стали чрезвычайно популярными среди юристов – ученых и практиков (Белов).

Хотя следует отметить, что такие единицы обиходной речи не отличаются высокой частотностью даже в оценочных жанрах научного дискурса, научных рецензиях и отзывах.

Кроме слов эмоционально-экспрессивной сниженной окраски, в оценочных жанрах научного дискурса функцию негативно-оценочной характеристики выполняют и устойчивые сочетания слов, например, фразеологизмы: Здесь вся проблема ставится с ног на голову (Будагов) или Но ссылки на практику здесь быют мимо цели (Будагов).

В тексте научной рецензии субъективно-оценочное отношение рецензента к содержанию, композиции, способам представления информации — это выражение согласия/несогласия рецензента с представленным в тексте научным знанием, со степенью его новизны, значимости и т.д. Своё негативное отношение автор рецензии передаёт посредством не только лингвистических, но и неязыковых средств, к числу которых относятся:

кавычки, с помощью которых выделяются слова, содержащие в данном контексте негативные коннотации. Заключённые в кавычки отдельные слова и целые выражения получают новые скрытые смыслы, связанные в большей степени с передачей ироничного значения.

Например: О научном «мастерстве» диссертанта <...> можно судить по той части АДД, где в содержание защиты понятия собственности включается способ и форма защиты (Грачев); На какую же аудиторию рассиитаны «открытия» И.Б. Живихиной» (Грачев);

пунктуационные средства выразительности, в частности, сочетание вопросительного и восклицательного знаков, которые в рамках экспрессивного синтаксиса выступают как средства передачи интенций автора, с помощью которых автор рецензии выражает различные типы модальных значений: сомнение в правильности, удивление, уверенность, неуверенность, не-

доумение и др. Кроме того, паралингвистические средства являются одним из способов экспликации негативной оценки, связанной с несогласием.

Например: И.М. Мизиев публикует тюркское прочтение текста известной Зеленчукской надписи X в. и считает, что это «не обычное надгробие мальчишки» (?!), а завет и наставление потомкам «крупного объединения племён», собранных воедино неким Хобсом (Кузнецов).

На наш взгляд, высокая или низкая частотность употребления языковых единиц с субъективно-оценочными значениями в научной рецензии и отзыве зависит прежде всего от типа языковой личности автора и является одним из коммуникативных тактик, называемых самопрезентацией.

Кроме того, выявлено, что степень насыщенности текста рецензии единицами с эксплицитно выраженными субъективно-оценочными значениями, в том числе значениями согласия и несогласия, зависит от принадлежности текста к:

- 1) определённой области знания (напр., гуманитарная, естественно-научная);
  - 2) конкретному жанру (напр., академические и оценочные жанры);
  - 3) типу текста (напр., полемическая статья, обзорная статья).

Так, тексты гуманитарной области знания, в силу специфики объекта их исследования, отличаются от текстов естественно-научной направленности, по мнению Я.С. Яскевич [1992], менее строго выдержанными стилеобразующими качествами собственно научного стиля. Исходя из этого, тексты данной области знания отличаются большей подверженностью к субъективации и использованию в своих рамках эксплицитно представленных единиц с различными типами эмоционально-оценочных значений для выражения согласия и несогласия.

Субъективно-оценочное значение в максимальной степени выражено в таком жанре научного дискурса, как рецензия (отзыв). Это обусловлено конститутивной характеристикой данного жанра, призванного оценивать любой научный продукт. Поскольку оценка является основной целью рецензии, данный жанр наиболее открыт для проникновения субъективно-оценочных

элементов. Что же касается академических жанров (монография, статья, учебник и др.), то эксплицитно выраженные различными языковыми единицами субъективно-оценочные значения находят наибольшие возможности экспликации в жанре монография (одного автора) – в ядерном жанре научного дискурса, который, по словам Наера [1985], благодаря большому объёму текста, имеет широкий простор для реализации «авторской модальности», для выражения позитивной и негативной оценки.

2.3.5. Соотнесённость согласия/несогласия в научном дискурсе с языковой личностью

Специфика репрезентации согласия и несогласия в научном дискурсе обусловлены типом языковой личности, её отношением к соблюдению этических норм и принципов толерантной научной коммуникации. Поскольку научный дискурс прежде всего репрезентирует мыслительную деятельность автора текста, представляется необходимым подробнее остановиться на характеристике места языковой личности в текстовом пространстве научного дискурса.

Определение понятия «языковая личность» и разработка теории языковой личности в отечественной лингвистике относится к 80-м годам XX века. Однако первые шаги в изучении языковой личности были сделаны В.В. Виноградовым, который ввел в научный оборот понятие «образ автора», ставшее предшественником термина «языковая личность». В своих работах, посвященных языку и стилю художественной литературы (1959; 1971; 1980), В.В. Виноградов [1971] определил структуру ЯЛ, репрезентированную в речевых произведениях и включающую такие параметры, как структура естественного языка («внешние грамматические формы языка»); языковую коллективную практику («формы коллективных субъектов») и индивидуальную картину мира («особенности словесного мышления»).

Хотя у учёного нет определения языковой личности, обращаясь к творчеству Бодуэна де Куртенэ, В.В. Виноградов [1980] отмечает, что последнего

языковая личность интересовала как фактор, определяющий социально-языковые формы и нормы коллектива, как точка пересечения и интеграции разных социально-языковых категорий.

Приблизительно в это время известный американский языковед Эдвард Сепир в своей статье «Речь как черта личности» (1993), обращая особое внимание на то, как отражаются в речи индивидуальные особенности человека, отмечал, что речь человека порой сообщает о нём гораздо больше, чем он хотел бы сам сказать.

К понятию «языковая личность» обращался в 60-х годах XX века и Лео Вайсгербер, который развил идеи В. фон Гумбольдта о неразрывной связи человека с родным языком.

Целостная концепция языковой личности, объективированной как центральное понятие лингводидактики, принадлежат Г.И. Богину, который в докторской диссертации [Богин, 1984] рассматривает языковую личность с точки зрения её готовности производить речевые поступки, а также создавать и принимать произведения речи. Кроме того, термин «языковая личность» также обоснован Г.И. Богиным.

Концепция Г.И. Богина, представленная в этой работе, посвящена исследованию структуры языковой личности, выявлению её уровней и компонентов.

Построение модели языковой личности, по Г.И. Богину, – определение уровней развития языковой личности. По его мнению, прежде всего языковую личность надо представить полностью, принимая во внимание относительность этой полноты, отвлекаясь от индивидуальных проявлений каждой языковой личности [Богин, 1984].

При моделировании языковой личности Г.И. Богин особое внимание обращает на то, что «языковая личность закономерным образом развивается от одного уровня готовности действования с речевым произведением к дру-

гому, а также на то, что результат этого развития может быть описан в упорядоченной форме» [Там же: 9].

Он подчеркивает, что «...делается попытка представить в единой параметрической модели все вообще готовности человека к производству речевых поступков» [Там же: 3]. И поэтому «...модель языковой личности первоначально должна абстрагироваться не только от индивидуальных различий людей, но и от различия известных им языков, она должна обладать высокой мерой упрощения и инвариантности» [Там же: 3].

Таким образом, в параметрической модели ЯЛ Г.И. Богина формализованы процессы использования языка человеком.

Начиная с 90-х гг. XX века с появлением работы Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», понятие «языковая личность» «...становится стержневым системообразующим филологическим понятием. Большинством исследователей в настоящее время оно оценивается как интегративное, послужившее началом нового этапа в развитии языкознания — антрополингвистики» [Кочеткова, 1996: 15].

В современной лингвистике изучение языковой личности приобрело статус теории, которая не только интегрирует различные подходы исследования ЯЛ, но, по мнению В.А. Масловой, обусловливает «пересмотр проблематики таких уже устоявшихся направлений языкознания, как психолингвистика, социолингвистика, лингвистика текста, которые активно включили в объект своего исследования языковую личность, языковое сознание. Без понятия «языковая личность» невозможно существование таких новых направлений, как лингвистическая персонология, биолингвистика, семиосоциопсихология» и др.» [Маслова, 2007: 48–49].

В отечественной науке о языке ЯЛ рассматривается как многоаспектный научный конструкт, который совмещает в себе коллективное и индивидуальное, собственно языковое и коммуникативное и выступает «как конкретно-индивидуальная личность со специфическими языковыми характери-

стиками и как представитель определенного социального института, обусловливающего соблюдение статусно-ролевых и коммуникативных норм» [Пугоева, 2017: 11].

В современной отечественной лингвистике разработаны основные положения теории ЯЛ, а также критерии классификации различных типов языковой личности, из которых особый интерес для целевой направленности нашей работы представляют критерии определения типа ЯЛ, обусловленные типом речевого поведения [см., напр.: Ляпон, 1995; Седов, 2001 и др.], а также выделяемые по её способности к речетворчеству, то есть креативности [см., напр.: Норманн, 2006 и др.]. Особую значимость для нас представляет актуализация связи ЯЛ и дискурса.

В этой связи интересным представляется мнение, представленное в исследованиях последних лет и связанное с субъективностью любого типа дискурса, в том числе и научного: «научный дискурс не может не быть субъективным, поскольку является продуктом лингвокреативной деятельности индивида» [Гергокаева, 2008: 5]. Более того, субъективное отношение автора к излагаемому материалу (его оценка) рассматривается как свойство, органически присущее научному произведению как таковому [Там же]. Так, Дж.Дж. Гергокаева отмечает, что автор научного дискурса — «ученый, оставаясь в рамках принятых в данной лингвокультуре доминант поведения и стандартных для научного стиля принципов организации дискурса, тем не менее вносит в научный дискурс элементы субъективности, обусловленные его намерением воздействовать на адресата» [Там же: 50].

Научный дискурс как определённая сфера человеческой деятельности нацелен на то, чтобы дать объективную информацию об исследуемом объекте действительности. В нём отражается процесс и результат научного познания. Процесс порождения, сохранения, накопления и передачи нового знания связаны с информативной функцией научного дискурса.

Но наряду с таким конституирующим фактором, как информативный, научный дискурс отличается выраженной прагматической направленностью, поскольку представляет собой вербализацию способа концептуализации и передачи нового знания от адресанта адресату. Диалог между «новым» и «старым» знанием детерминирует выражение критического отношения к результатам исследований предшественников и их оценку. Именно с данным коммуникативным намерением адресанта связано использование в рамках научного дискурса языковых средств, объективирующих присутствие автора и выражение его позиции. Именно данное коммуникативное намерение личности автора дискурса позволяет считать оценочность (наряду с информативностью) конститутивным свойством научного дискурса. И это свойство научного дискурса связано с ЯЛ.

Однако в отношении проявления особенностей ЯЛ, так называемой авторской индивидуальности, в научном дискурсе учёные высказывают разные мнения. Более того, научный дискурс редко подвергался анализу с точки зрения объективации в нём особенностей ЯЛ [см., напр.: М.П. Котюрова; Т.В. Кочеткова; И.В. Самойлова; А.И. Геляева, Дж.Дж. Хучинаева].

Как отмечает И.В. Самойлова, «если разговорные и художественные тексты исследуются в этом отношении достаточно давно, то тексты других стилей в этом аспекте долгое время не анализировались» [Самойлова, 2009: 9].

В лингвистике до недавнего времени считалось, что стандарты научной коммуникации ограничивают манифестацию ЯЛ автора, поскольку для научных текстов характерны унифицированные, традиционно сложившиеся в данном научном сообществе языковые средства [см., напр.: Е.А. Баженова; Н.С. Валгина; Л.М. Лапп; О.А. Лаптева; Э.Б. Погудина и др.]. Эта тенденция функционирования и развития современного научного дискурса, связанная с безличной манерой изложения, выступает как один из способов реализации деагентивности научной речи. Такая манера изложения, безусловно, способствует представлению нового знания в максимально обобщённой, абстракт-

ной, сжатой форме, актуализируя не субъекта научного знания, а процесс и результаты исследования. По мнению О.А. Лаптевой, этому способствует дифференциация самой науки и выделение различных её отраслей, что требует повышения точности, лаконичности стандартизованности, строгости изложения. «Жёсткая норма, попирающая индивидуальные особенности речи и индивидуальный речевой вкус, ведет почти к абсолютному автоматизму употребления языковых средств», – пишет О.А. Лаптева [Лаптева, 1968: 131].

Однако в лингвистике последних лет ярко выражена другая тенденция развития научного дискурса, связанная с манифестацией в нём индивидуальных особенностей языковой личности автора. Эволюция научного дискурса идёт в направлении от академичности и строгости к широкому использованию различных иностилевых элементов, относящихся к сфере субъективного в языке и повышающих его эмоциональность.

Как и любое творчество, наука требует проявления индивидуальности, поскольку, как отмечает Г.В. Колшанский [2005], любое высказывание является результатом познавательной деятельности индивида, а автор научного дискурса прежде всего продуцирует новое знание, имеющее личностный, индивидуальный характер.

Особенности экспликации авторской индивидуальности связаны прежде всего с использованием различных способов коммуникации. По мнению И.В. Самойловой, «речевая индивидуальность есть особое свойство говорящего, проявляющееся в выборе и сочетании разноуровневых языковых средств, свидетельствующее о речевой компетенции личности и творческом отношении к ресурсам языка» [Самойлова, 2009: 10].

Речевая индивидуальность автора в разных текстах проявляется поразному. Любой текст с точки зрения синергетического подхода можно рассматривать, по мнению И.В. Самойловой [2009], как сложную, нелинейную, открытую систему, сочетающую в себе признаки упорядоченности и хаотичности.

Научный дискурс как тип текста также представляет открытую целостную систему, в которой репрезентированы не только упорядоченные явления когнитивной и речевой деятельности, но и образования, появляющиеся в тексте непредсказуемо, случайно. «При этом интересно то, что даже упорядоченные, наиболее чётко логически выстроенные фрагменты научного текста ... отнюдь не соответствуют широко известному мнению о выражении в научной речи последовательно логического мышления, о господстве логического принципа в организации содержания» [Самойлова, 2009: 10].

К числу таких образований, «появляющихся в тексте непредсказуемо», в научном дискурсе относятся средства, отражающие авторскую позицию.

На наш взгляд, авторская индивидуальность в различных жанрах научного дискурса проявляется по-разному. Так, оценочные жанры рецензия и отзыв представляют для автора научного дискурса наибольшие возможности для репрезентации согласия и несогласия. Например: «Неверной и наивной представляется постулируемая в диссертации линия взаимодействия между книжными изречениями и пословицами ... Вызывает удивление и то, что этот парадоксальный тезис аргументируется цитатой из статьи Н.Г. Бабенко ... [Тарланов]; Подобных досадных недоразумений можно было бы избежать, если ... [там же]. Несогласие с автором диссертации в жанре отзыва З.К. Тарланов выражает использованием не прототипических речевых актов согласия/несогласия, а эмоционально маркированных языковых единиц, выражающих чувства, эмоции и оценку.

В других жанрах научного дискурса такие лексемы и дескрипции, как «наивный», «вызывает удивление», «досадный» практически не встречаются. Поскольку для жанра рецензии и отзыва модальное отношение автора дискурса к содержанию высказывания выступает жанрообразующей категорией, в их текстовом пространстве такие единицы не воспринимаются как иностилевые.

Следует также отметить, что специфика использования речевых актов согласия и несогласия в различных жанрах научного дискурса зависит от

разных факторов: от конкретной коммуникативной ситуации, от способа передачи информации, от адресата, от области научного знания и др. Но в целом особенности применения средств и способов экспликации согласия и несогласия прежде всего детерминируются индивидуально-личностными характеристиками ЯЛ автора дискурса, хотя и данном случае «выражение авторской позиции в какой-то степени регулируется возможностями и ограничениями, выработанными в определенной социальной культуре и области научного познания» [Ни, Сао, 2015: 18].

С одной стороны, текст отзыва должен соответствовать жанровым канонам, с другой – автор для более яркого выражения своего оценочного отношения к обсуждаемой проблеме стремится оригинальным образом обойти преграды стандартов и представить нетипичное видение проблематики рецензируемой работы выбором таких языковых единиц, которые зримо манифестируют индивидуальную авторскую позицию, например: Не могу не выразить своего сожаления и по поводу того, что диссертантом в связи с рассмотрением аналитических предикатов не привлекались работы по нетипологическому синтаксису ... (Тарланов); Подобные вопросы в диссертации даже не ставятся. Но не ставить их нельзя, ибо они касаются самой методологии научного лингвистического исследования...; с сожалением вынужден констатировать, что работа ни по предмету описания (заявленное название не согласуется с реальным содержанием, содержание не вытекает из анализа материала, а собственно авторский материал неуловим), ни по методике анализа, на мой взгляд, не может быть признана как удовлетворяющая требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям [Там же].

Как показывают приведённые примеры, автор отзыва балансирует между оценкой научной проблематики, представленной в работе, и презентацией себя как специалиста в данной области знания.

Существует мнение, что научный дискурс учёного, имеющего более высокий статус в науке, характеризуется большей насыщенностью эмоционально

маркированными единицами, в том числе и оценочными, эксплицитно выражающими согласие и несогласие, что определяется большей свободой выбора средств самопрезентации и оценки учёным с высоким статусом в науке.

Этим же свойством, по мнению многих учёных, отличается научный дискурс более позднего периода, в котором на смену безличностному тексту приходит дискурс, объективирующий разнообразные проявления так называемой авторской парадигмы. К одним из факторов, определяющих специфику выражения согласия/несогласия в научном дискурсе, мы относим языковую личность автора дискурса.

Выводы

Рассмотренные в данной главе проблемы репрезентации согласия/несогласия в ядерных и оценочных жанрах научного дискурса гуманитарного профиля знания позволяют сделать следующие выводы:

- 1. Согласие/несогласие характеризуются функциональной полисемантичностью и многообразием языковых репрезентаций, степень экспликации в научном дискурсе которых имеет свои особенности.
- 2. Согласие и несогласие выражают совпадение или несовпадение позиций участников коммуникации по обсуждаемой проблеме и выступают как положительная/отрицательная оценка того или иного взгляда, подхода. То есть в научном дискурсе категории согласия и несогласия чаще репрезентируются оценочными высказываниями. Оценка функционально обусловлена спецификой науки как сферы деятельности, потому что формирование нового знания происходит в процессе оценки уже имеющихся теорий и концепций.
- 3. В разных жанрах научного дискурса ядерных и оценочных фактическая (имеющая отношение к миру науки) и оценочная (имеющая отношение к человеку) информации имеют разное соотношение. Наиболее выпукло оценочные элементы представлены в рецензиях или отзывах. В ядерных жанрах, основной целью которых является «воздействие на ум, а не на чувства читателя», способ использования оценочных средств специфичен. Смягчённое, некатегоричное выражение отрицательной оценки считается нормой научной коммуникации.
- 4. Специфика реализации оценки в научном дискурсе детерминирована особенностью самой науки и принятыми в данной сфере общения стандартами, оказывающими влияние как на жанровую и стилистическую, так и на содержательно-структурную организацию научной коммуникации, кроме того, использование определённого типа оценочного высказывания зависит от оценивающего.
- 5. Интертекстуальность как многомерная связь отдельного текста с другими является важнейшим текстообразующим принципом научной коммуникации и одним из основных способов экспликации согласия/несогласия

в научном дискурсе. Интертектуальность, выражая связь отдельного текста с массивом текстов, отражает преемственность знания и выполняет в научном дискурсе разнообразные функции, к числу которых относятся оценочная, этикетная, репрезентативная, иллюстративная и др.

- 6. Цитаты, ссылки, сноски, косвенная речь как маркеры интертекстуальности в научном дискурсе используются для соотнесения данной работы с уже существующими и служат либо аргументами в системе доказательств, либо контраргументами, то есть средствами выражения согласия/ несогласия.
- 7. Как в ядерных жанрах научного дискурса, в текстовом пространстве монографий и статей в разной степени представлены различные эксплицитные и имплицитные способы и средства реализации категории согласия/несогласия. В монографиях и статьях согласие и несогласие не всегда однозначно выражаются в поверхностной структуре высказывания. Для данных жанров научного дискурса более характерны способы непрямого выражения согласия и несогласия.
- 8. В академических жанрах научного дискурса, призванных выработать новое знание и аргументировать, доказать его новизну, согласие и несогласие выражаются посредством актуализации вводимого автором нового знания путём его сравнения с предыдущим. Способом репрезентации категории согласия в данном случае выступает принятие, использование старого знания при формулировании нового, признание его научной ценности, то есть его оценка.
- 9. Одним из основных способов выражения согласия/несогласия в дискурсе монографии и статьи является оценочная квалификация, представляющая позицию автора и определяющая сущность категории согласия/несогласия.
- 10. Категории согласия и несогласия посредством различных эксплицитных и имплицитных языковых средств получают манифестацию в научных монографиях и статьях в рамках таких дискурсивных категорий, как диалогичность, интертекстуальность, оценочность. К эксплицитным средствам выражения согласия/несогласия относятся оценочные предикаты и дескрипции.
- 11. Дистрибуция средств выражения согласия/несогласия в каждом композиционном блоке научной монографии и статьи различна.

- 12. В отличие от экспликации согласия, несогласие в научном дискурсе выделено и эмоционально маркировано, потому что оно связано с отрицательной оценкой. Достаточно часто в научном дискурсе несогласие выражается эксплицитно. Для выражения несогласия в монографиях и статьях широко используются отрицательные, а также уступительно-противительные конструкции, реализующие приём «возражение под видом согласия». Использование этого приёма даёт возможность смягчить категоричность высказывания и проявить толерантность к оппоненту.
- 13. Проанализированный материал показал, что существует специфический для научной коммуникации набор средств, позволяющий строить критические замечания, которые в максимальной степени отвечают принципам толерантности речевого общения.
- 14. К оценочным жанрам в научной сфере речи относится жанр рецензии (отзыва), который выполняет функции оценки научного текста и определения его места в общем пространстве научного знания и который квалифицируется как критический отзыв о научном произведении. От других научных жанров рецензия (отзыв) отличается тем, что основным жанрообразующим её признаком является оценка. Оценочное отношение рецензента к научному произведению обусловливает обязательную экспликацию согласия/несогласия, доминирование личностного начала, высокую степень эмоционально-экспрессивной маркированности.
- 15. Для жанра научной рецензии (отзыва) характерен комплекс специфических языковых средств построения позитивно-оценочных и негативно-оценочных речевых актов, в максимальной степени отвечающих принципам толерантной коммуникации.
- 16. Для научной коммуникации, особенно для оценочных жанров, в определённых случаях свойственны интолерантные формы выражения несогласия. Жанр научной рецензии выступает как потенциальная среда для выражения форм несогласия (речевой агрессии), выраженных в оценочных жанрах отдельными лексемами, высказываниями, фрагментами текста, а также нейтральными по своему основному значению языковыми единицами, приобретающими в контексте негативный оттенок значения, связанный с агрессивной интенцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена актуальной проблеме — выявлению особенностей экспликации категории согласия/несогласия в различных жанрах научного дискурса.

На основе анализа эмпирического материала, представляющего собой тексты, относящиеся к различным областям гуманитарного знания, проведено исследование разных жанров научного дискурса с характерными для них содержательными, стилистическими и прагматическими особенностями.

В рамках теоретико-методологической основы исследования категории согласия/несогласия в ядерных и оценочных жанрах научного дискурса в диссертации обобщены результаты имеющихся в гуманитарной сфере научного знания направлений и аспектов изучения и толкования категорий согласие и несогласие, проанализированы различные трактовки дискурса в лингвистике с целью определения статуса научного дискурса в системе дискурсов и его жанровой специфики.

В работе констатируется, что необходимость практического решения проблемы согласия/несогласия связана с политической и социально-экономической нестабильностью в мире. Трактовка таких многомерных понятий, как «согласие» и «несогласие», как показало исследование, соответствует специфике отрасли знания.

Так, согласие и несогласие рассматриваются в социологии в рамках консенсусологии, и трактуются как факторы, определяющие или затрудняющие социальное взаимодействие и детерминирующие возможность или невозможность этого взаимодействия. В политологии данная проблема исследуется в рамках более глобальной проблемы – проблемы войны и мира – и оценивается как фактор стабильности во всем мире. В философии согласие и несогласие рассматриваются как универсальное свойство бытия. Приводятся и анализируются различные философские теории (начиная от И. Канта и кончая социально-философскими теориями XX века), посвященные данной

проблеме, в которых согласие и несогласие анализируются наряду с такими понятиями, как «добро», «зло», «гармония», «хаос», «созидание», «разрушение», «война», «конфликт», «мир». На основе анализа функциональной семантики категории согласия/несогласия в парадигме современных социально-гуманитарных наук предлагается функционально-семантическое поле с входящими в него компонентами, представляющими инвариантно-вариативную реализацию данной категории.

Анализируются существующие в лингвистике разные направления и аспекты изучения категории согласия/несогласия.

Если в языкознании первой половины XX века преобладало формальное направление изучения согласия/несогласия, то со второй половины XX века проблема согласия/несогласия стала активно разрабатываться с позиций антропоцентрической парадигмы гуманитарной науки. В центре лингвистических исследований оказывается человек — носитель языка, его коммуникативные интенции и стратегии, принципы и характер его отношений с другими участниками коммуникации. В этой связи в антропоцентрической лингвистике актуализируются междисциплинарные проблемы, в частности, проблемы межличностной и межкультурной вежливой/невежливой, толерантной/интолерантной коммуникации, с которыми в контексте принятия/неприятия, понимания/непонимания мнения непосредственно связана категория согласия/несогласия.

Важным для антропоцентрического направления лингвистики становится направление изучения согласия/несогласия в контексте «язык согласия» и «язык вражды» (речевая агрессия) и понимание согласия/несогласия как тактики толерантного общения, как фундаментального принципа культуры.

В результате анализа работ по проблеме согласия/несогласия в отечественной лингвистике в диссертации выделены такие аспекты её изучения, как: системно-функциональный, связанный с описанием и классификацией средств выражения согласия/несогласия, антропоцентрический, предполагающий анализ речевой деятельности с учётом носителя языка и с точки зре-

ния толерантной коммуникации, изучение согласия/несогласия в рамках проблем межкультурной коммуникации, этнолингвистики и лингвокультурологии, а также комплексный подход, связанный с рассмотрением категории согласия/несогласия как функционально-семантического поля и описанием как системных, так и функциональных её свойств.

Категория согласия/несогласия рассматривается как функциональносемантическое поле, семантическая парадигма которой характеризуется многообразием вариативных языковых репрезентаций, обусловленных инвариантами данной категории — лексемами «согласие» и «несогласие», которые в виде эксплицитно выраженных речевых актов согласия и несогласия (типа *я согласен/ не согласен*) лишь частично находят реализацию в научном дискурсе.

В работе проведён критический анализ существующих определений понятий «дискурс» и «текст», на основе которого акцентируется, что текст является лингвистической, а дискурс — прагматической категорией, текст статичен, дискурс динамичен, текст — абстрактная модель, дискурс — её актуализация.

Из многообразия определений дискурса нашему пониманию соответствует трактовка последнего как связного текста, который включает в себя, помимо текста, еще и экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста. На наш взгляд, текст и дискурс тесно взаимосвязаны.

Научный дискурс в диссертационной работе определяется как тип институционального дискурса, имеющий структурные содержательно-тематические и функциональные особенности, соответствующие стандартам научной коммуникации. Целью научного дискурса является поиск нового знания, его аргументация, доказательство и представление в определённой жанровой форме. Научный дискурс создаётся на основе широкого диалога с предыдущим знанием, поэтому он соотносится с коммуникативной ситуацией, автором и адресатом.

С одной стороны, научный дискурс, отличается индивидуальным характером, поскольку является продуктом научной деятельности отдельной личности или коллектива, с другой, выступая как часть единого научного знания, полученного усилиями многих учёных, отличается коллективным ха-

рактером. Из этого свойства вытекает одна из основных характеристик научного дискурса – его диалогичность.

В диссертации рассматривается жанровая вариативность научного дискурса, устанавливается соотношение таких понятий, как «дискурс», «жанр», «инвариант», «вариант».

В работе выявлены и описаны способы и средства экспликации согласия/несогласия в рамках таких дискурсивных категорий, как оценочность, интертекстуальность.

Как показал анализ эмпирического материала, в научном дискурсе категории согласия и несогласия чаще репрезентируются оценочными высказываниями, в частности, оценкой подхода, мнения, позиции и т.п.

Сравнительный анализ функциональных особенностей данных категорий в научном дискурсе показал, что речевые акты согласия и несогласия выражают не только совпадение/несовпадение позиций коммуникантов, но и положительную/отрицательную оценку, одобрение/возражение.

Согласие или несогласие автора с обсуждаемой проблемой репрезентируют его точку зрения, суждение, мнение, тем самым выступая как оценка того или иного подхода к решению проблемы. Посредством оценки автор выражает своё негативное или позитивное отношение к предыдущему знанию, а также к результатам исследования представителей других научных сообществ.

Исследование показало, что оценка и оценочные высказывания могут использоваться не только в таких жанрах научного дискурса, как рецензия или отзыв, критическая статья, дискуссия, для которых оценка выступает как жанрообразующая категория, но и собственно научных, академических, как жанры монографии и статьи.

Мы признаём, что оценка функционально обусловлена спецификой науки как сферы деятельности, поскольку научный дискурс связан с выведением нового знания на основе критического отношения к предшествующему. В нём осуществляется как передача фактической научной информации, так и её квалификация, что обусловливает выражение оценочного отношения к ней.

Выявлено, что в собственно научных и оценочных жанрах научного дискурса дистрибуция фактической и оценочной информации в текстовом пространстве имеет свои особенности. Эксплицитное и наиболее яркое выражение оценка, а значит, согласие и несогласие, получает в рецензиях или отзывах. В собственно научных академических жанрах оценка чаще получает имплицитное выражение.

Установлено, что в композиционных блоках монографий и статей, где ведётся полемика, также преобладают эксплицитные оценки.

Особенности реализации оценки в научном дискурсе детерминированы, с одной стороны, принятыми в сфере научного общения стандартами, с другой, зависят от автора дискурса. Нормой научной коммуникации является некатегоричное выражение отрицательной оценки.

Другим важным способом экспликации согласия/несогласия в научном дискурсе признаётся интертекстуальность, которая трактуется нами как важнейшая текстообразующая категория научной коммуникации. К маркерам интертекстуальности в научном дискурсе относятся цитаты, сноски, ссылки, которые служат в качестве аргумента или контраргумента при обосновании своей точки зрения.

В диссертации, вслед за Е.А. Михайловой, нами выделены и описаны четыре основные функции интертекстуальных связей в научном дискурсе: референционная, оценочная, этикетная и декоративная, а также определены и описаны такие разновидности оценочной функции интертекстуальных связей, как критическая, эмпатическая, этикетная и декоративная.

Выявлено, что в жанрах монографии и статьи категория согласия/несогласия репрезентируется распределёнными в тексте различными эксплицитно-имплицитными средствами выражения отношения. Способы непрямого выражения категории согласия/несогласия являются наиболее характерными для жанров монографии и статьи.

Установлено, что в научных монографиях и статьях согласие объективируется как принятие старого знания при формулировании нового.

Выявлено, что рациональная оценка доминирует в дискурсе монографий и статей, что обусловлено задачами науки как области знания. Кроме того, в дискурсе научной монографии и статьи широко используются разнообразные средства «текстовой модальности» со значениями уверенности, возможности, предположительности, в которых имплицитно выражено согласие.

Положительная оценка в научных монографиях и статьях выражается оценочными предикатами, различными типами эмоционально-оценочной лексики, а также имплицитно, смыслом-импликатурой.

Несогласие в монографиях и статьях также чаще выражается оценочными конструкциями, в которых используются такие языковые средства смягчения категоричности отрицания, как уступительно-противительные конструкции. Кроме того, использование приёма возражения под видом согласия посредством различных конструкций типа «да, но...», «согласен, но...», «кажется так, но...» служит принципам толерантной коммуникации.

Если для собственно научных жанров характерна функция репрезентации нового знания, то для жанра рецензии (отзыва) оценка выступает в качестве основной коммуникативной цели и определяет особенности его композиционно-речевой структуры.

От других письменных жанров рецензия отличается максимальным проявлением личностного начала. Согласие в рецензиях (отзывах) выступает как категория диалогического взаимодействия.

Выявлен комплекс характерных для жанра научной рецензии (отзыва) языковых средств, отвечающих принципам вежливой коммуникации, например, приём сопровождения отрицательной оценки определённого положения рецензируемой работы положительной оценкой других её свойств.

Установлено, что жанр рецензии (отзыва) характеризуется насыщенностью субъективно-оценочными элементами, что обусловлено прежде всего индивидуальными психологическими особенностями личности автора рецензии (отзыва).

Как показало исследование, в оценочных жанрах научной коммуникации встречаются интолерантные формы выражения несогласия. Жанр научной рецензии выступает как потенциальная среда для использования различных языковых единиц, приобретающих негативный оттенок значения.

В результате исследования выявлено, что:

- а) каждый из рассмотренных жанров научного дискурса располагает своеобразным репертуаром значений, средств и способов выражения согласия/несогласия. Академические и оценочные жанры научного дискурса характеризуются как общими, так и специфическими способами экспликации оценочных значений;
- б) индивидуальность автора в различных жанрах научного дискурса проявляется по-разному. Жанры рецензии и отзыва представляют для автора научного дискурса наибольшие возможности для экспликации согласия и несогласия;
- в) специфика репрезентации согласия и несогласия в ядерных и оценочных жанрах научного дискурса обусловлена различными факторами, к которым относятся: область научного знания, способ передачи информации, конкретная речевая ситуация, адресат и др. Выбор средств выражения согласия/несогласия определяется нормами и традициями жанров. Но в целом особенности применения средств и способов экспликации согласия и несогласия прежде всего детерминируются индивидуально-личностными характеристиками ЯЛ автора дискурса, его этическими представлениями, хотя и данном случае выражение авторского отношения регулируется традициями, выработанными в определенной коммуникативной культуре.

В данной диссертационной работе языковая личность автора рассматривается как один из факторов, обусловливающих специфику объективации согласия/несогласия в научном дискурсе. Однако, как нам представляется, в перспективе проблема связи типов языковой личности со спецификой объективации категории согласия/несогласия в научном дискурсе может стать объектом самостоятельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1. Акимова Т.Г. Значение совершенного вида в отрицательных предложениях в русском языке // Вопросы языкознания. 1993. № 1. С. 75–86.
- 2. Акулич М.М. Согласие как основа сотрудничества и доверия: социологический аспект // Безопасность Евразии. 2002. № 2. С. 7—51.
  - 3. Алексеев В.А. Оружием политической сатиры. М., 1979. 242 с.
- 4. Алиев М.Г. Культура согласия как эффективный фактор глобализации // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 21–28.
- 5. Алиев М. Г. Согласие как проблема социальной философии: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 353 с.
- 6. Аликаев Р.С. Жанровые характеристики научного макротекста, оказывающие воздействие на его структуру // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 1999. № 2. С. 33—38.
  - 7. Аликаев Р.С. Макроструктура языка науки. Нальчик, 1998. 73 с.
- 8. Аликаев Р.С. Стилистическая парадигма языка науки: дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 1999. 337 с.
- 9. Аликаев Р.С., Аликаева М.Р. Особенности презентации различных типов семантико-синтаксических универсалий в научном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 1 (7). С. 78—83.
- 10. Аликаев Р.С., Кажарова Д.С. Ментальное пространство автора в структуре научного текста // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. 2005. Т. 1. С. 16–20.
- 11. Аликаев Р.С., Кажарова Д.С. Событийность и оценочность как составная часть научного текста // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. -2005. -№ 7. С. 3-10.
- 12. Аликаев Р.С., Карчаева С.Х. Дискурсивность научной монографии// Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. -2010. -№ 1. С. 143-152.

- 13. Аликаев Р.С., Карчаева С.Х. Типологические особенности научного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 61–68.
- 14. Аликаев Р.С., Мукова М.Н., Тогузаева М.Р. Специфика научного текста в аспекте стилевой однородности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 201–204.
- 15. Аликаев Р.С. Язык науки как объект лингвистического описания. Нальчик, 1998. 76 с.
- 16. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 318 с.
- 17. Амвросова С.В. Эгоцентрические координаты научной речи // Научный и общественно-политический текст. – М.: Наука, 1991. – С. 3–13.
- 18. Антропова М.В. Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 21 с.
- 19. Архипова Л.В. Риторический прием автоинтерпретации как средство организации дискурса (на материале английских научных текстов). дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- 20. Архипова Е.В. Имплицитные средства выражения речевого акта согласия/несогласия в английском языке // Весн. Мазыр. дзярж. ун-та імя І.П. Шамякіна. -2008. -№ 4 (21). C. 43-47.
- 21. Арутюнова А.Ю. Диалогичность текста и категория связности: Монография. Пятигорск: РИА-КМВ, 2009.
- 22. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 341 с.
- 23. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 247 с.
- 24. Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. М., 1999. С. 130–274.

- 25. Ахтаева Л.А. Научный дискурс как специфическая разновидность дискурсивной деятельности: непосредственный // Молодой ученый. 2010. № 7 (18). С. 144–150 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://moluch.ru (дата обращения: 12.09.2020).
- 26. Баженова Е.А. Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1996. С. 158–234.
- 27. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 269 с.
- 28. Баженова Е.А. Фактор интерпретации чужой речи в смысловой структуре научного текста // Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация. М., 1986. С. 70–75.
- 29. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
- 30. Барляева Е.А. Средства актуализации автора научного текста (на материале англ. яз.): дис. ... кандид. филол. наук. СПб., 1993. 225 с.
- 31. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / сост., общ. ред., и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 442–462.
- 32. Бахарев А.И. Отрицание и средства его выражения в русском языке. Балашов, 2000. –86 с.
- $33.\,$ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.-424 с.
- 34. Башиева С.К., Геляева А.И. Модель толерантности в мировидении народов Северного Кавказа как одна из форм проявления плюрализма её парадигмы // Толерантность в России: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Волгоград, 2008. С. 8—12.
- 35. Белов В.А. Синдром Тога? Или Отчаяние? К вопросу о корректности научной критики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.yurclub.ru (дата обращения: 11.02.2019).

- 36. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с франц. / общ. ред., вст. ст. и комм. Ю.С. Степанова. М.: Либроком, 2010. С. 448.
  - 37. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. СПб.: СПбГУ, 1993. 68 с.
- 38. Богданова В.А. Письменная и устная формы научного стиля (на материале лексики) // Вопросы стилистики. Вып. 23. Устная и письменная формы речи. Саратов, 1989.
- 39. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ленинград, 1984. 31 с.
- 40. Богуславская В. В. Негативнее конструкции в роли заголовков: автореф. дис. ... канд. филол. н. Ростов-на-Дону, 1993. 19 с.
- 41. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник. 3-е изд., перераб, и доп. М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
- 42. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 49–59.
- 43. Булыгина Т.В. Шмелев А.Д. Возражение под видом согласия // Облик слова: сборник статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997. С. 44–73.
- 44. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1996.
- 45. Буцык С. В. Дискурс в современном научном познании // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4 (44). С. 44-48.
- 46. Бычихина О.В. Интенции отказа с точки зрения интерпретативной лингвистики // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Лингвистика. Новосибирск, 2002. Т. 1. С. 95–102.
  - 47. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1999. С. 352.
  - 48. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
- 49. Ванников Ю.В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности: методическое пособие. Ч. 1. М., 1984.

- 50. Варгина Е.И. Научный текст и его воздействие (на материале английского языка). СПб.: СПбГУ, 2004. 212 с.
- 51. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 539 с.
- 52. Вейхман Г.А. О стилистической классификации современного английского языка // НДВШ. Филологические науки. 1958. № 4. С. 97—110.
- 53. Викторова Е.Ю., Петрова Н.Г. Формулы выражения согласия/несогласия в английской разговорной речи и в художественном диалоге // Романогерманская филология. Вып. 2. Саратов, 2002. С. 3—49.
- 54. Виноградов В.В. О теории художественной речи // АН СССР. Отделение литературы и языка. М.: Наука, 1971. С. 100–108.
- 55. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
- 56. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, $1980.-360~\mathrm{c}.$
- 57. Воробьева М.Б. Особенности реализации оценочных значений в научном тексте // Научная литература. Язык, стиль, жанры: сборник научных трудов. – М., 1985. – С. 47–57.
- 58. Воробьёва О.В., Граббе Н.Ю. Средства выражения несогласия и его семантико-синтаксическая значимость // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2016. № 116 (02).
- 59. Власова Е.В. Речевая агрессия в печатных СМИ: на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 219 с.
- 60. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 260 с.
- 61. Воробьева М.Б. Особенности реализации оценочных высказываний в научном тексте // Научная литература: язык, стиль, жанры. М., 2002. С. 47–56.

- 62. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: Коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 43 с.
- 63. Габуниа З.М., Улимбашева Э.Х. Межкультурная коммуникация как миросозидающий факт языка. Нальчик, 2005. 231 с.
- 64. Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация. М., 1986. С. 22–28.
- 65. Гайдучик С.М. Типология речевых высказываний. «Экспериментальная фонетика». Минск, 1972.
- 66. Галактионова И. В. Средства выражения согласия/несогласия в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1995. 24 с.
- 67. Галактионова И.В. Средства выражения согласия // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В.А. Белошапковой. М., 1988. С. 145–168.
- 68. Гальперин И.Р. Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 76—86.
- 69. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Известия АН СССР. СЛЯ. 1977. № 6. С. 264–269.
- 70. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 140 с.
- 71. Гаспарян С.К. К вопросу о взаимодействии функциональных стилей // Филологические науки. $-2007. N_{\odot} 1. C. 78-84.$
- 72. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии). М.: Высшая школа 1986. 280 с.
- 73. Геляева А.И., Кумахова Дж.Б. Место оценки в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков). Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2010. 136 с.
- 74. Геляева А.И., Макитова Т.Т. Репрезентация согласия как специфичной дискурсивной категории (на материале научных монографий) // Вопросы теории и практики. Филологические науки. №11 (41), часть 2. Тамбов: Грамота, 2014. С. 62—64.

- 75. Геляева А.И., Макитова Т.Т. Особенности репрезентации категории согласия/несогласия в дискурсе научной монографии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова, 2020. С. 40—50.
- 76. Геляева А.И., Хучинаева Дж.Дж. Метатекстовые единицы репрезентации языковой личности ученого в карачаево-балкарском лингвистическом дискурсе // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. —№ 6 (50). С. 148–155.
- 77. Геляева А.И., Хучинаева Дж.Дж. Эгоцентрические координаты лингвистического дискурса: монография. М.: ИКЦ «ЭКСПЕРТ», 2022. 152 с.
- 78. Герасимова И.А. О нормах научной дискуссии // Философские науки. – 2004. – № 9. – С. 74–87.
- 79. Гергокаева Дж.Дж. Эгоцентризм лингвистического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 178 с.
- 80. Глушко М.М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. М., 1974. 200 с.
- 81. Глушкова М.С. Устный полемический дискурс: особенности функционирования в научной сфере: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 190 с.
- 82. Гончарова Е.А. Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // Текст дискурс стиль: сборник научных статей / отв. ред. В.Е. Чернявская. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 9–22.
- 83. Громыко С.А. Дума народного гнева. О речевой агрессии в Государственной Думе // Русская речь. -2006. -№ 6. C. 88–93.
- 84. Данилевская Н.В. Научный текст как динамика оценочных действий // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2. 2009. С. 20–28.
- 85. Данилевская Н.В. Функция оценки в процессе формирования нового знания // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 8. Ставрополь, 2010. С. 38–43.

- 86. Даньковский X. Словесная агрессия // Наука и жизнь. 2005. № 6. С. 34–57.
  - 87. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
- 88. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов. М.: ИНИОН РАН, 1982. С. 3–11.
- 89. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность / отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.
- 90. Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В.К. Мальковой. М.: ИЭА РАН, 2002. 352 с.
- 91. Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: сборник статей в честь профессора С.Г. Ильенко. СПб.: СПбУ, 1998. 348 с.
- 92. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, МГУ, 2000. 342 с.
- 93. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. 376 с.
- 94. Дробижева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // От толерантности к согласию. М., 1997. С. 61–69.
- 95. Дроздов А.Ю. Агрессивное поведение молодежи в контексте социальной ситуации // СОЦИС. -2003. -№ 4. C. 95-98.
- 96. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004.
- 97. Жаркынбекова Ш.К., Байбатырова А.А. Выражение авторской позиции в научных статьях: метадискурсивные стратегии создания межличностных отношений // Вестник СПбГУ. Язык и литература. Вып. 2. – 2019. – Т. 16. – С. 188–213.
- 98. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: МГУ, 1976. С. 206.

- 99. Ивин А.А. Теория аргументации: учебное пособие для вузов. М., $2000.-414~\mathrm{c}.$
- 100. Ильин Д.Н. Процессы позитивации /негативации лексического значения в русском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 28 с.
- 101. Имеева М.В., Ямаркина Г.М. О речевой агрессии в популярных молодежных журналах // Материалы международной научной конференции. Красноярск, 2007. С. 74–75.
- 102. Казимянец Е.Г. Способы выражения отрицания в современном русском языке (билингвальный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 20 с.
- 103. Капто А. Толерантность в контексте концепции «Культура мира» // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 175–181.
- 104. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
- 105. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- 106. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград–Архангельск, 1996. С. 3–16.
- 107. Карасик В.И. Лингвистика текста и анализ дискурса. Архангельск–Волгоград, 1994. 36 с.
- 108. Карасик В.И. Типы вторичных текстов // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград: Перемена, 1997. С. 69–70.
- 109. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, $2000.-523~\mathrm{c}.$
- 110. Карчаева С.Х., Аликаев Р.С. Дискурсивность научно-учебных текстов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 93–96.

- 111. Кашичкин А.В. Имплицитность в контексте перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2003. 28 с.
- 112. Кашкин В.Б., Болдырева А.А. Научный дискурс: теория и практика: учеб. пособие. – Воронеж: Воронежский гос. техн. ун-т, 2005. – 80 с.
- 113. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. $160~\rm c.$
- 114. Клушина Н.И. Убеждение и манипулирование: разграничение понятий // Русская речь. -2007. -№ 5. ℂ. 50-53.
- 115. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972. 395 с.
- 116. Кожина М.Н. Об отношении стилистики к лингвистике текста // Функциональный стиль научной прозы: проблемы лингвистики и методики преподавания. М., 1980. С.3-17.
- 117. Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы. М.: Наука, 1989. С. 3–26.
- 118. Кожина М.Н. Сопоставительное изучение научного стиля и некоторые тенденции его развития в период научно-технической революции // Язык и стиль научной литературы. М., 1977. С. 3–25.
- 119. Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст Дискурс Стиль: Сборник научных статей / отв. ред. В. Е. Чернявская. СПб.: СПбГУЭФ, 2004. С. 9–33.
- 120. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
- 121. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. M., 2005. 120 с.
  - 122. Кольцова Е.Ю., Таратута Е.Е. Измерение толерантности. М., 2005.
- 123. Кондаков Н.И Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 721 с.

- 124. Котюрова М.П. О выражении субъекта знания в научной речи (на материале русского языка) // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1986. С. 43–59.
- 125. Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск, 1988. – 171 с.
- 126. Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: дис. ...канд. филол. наук. М., 1987. 264 с.
- 127. Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М.: Диалог-МГУ, 1999. 137 с.
- 128. Красных В.В. «Свой» среди «чужих» миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- 129. Крикунов Ю. А. Рецензия в газете: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 40 с.
- 130. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
- 131. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания» РАН. ИНИОН. М., 2000. С. 5–13.
- 132. Культура мира и ненасилия: курс лекций / отв. ред. Р.Х. Кочесоков. Нальчик: КБГУ, 2001. 72 с.
- 133. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный концепт: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.
- 134. Лапп Л.М. Об эмоциональности научного текста // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте: сборник научных трудов. Пермь: Перм. ун-т, 1988. С. 92–97.
- 135. Лаптева О.А. Внутристилевая эволюция современной научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968. С. 126–185.

- 136. Лаптева О.А. Способы выражения авторского «я» в научной речи // Язык научной литературы: тезисы докладов и сообщений XX научнометодической конференции. М., 1975.
- 137. Лаптева О.А. Общие особенности устной публичной (научной) речи. М., 1985.
- 138. Латощенко Ю.В. Системные свойства да-высказываний в функции подтверждения (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 25 с.
  - 139. Леонтьев А.Н. Психология общения. Тарту, 1974. 216 с.
- 140. Лоренц К. Агрессия: так называемое «зло». М.: Прогресс, 1994.- 269 с.
- 141. Лукин В.А. Противоречие и согласие // Вопросы языкознания. –2003. № 4. С. 91–109.
- 142. Любимова М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 193 с.
- 143. Макаров М.Л. Изучение структуры речевой коммуникации: от теории речевых актов к дискурс-анализу. Англистика, 1999. С. 75–87.
  - 144. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
- 145. Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. 348 с.
- 146. Макитова Т.Т. Репрезентация согласия как специфичной дискурсивной категории (на материале научных монографий): в 2-х ч. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41). Ч. II. С. 62—64.
- 147. Макитова Т.Т. Особенности выражения согласия/несогласия в научном стиле // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 118–121.

- 148. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский сборник научных статей. Ставрополь: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2003. С. 26–40.
- 149. Маслова Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2007.-192 с.
- 150. Матвеева Т.В. Рецензия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванов, А.П. Сковородников и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 561–562.
- 151. Милянчук Н.С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 23 с.
- 152. Митрофанова О.Д. Язык научно- технической литературы. М., 1973. 147 с.
- 153. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: на материале статей: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 205 с.
- 154. Морозова О.Н. Функционально-семантические свойства реплик со значением согласия-несогласия в диалогическом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 23 с.
- 155. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- 156. Морозова О.Н. Лингвориторическая парадигма согласованной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2005. 42 с.
- 157. Муравьев Д.П. Рецензия // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 268.
- 158. Муратова М. Средства речевого воздействия в СМИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.russ.ru (дата обращения: 18.02.2020).
- 159. Наер В.Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) // Функциональные стили: лингвометодические аспекты. М., 1985. С. 14–26.

- 160. Нейленко Л.Л. Средства выражения и семантика высказываний со значением согласия-несогласия в английском диалоге // Вопросы романо-германской и русской филологии. Пятигорск, 2002. С. 21–36.
- 161. Некрасов С.И., Хохлова О.М. Уровни и виды проявления социально-политического «согласия-несогласия» // Научный вестник МТТУ ГА. 2014. –№ 203. С. 111–116.
- 162. Нечаева О.А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. Улан-Удэ, 1999.
- 163. Николаева Т.М. Лингвистика текста // ЛЭС. Советская энциклопения. М., 1990. 685 с.
- 164. Николаева Т.М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики // Известия АН СССР. СЛЯ. 1977. № 4. С. 304–314.
- 165. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
- 166. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. М., 1987. 135 с.
  - 167. Новикова Т.В. Диагностика толерантности в СМИ М., 2002.
- 168. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978. 846 с.
- 169. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 944 с.
- 170. Озаровский О.В. Средства выражения согласия // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В.А.Белошапковой. М., 1988. С. 145–168.
- 171. Озаровский О.В. Согласие-несогласие как категория коммуникативного синтаксиса (в грамматике русского языка для иностранцев) // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М., 1980. С. 109–120.
- 172. Оразалинова К. А. Интенциональные концепты «согласие–несогласие» в татарском, русском и английском языках. Тобольск, 2012. 172 с.
- 173. Отъе-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999.

- 174. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Формы проявления речевой агрессии в газетном тексте // Русский язык в школе. 2006. № 1. С. 76–82.
- 175. Плеханова Т.Ф. Текст как диалог: монография. Минск: МГЛУ, $2003.-251~\mathrm{c}.$
- 176. Плеханова Т.Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов. Минск: ТетраСистемс, 2011. 368 с.
- 177. Покровская Е. В. Газета в современной культурно- речевой ситуации // Русская речь. -2005. N = 5. C. 69-74.
- 178. Покровская Е.В. Прагматика современного газетного текста // Русская речь. -2006. -№ 3. C. 81–87.
- 179. Поройкова Н.И. Функциональные средства выражения согласия/несогласия в диалоге // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. М.: Наука, 1976. С. 102–115.
  - 180. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. M., 1999. 210 c.
- 181. Пугоева А.О. Особенности объективации когнитивного стиля языковой личности в институциональном и персональном типах дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2017. 26 с.
- 182. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- 183. Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи (элементы эмоционально-субъективной оценки). М., 1972. 168 с.
- 184. Разинкина Н.М. Некоторые общие проблемы функционально-речевого стиля // Особенности стиля научного изложения. М., 1976. С. 55–90.
- 185. Разинкина Н.М. О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы // Особенности языка научной литературы. М.: Наука, 1965. С. 38–52.
- 186. Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы. М., 1978. 211 с.
- 187. Ракитина С.В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 278 с.

- 188. Реброва П.В. Способы выражения согласия/несогласия в русском языке на примере коммуникативного акта просьбы // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 262—265 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://moluch.ru (дата обращения: 18.02.2020).
- 189. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. — 1996. — № 4. — С. 27–36.
- 190. Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный анализ (серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 11–30.
  - 191. Русская грамматика АН СССР. М.: Наука, 1980. 709 с.
- 192. Рыбакова О. Н. Дискурсивные, коммуникативно-прагматические и семиотические характеристики англоязычной печатной рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1999. 31 с.
- 193. Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: Межъязыковой аспект: автореферат дис. ... д-ра филол. М., 1996. 112 с.
- 194. Сабанчиева А.К. Жанровая специфика текста научной монографии (на материале современных русскоязычных монографий по астрономии) // Молодой ученый. 2017. № 4. С. 289–296 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://moluch.ru (дата обращения: 14.02.2020).
- 195. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 326 с.
- 196. Самойлова И.В. Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности: дис ... канд. филол. наук Пермь, 2009. 169 с.
- 197. Самохвалова В.И. Грани толерантности // Философские науки. 2008. № 4. С. 26–46.
- 198. Свиридова Т.М. Способы и средства выражения категории согласия-несогласия в русском языке: монография. М., 2006. 189 с.

- 199. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
- 200. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистические аспекты / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 179 с.
- 201. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие]. Киев: Фитосоциоцентр, 2002. 335 с.
- 202. Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1984. 319 с.
- 203. Сепир Э. Речь как черта личности // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — 2-е изд. / пер. с англ. под ред. и с предисл. д-ра филол. наук А.Е. Кибрика. — М., 2002. — С. 295–296.
- 204. Серебрянников В.В. Гражданский мир и согласие в России // Социально-политический журнал. –1997. № 1. С. 46–60.
- 205. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. М., 1999. С. 14–53.
- 206. Силкина О.М. Аннотация как жанр научного дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. Челябинск. 2018. Т. 15, № 3. С. 70–76.
- 207. Синдеева Т.И. Некоторые особенности композиционно-речевой организации жанра «Научная рецензия» // Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М., 1982. С. 27–42.
- 208. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Русский язык, 1983. Т. 2. 698 с.; 1984. Т. 4. 794 с.
- 209. Скороходова Е.Ю. Использование некодифицированной лексики в текстах СМИ // Филологические науки. -2006. -№ 3. С. 100–109.
- 210. Скрипак И.А. Интертекстуальность как категориальный признак современного научного дискурса // Известия Российского государственного

- педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради № 34. СПб., 2008. C. 450–453.
- 211. Скрипак И.А. Синтаксические средства экспрессивности в текстах научного дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради № 26. СПб., 2008. С. 252—257.
- 212. Славгородская Л.В. Научный диалог (лингвистические проблемы). Л., 1986. 168 с.
- 213. Славгородская Л.В. Взаимодействие устной и письменной речи в сфере научного знания // Научная литература. Язык, стиль, жанры. 1985. С. 16–33.
- 214. Славгородская Л.В. К вопросу о коммуникативной направленности научного текста // Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982. С. 3–14.
- 215. Славгородская Л.В. О логической связности научного сообщения// Язык и стиль научного изложения. М., 1983. С. 34–45.
- 216. Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gramota.ru.
- 217. Соловьев Г.М. Факт и оценка в публицистике: аспекты метаязыковых корреляций. – Краснодар: КубГУ, 1999. – 123 с.
- 218. Соловьева Н.В. Стратегии презентации коммуникантов в текстах научных дискуссий // Вестник Пермского университета. Вып. 1. 2009. С. 29–37.
- 219. Соловьева Н.В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект (на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.
- 220. Сотникова А.Л. Согласие/несогласие как вид оценочной деятельности участников диалога // Вопросы функциональной прагматики немецкого языка: межвузовский сборник научных трудов. Л., 1986. С. 57–61.

- 221. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Институт языкознания РАН: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 1995. С. 35–73.
- 222. Сретенская Л.В. Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. 16 с.
- 223. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: учебное пособие. Воронеж: Истоки, 2009. 178 с.
- 224. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. М.Н. Кожиной. М. Флинта: Наука, 2006. 696 с.
- 225. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 310 с.
- 226. Тишков В.А. Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах (доклад на Международной научной конференции ЮНЕСКО «Толерантность и согласие») // Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 256—274.
- 227. Трошкина Т.П. Словообразовательные средства создания оценочности в языке СМИ // Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. Казань, 2003. 196 с.
- 228. Троянская Е.С. К общей концепции понимания функциональных стилей // Особенности стиля научного изложения. М., 1976. С. 23–82.
- 229. Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. – М.: Наука, 1982. – 312 с.
- 230. Троянская Е.С. Некоторые особенности выражения отрицательной оценки в жанре научной рецензии (к вопросу о некатегоричности высказывания в научном стиле) // Язык и стиль научного изложения. Лингвометодические исследования. М.: Наука, 1985. С. 23–34.

- 231. Троянская Е.С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература. Язык, стиль, жанры. М., 1985. С. 67–81.
- 232. Троянская Е.С. Особенности жанров научной литературы и отбор текстов на различных этапах обучения научных работников иностранному языку // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. М., 1985. С. 189–201.
- 233. Троянская Е.С. Культура научной дискуссии в социальнопсихологическом и лингвистическом аспектах // Типология текстов в функционально- стилистическом аспекте. – Пермь, 1990. – С. 15–27.
- 234. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. 4-е. изд.— М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
- 235. Федосюк М. Ю. Научная полемика как эталон толерантного речевого общения // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография / отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 233–246.
- 236. Федосюк М. Ю. Стиль ссоры // Русская речь. 1993. № 5. С. 14—19.
- 237. Фишер Р. Путь к согласию // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1999. 158 с.
  - 238. Фролов С.А. Социология. М., 2000. 344 с.
- 239. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 47–96.
- 240. Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования / под ред. и с предисл. О.С. Ахматовой, М.М. Глушко. М.: Изд-во Московского университета, 1974. 178 с.
- 241. Хайруллина Д.Д. Ключевые проблемы изучения дискурса в современной лингвистике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 2018. № 10 (133). С. 85–89.

- 242. Харченко Н.П., Сидоренко Ж.И. Лексические средства создания и семантические разновидности категории «оценка собственной и чужой речи» в языке науки // Труды ДВГТУ. Вып. 127. Владивосток, 2000. С. 11–18.
- 243. Хорошавина А.Г. Сложные фразеологизированные конструкции с семантикой аргументированного несогласия в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1995. 168 с.
- 244. Чепкина Э.В. Все как один: язык согласия в корпоративной прессе // Известия Уральского государственного университета 2006, № 40 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.proceeding.usu.ru.
- 245. Чернявская В.Е. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. М.П. Котюрова. Пермь: Перм. ун-т. 2002. С. 122–136.
- 246. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009. 248 с.
- 247. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: учебное пособие. –3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 128 с.
- 248. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. 238 с.
- 249. Шаронов И.А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи: сборниек статей / под ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.profcenter.spb.ru.
- 250. Шаховский В.И. Интертекстуальный минимум как средство успешной коммуникации // Языковая личность: система, нормы, стиль. Волгоград: Перемена, 1998. С. 120–121.
- 251. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 191 с.
- 252. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. 148 с.

- 253. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры: Избранное. М.: Прометей, 1993. 512 с.
- 254. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.–Волгоград, 2000.
- 255. Шипунова Т.В. Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности // СОЦИС. -2002. -№ 3. С. 67–76.
- 256. Шмелёв Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. -1958. № 6. C. 63-75.
- 257. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: монография. М.: Наука, 1977. 160 с.
- 258. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
- 259. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия и пути ее преодоления: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 221 с.
- 260. Яворская Г.М. Прескриптивная лингвистика как дискурс (методологический, социолингвистический, этнокультурный аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. Киев, 2000. 38 с.
- 261. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. 560 с.
- 262. Язык научной литературы: сборник статей / ред. кол. М.К. Пигальская. М.: Наука, 1975. 264 с.
- 263. Яскевич Я.С. Аргументация в науке. Минск: Университетское, 1992. 142 с.
- 264. Hu G., Cao F. Disciplinary and paradigmatic influences on interactional metadiscourse in research articles // English for Specific Purposes. -2015. $N_{\odot}$ 39. P. 12–25.
  - 265. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt a. M., 1972. 114 p.

Словари

- 1. Алабугина Ю.В. Толковый словарь русского языка: с приложениями. М.: ACT, Lingua, 2016. 510 с.
  - 2. Василик М.А., Вершинин М.С. Словарь—справочник. M., 2000. 328 с.
- 3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. –5-е изд., испр. и дополн. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
- 4. Краткий словарь по социологии / сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1989. 479 с.
- 5. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Иванов Л.Ю., Сковородников А.П. и др. М.: Наука, 2003. 840 с.
- 6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 944 с.
- 7. Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. Ю.И. Аверьянов. М., 1993.-431 с.
- 8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948 –1965.
- 9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984.
- 10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 694 с.
- 11. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов / под ред. В.П. Ивановой. М., 2003. Т. 1. 2008. 839 с.

Источники эмпирического материала

- 1. Бадулин Д.Е. Марризм, или Новое учение о языке Николая Марра // Молодой ученый. 2021. № 18 (360). С. 289—292 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://moluch.ru (дата обращения: 23.06.2022).
- 2. Белов A.M., Clackson J., Horroct G. The Blackwell histori of Latin language // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 114–118.

- 3. Белов В.А. Юридическая схоластика как новая научная специальность // Правоведение. -2008. -№ 1. C. 225–236.
- 4. Белов В.А. Еще раз о проблеме бездокументных ценных бумаг // Правоведение. 2008. № 2. С. 211–231.
- 5. Бевзенко Р.С. Как не следует понимать основание внесения имущества в уставной капитал акционерного общества (ответ Ю.А. Тарасенко) // Правоведение. -2008. N = 1. C. 237 246.
- 6. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. –3-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 288 с.
- 7. Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками. М.: Наука, 1985. 272 с.
  - 8. Будагов Р.А. Человек и его язык. М., 1976. 429 c.
- 9. Бурлак С.А., Иткин И. Б. Nesset Abstract phonologi in a concret model // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 119–123.
- 10. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
- 11. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
- 12. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с анг. А.Д. Шмелева / под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
- 13. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007. 144 с.
- 14. Грачев В.В. О диссертации И.Б. Живихиной // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 1. С. 247–257.
- 15. Грот Л.П. Праиндоевропейские корни населения на севере России // Российская история. -2010. -№ 3. С. 171–190.
- 16. Давидович В.Е. Рецензия на монографию В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотова Глобальный капитализм: три великие трансформации // Философские науки. -2009. -№ 8. C. 153-157.
- 17. Донских О.А В.М. Видгоф. Философия эстетического сознания // Философские науки. -2009. -№ 7. C. 152–157.

- 18. Зверева Е.А. Научная речь и модальность. M., 1983. 158 c.
- 19. Кабышев С.А Рецензия на работу Скурко Е.В. «Генно-инженерные биотехнологии. Вопросы правового и экономического регулирования» // Правоведение. 2008. № 1. С. 231—232.
  - 20. Кант И. К вечному миру. М.: РИПОЛ классик, 2019. 434 с.
- 21. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
- 22. Кузнецов В.А. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа // Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Общественные науки. 1987. № 3. С. 129–137.
  - 23. Мизиев И.М. История рядом. Нальчик: Эльбрус, 1990. 144 с.
- 24. Мурадьян Э.М. Размышления по поводу материалов сборника «Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процесса // Гражданское право. 2009. № 9. С. 129–132.
- 25. Парина E.A. A. Falileyev. Welsh Walter of Henley // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 130–134.
- 26. Попков В.А. «Российское образование-2020». Антиинновационная модернизация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. -2010. -№ 1. C. 86–109.
- 27. Ремнева М.Л. Старославянский язык: учебное пособие. 2-е изд. М.: Академический проект, 2004. 352 с.
- 28. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе / под ред. Г.Н. Акимовой. СПб.: СПбГУ, 2003.
- 29. Сепир Э. Речь как черта личности // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 285–297.
- 30. Сидорчук И.В. Н.Я. Марр и марризм в западной историографии // Диалог со временем. Вып. 58. 2017. С. 330–339.
- 31. Соболев Д.М. Лотман и структурализм: опыт невозвращения // Вопросы литературы. -2008. -№ 3. С. 5–51.
- 32. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика: Сложное синтаксическое целое: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1973. 214 с.

- 33. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004.
- 34. Суханов Е.А. Ю.К. Толстой и очередные задачи отечественной цивилистики // Вестник Гражданского права. 2009. Т. 9, № 1. С. 251–260.
- 35. Тарасенко Ю.А., Ястржембский И.А. Рецензия на работу С.Д. Радченко «Злоупотребление правом в гражданском праве России» // Вестник Гражданского права. 2010. Т. 10, № 2. С. 289–303.
- 36. Тарланов З.К. SUPER OMNIA VERITAS: Из опыта оппонирования: Об актуальных вопросах русского и общего языкознания. Махачкала, 2012. 252 с.
  - 37. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000. 310 с.
- 38. Толстой Ю.К. Е.А. Суханов как зеркало отечественной цивилистики // Правоведение. -2008. -№ 2. - C. 4-10.
- 39. Халидов А.И. Чеченский язык: Морфемика. Словообразование. Грозный ГУП «Книжное издательство», 2010. 768 с.
- 40. Харитончик З.А. Транспозиция, конверсия, суффиксация // С любовью к языку: сборник научных трудов, посвящается Е.С. Кубряковой. М.—Воронеж, 2002. С. 197–206.
- 41. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность дискурсивность интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сборник научных статей / отв. ред. В.Е. Чернявская. СПб.: СПБГУЭФ, 2007. 223 с.
- 42. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.-416 с.
- 43. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. М., 1945. Т. IV. Вып. 5. С. 173–186.
  - 44. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с.
- 45. Ярков А.П. Рецензия на диссертацию А.М. Капалина «Социальные функции института Русской православной церкви» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.religiopolis.ru (дата обращения: 14.05.2019).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БРЭС – Большой Российский энциклопедический словарь

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь

РГ – Русская грамматика

СРЯ – Словарь русского языка

СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка